

Лев Николаевич

Толстой

Два брата и золото

Жили в давнишние времена недалеко от Иерусалима два родные брата, старший Афанасий и меньшой Иоанн. Они жили на горе, недалеко от города, и питались тем, что им давали люди. Все дни братья проводили на работе. Работали они не свою работу, а работу бедных. Где были утружденные работой, где были больные, сироты и вдовы, туда ходили братья и там работали и уходили, не принимая платы. Так проводили братья врозь всю неделю и сходились только в субботу вечером к своему жилищу. Только воскресный день они оставались дома, молились и беседовали. И ангел господень сходил к ним и благословлял их. В понедельник они расходились каждый в свою сторону. Так жили братья много лет, и всякую неделю ангел господень сходил к ним и благословлял их.

В один понедельник, когда братья вышли на работу и разошлись уже в разные стороны, старшему брату, Афанасию, стало жаль расставаться с любимым братом и он остановился и оглянулся. Иоанн шел, потупив голову, в свою сторону и не глядел назад. Но вдруг Иоанн тоже остановился и, как будто увидав что-то, пристально, из-под руки, стал смотреть туда. Потом приблизился к тому, на что смотрел, потом вдруг прыгнул в сторону и, не оглядываясь, побежал под гору и на гору, прочь от того места, как будто лютый зверь гнался за ним. Удивился Афанасий и вернулся назад к тому месту, чтобы узнать, чего так испугался его брат. Стал подходить он и видит, что-то блестит на солнце. Подошел ближе – на траве, как высыпана из меры, лежит куча золота, беременна на два. И еще больше удивился Афанасий и на золото и на прыжок брата.

«Чего он испугался и отчего он убежал? – подумал Афанасий. – В золоте греха нет, грех в человеке. Золотом можно зло сделать, можно и добро сделать. Сколько сирот и вдов можно прокормить, сколько голых одеть, сколько убогих и больных уврачевать на это золото! Мы теперь служим людям, но служба наша малая по нашей малой силе, а с этим золотом мы можем больше служить людям». Подумал так Афанасий и хотел сказать все это брату; но Иоанн ушел уж из слуха вон и только, как козявка, виднелся он уж на другой горе.

И снял Афанасий с себя одежду, нагреб в нее золота, сколько в силах унести, взвалил на плечо и понес в город. Пришел в гостиницу, сдал гостинику золото и пошел за остальным. И когда принес все золото, то пошел к купцам, купил земли в городе, купил камней, лесу, нанял рабочих и стал строить три дома. И прожил Афанасий в городе три месяца, построил в городе три дома: один дом – приют для вдов и сирот, другой дом – больница для хворых и убогих, третий дом – для странников и нищих. И нашел Афанасий трех благочестивых старцев, и одного поставил над приютом, другого – над больницей, а третьего –

над странноприимным домом. И осталось еще 3000 золотых монет у Афанасия. И отдал он каждому старцу по тысяче, чтобы на руки раздавать бедным. И стали наполняться народом все три дома, и стали люди хвалить Афанасия за все то, что он сделал. И радовался на это Афанасий, так что и не хотелось ему уходить из города. Но любил Афанасий брата своего и, распрощавшись с народом, не оставив себе ни одной монеты, в той же старой одежде, в какой он пришел, в той же и пошел назад к своему жилищу.

Подходит Афанасий к своей горе и думает: «Неправильно рассудил брат, когда прыгнул прочь от золота и убежал от него. Разве не лучше я сделал?»

И только подумал это Афанасий, как вдруг видит – стоит на пути его тот ангел, который благословлял их, и грозно глядит на него. И обомлел Афанасий и только сказал:

– За что, господи?

И открыл ангел уста и сказал:

– Иди отсюда. Ты недостойн жить с братом твоим. Один прыжок брата твоего стоит дороже тех твоих дел, которые ты сделал золотом твоим.

И стал Афанасий говорить о том, сколько бедных и странных он накормил, сколько сирот призревал. И ангел сказал ему:

– Тот дьявол, который положил это золото, чтобы соблазнить тебя, научил тебя и словам этим.

И тогда обличила Афанасия совесть его, и познал он, что не для бога делал он дела свои, и он заплакал и стал каяться.

Тогда отстранился ангел с дороги и открыл ему путь, на котором уже стоял Иоанн, ожидая брата. И с тех пор Афанасий не поддавался соблазну дьявола, рассыпавшего золото, и познал, что не золотом, а только трудом можно служить богу и людям.

И стали братья жить по-прежнему.

Лев Николаевич

Толстой

Сказка об Иване-дураке и его двух братьях:

Семене-воине и Тарасе-брюхане,

и немой сестре Маланье,
и о старом дьяволе и трех чертенятах
(1885 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1937

Электронное издание осуществлено
компаниями ABBYY и WEXLER
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:
Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»
Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ–ДУРАКЕ И ЕГО ДВУХ БРАТЬЯХ: СЕМЕНЕ–ВОИНЕ И ТАРАСЕ–
БРЮХАНЕ И НЕМОЙ СЕСТРЕ МАЛАНЬЕ, И О СТАРОМ ДЬЯВОЛЕ И ТРЕХ
ЧЕРТЕНЯТАХ.

I.

В некотором царстве, в некотором государстве жил–был богатый мужик. И было у богатого мужика три сына: Семен–воин, Тарас–брюхан и Иван–дурак, и дочь Маланья–векоуха, немая. Пошел Семен–воин на войну, царю служить, Тарас–брюхан пошел в город к купцу, торговать, а Иван–дурак с девкою остался дома работать, горб наживать. Выслужил себе Семен–воин чин большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было и вотчина большая, а всё концы с концами не сводил: что муж соберет, всё жена–барыня рукавом растрясет; всё денег нет. И приехал Семен–воин в вотчину доходы собирать. Приказчик ему и говорит:

– Не с чего взять; нет у нас ни скотины, ни снасти, ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны; надо всего завести– тогда доходы будут.

И пошел Семен–воин к отцу:

– Ты, – говорит, – батюшка, богат, а мне ничего не дал. Отдели мне

третью часть, я в свою вотчину переведу.

– Старик и говорит:

– Ты мне в дом ничего не подавал, за что тебе третью часть давать? Ивану с девкой обидно будет.

А Семен говорит:

– Да ведь – он дурак, а она – векоуха немая; чего им надо?

Старик и говорит:

– Как Иван скажет.

А Иван говорит:

– Ну что ж, пускай берет.

Взял Семен-воин часть из дома, перевел в свою вотчину, опять уехал к царю служить.

Нажил и Тарас-брюхан денег много, – женился на купчихе, да всё ему мало было, приехал к отцу и говорит:

– Отдели мне мою часть.

Не хотел старик и Тарасу давать часть.

– Ты, – говорит, – нам ничего не подавал, а что в доме есть, то Иван нажил. Тоже и его с девкой обидеть нельзя.

А Тарас говорит:

– На что ему, он дурак; жениться ему нельзя, никто не пойдет, а девке немой тоже ничего не нужно. Давай, говорит, Иван, мне хлеба половинную часть; я снасти брать не буду, а из скотины только жеребца сивого возьму, – тебе он пахать не годится».

Засмеялся Иван.

– Ну что ж, – говорит, – я пойду обротаю.

Отдали и Тарасу часть. Увез Тарас хлеб в город, увел жеребца сивого, и остался Иван с одной кобылой старой попрежнему крестьянствовать – отца с матерью кормить.

II.

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились в дележе братья, а разошлись по любви. И кликнул он трех чертенят.

– Вот видите, – говорит, – три брата живут: Семен–воин, Тарас–брюхан и Иван–дурак. Надо бы им всем перессориться, а они мирно живут: друг с дружкой хлеб–соль водят. Дурак мне все дела испортил. Подите вы втроем, возьмитесь за троих и смутите их так, чтобы они друг дружке глаза повыдрали. Можете ли это сделать?

– Можем, – говорят.

– Как же вы делать будете?

– А так, – говорят, – сделаем: разорим их сперва, чтоб им жрать нечего было, а потом собьем в одну кучу, они и передерутся.

– Ну, ладно, – говорит, – я вижу, –вы дело знаете; ступайте и ко мне не ворочайтесь, пока всех троих не смутите, а то со всех троих шкуру спущу.

Пошли чертенята все в болото, стали судить, как за дело братья; спорили, спорили, каждому хочется полегче работу выгадать, и порешили на том, что жеребий кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше других отделается, чтоб приходил другим подсоблять. Кинули жеребий чертенята и назначили срок, опять когда в болоте собраться, узнать, кто отделался и кому подсоблять идти.

Пришел срок, и собрались по уговору чертенята в болоте. Стали толковать, как у кого дела. Стал рассказывать первый чертенок – от Семена–воина.

– Мое дело, – говорит, – ладится. Завтра, – говорит, – мой Семен домой к отцу придет.

Стали его товарищи спрашивать:

– Как ты, – говорят, – сделал?

– А я, – говорит, – первым делом храбрость такую на Семена навел, что он обещал своему царю весь свет завоевать, и сделал царь Семена начальником, послал его воевать индейского царя. Сошлись воевать. А я в ту же ночь в Семеновом войске весь порох подмочил и пошел к индейскому царю из соломы солдат наделал видимо–невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на них со всех сторон соломенные солдаты заходят, – заробели. Велел Семен воин палить: пушки, ружья не выходят. Испугались Семеновы солдаты и побежали, как бараны. И побил их индейский царь. Осрамился Семен–воин, отняли у него вотчину и завтра казнить хотят. Только мне на день и дела осталось, из темницы его выпустить, чтобы он домой убежал. Завтра отделаюсь, так сказывайте, кому из двух помогать приходиться?

Стал и другой чертенок, от Тараса, рассказывать про свои дела:

– Мне, – говорит, – помогать не нужно. Мое дело тоже на лад пошло,

больше недели не проживет Тарас. Я, – говорит, – первым делом отростил ему брюхо и навел на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сделалась, что, что ни увидит, всё ему купить хочется. Накупил он всего видимо-невидимо на все свои деньги и всё еще покупает. Теперь уж стал на заемные покупать. Уж много на шею набрал и запутался так, что не распутается. Через неделю сроки подойдут отдавать, а я из всего товара его навоз сделаю, – не расплатится и придет к отцу.

Стали спрашивать и третьего чертенка, от Ивана.

– А твое дело как?

– Да что, – говорит, – мое дело не ладится. Наплевал я ему первым делом в кувшин с квасом, чтобы у него живот болел, и пошел на его пашню, сбил землю, как камень, чтоб он не осилил. Думал я, что он не вспашет, а он, дурак, приехал с сохой, начал драть. Кряхтит от живота, а сам всё пашет. Изломал я ему одну соху, – поехал дурак домой, переладил другую, подвои новые подвязал и опять принялся пахать. Залез я под землю, стал за сошники держать, не удержишь никак, – налегает на соху, а сошники острые; изрезал мне руки все. Почти всё допахал, одна только полоска осталась. Приходите, – говорит, – братцы, помогать, а то, как мы его одного не осилим, все наши труды пропадут. Если дурак останется, да крестьянствовать будет, они нужды не увидят, он обоих братьев кормить будет.

Пообещал чертенок от Семена-воина назавтра приходить помогать, и разошлись на том чертенята.

III.

Вспахал Иван весь пар, только одна полоска осталась. Приехал допахивать. Болит у него живот, а пахать надо. Выхлестнул гужи, перевернул соху и поехал пахать. Только завернулся раз, поехал назад – ровно за корень зацепило что-то – волочет. А это чертенок ногами вокруг рассохи заплел, – держит. «Что за чудо! – думает Иван. – Корней тут не было, а корень». Запустил Иван руку в борозду, ощупал – мягкое. Ухватил что-то, вытащил. Черное, как корень, а на корне что-то шевелится. Глядь – чертенок живой.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая»!

Замахнулся Иван, хотел о приголовок пришибить его, да запищал чертенок:

– Не бей ты меня, – говорит, – а я тебе, что хочешь, сделаю.

– Что ж ты мне сделаешь?

– Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иван.

– Брюхо, – говорит, – болит у меня – поправить можешь?

– Могу, – говорит.

– Ну, лечи.

Нагнулся чертенок в борозду, пошарил, пошарил когтями, выхватил корешок–тройчатку, подал Ивану.

– Вот, – говорит, – кто ни проглотит один корешок, всякая боль пройдет.

Взял Иван, разорвал корешки, проглотил один. Сейчас живот прошел.

Запросился опять чертенок.

– Пусти, – говорит, – теперь меня, я в землю проскочу – больше ходить не буду.

– Ну что ж, – говорит, – Бог с тобой!

И как только сказал Иван про Бога, – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась. Засунул Иван два остальных корешка в шапку и стал допахивать. Запахал до конца полоску, перевернул соху и поехал домой. Отпрёг, пришел в избу, а старший брат, Семен–воин, сидит с женой – ужинают. Отняли у него вотчину, – насилие из тюрьмы ушел и прибежал к отцу жить.

Увидал Семен Ивана.

– Я, – говорит, – к тебе жить приехал; корми нас с женой, пока место новое выйдет.

– Ну что ж, – говорит, – живите.

Только хотел Иван на лавку сесть, – не понравился барыне дух от Ивана. Она и говорит мужу:

– Не могу я, – говорит, – с вонючим мужиком вместе ужинать.

Семен–воин и говорит:

– Моя барыня говорит: от тебя дух не хорош, – ты бы в сенях поел.

– Ну что ж, – говорит. – Мне и так в ночное пора – кобылу кормить.

Взял Иван хлеба, кафтан и поехал в ночное.

IV.

Отделался в эту ночь чертенок от Семена-воина и пришел по уговору Иванова чертенка искать – ему помогать дурака донимать. Пришел на пашню; поискал, поискал товарища, – нет нигде, только дыру нашел. «Ну, – думает, – видно с товарищем беда случилась, надо на его место становиться. Пашня допахана, – надо будет дурака на покосе донимать».

Пошел чертенок в луга, напустил на Иванов покос паводок; затянуло весь покос грязью. Вернулся на зорьке Иван из ночного, отбил косу, пошел луга косить. Пришел Иван, стал косить; махнет раз, махнет другой – затупится коса, не режет, точить надо. Бился, бился Иван.

– Нет, – говорит, – пойду домой, отбой принесу да и хлеба ковригу. Хоть неделю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу.

Услыхал чертенок – задумался.

– Калян, – говорит, – дурак этот, не проймешь его. Надо на другие штуки подниматься.

Пришел Иван, отбил косу, стал косить. Залез чертенок в траву, стал косу за пятку ловить, носком в землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосил покос, – осталась одна делянка в болоте. Залез чертенок в болото, думает себе:

– Хоть лапы перережу, а не дам выкосить.

Зашел Иван в болото; трава – смотреть – не густая, а не проворотить косы. Рассердился Иван, начал во всю мочь махать; стал чертенок подаваться – не поспекает отскакивать; видит – дело плохо, забился в куст. Размахнулся Иван, шаркнул по кусту, отхватил чертенку половину хвоста. Докосил Иван покос, велел девке грести, а сам пошел рожь косить.

Вышел с крюком, а кургузый чертенок уж там, перепутал рожь так, что на крюк нейдет. Вернулся Иван, взял серп и принялся жать – выжал всю рожь.

– Ну, теперь, – говорит, – надо за овес браться.

Услыхал кургузый чертенок, думает: «На ржи не донял, так на овсе дойму, дай только утра дожждаться». Прибежал чертенок утром на овсяное поле, а овес уже скошен: Иван его ночью скошил, чтоб меньше сыпался. Рассердился чертенок.

– Изрезал, – говорит, – меня и замучил дурак. И на войне такой беды не видал! Не спит проклятый, за ним не поспеешь! Пойду, – говорит, – теперь в копны, прогною ему всё.

И пошел чертенок в ржаную копну, залез между снопами – стал гноить: согрел их и сам согрелся и задремал.

А Иван запрёг кобылу и поехал с девкой возить. Подъехал к копне, стал кидать на воз. Скинул два снопа, сунул, – прямо чертенку в зад; поднял – глядь: на вилах чертенок живой, да еще кургузый, барахтается, ужимается, соскочить хочет.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая! Ты опять тут?

– Я, – говорит, – другой, то мой брат был. А я, – говорит, – у твоего брата Семена был.

– Ну, – говорит, – какой ты там ни будь, и тебе то же будет! – Хотел его об грядку пришибить, да стал его просить чертенок.

– Отпусти, – говорит, – больше не буду, а я тебе что хочешь сделаю.

– Да что ты сделать можешь?

– А я, – говорит, – могу из чего хочешь солдат наделать.

– Да на что их?

– А на что, говорит, хочешь их поверни; они всё могут.

– Песни играть могут?

– Могут.

– Ну что ж, – говорит, – сделай.

И сказал чертенок:

– Возьми ты, вот, сноп ржаной, тряхни его о землю гузом и скажи только: велит мой холоп, чтоб был не сноп, а сколько в тебе соломинок, столько бы солдат.

Взял Иван сноп, потрянул оземь и сказал, как велел чертенок. И раскочился сноп, и сделались солдаты, и впереди барабанщик и трубач играют. Засмеялся Иван.

– Ишь ты, – говорит, – как ловко! Это, – говорит, – хорошо, –девок веселить.

– Ну, – говорит чертенок, – пусти же теперь.

– Нет, – говорит, – это я старновки делать буду, а то даром зерно пропадает. Научи, как опять в сноп поворотить. Я его обмолочу.

Чертенок и говорит:

– Скажи: сколько солдат, столько соломинок. Велит мой холоп, будь опять сноп!

Сказал так Иван, и стал опять сноп.

И стал опять проситься чертенок.

– Пусти, – говорит, – теперь.

– Ну что ж!

Зацепил его Иван за грядку, придержал рукой, сдернул с вил.

– С Богом, – говорит. – И только сказал про Бога, – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась.

Приехал Иван домой, а дома и другой брат, Тарас, с женой сидят – ужинают. Не расчелся Тарас–брюхан, убежал от долгов и пришел к отцу. Увидал Ивана.

– Ну, – говорит, – Иван, пока я расторгуюсь, корми нас с женой.

– Ну что ж, – говорит, – живите.

Снял Иван кафтан, сел к столу.

А купчиха говорит:

– Я, – говорит, – с дураком кушать не могу: от него, – говорит, – пдтом воняет.

Тарас–брюхан и говорит:

– От тебя, – говорит, – Иван, дух не хорош, – поди, в сенях поешь.

– Ну что ж, – говорит.

Взял хлеба, ушел на двор.

– Мне, – говорит, – кстати в ночное пора – кобылу кормить.

V.

Отделался в эту ночь и от Тараса чертенок – пришел по уговору товарищам помогать – Ивана–дурака донимать. Пришел на пашню, поискал, поискал товарищей – нет никого, только дыру нашел. Пошел на луга – в болоте хвост нашел, а на ржаном жнивье и другую дыру нашел. «Ну, – думает, – видно, над товарищами беда случилась, надо на их место становиться, за дурака приниматься».

Пошел чертенок Ивана искать. А Иван уж с поля убрался, в роще лес

рубит.

Стало братьям тесно жить вместе, велели дураку себе на избы лес рубить, новые дома строить.

Прибежал чертенок в лес, залез в сучья, стал мешать Ивану деревья валить. Подрубил Иван дерево как надо, чтоб на чистое место упало, стал валить – дуром пошло дерево, повалилось куда не надо, на суках застряло. Вырубил Иван рочаг, начал отворачивать – насилу свалил дерево. Стал Иван рубить другое – опять то же. Бился, бился, насилу выпростал. Взялся за третье – опять то же. Думал Иван хлыстов полсотни срубить, и десятка не срубил, а уж ночь на дворе. И замучался Иван. Валит от него пар, как туман по лесу пошел, а он всё не бросает. Подрубил он еще дерево, и заломило ему спину, так что мочи не стало; воткнул топор и присел отдохнуть. Услыхал чертенок, что затих Иван, обрадовался. «Ну, – думает, – выбился из сил – бросит; отдохну теперь и я». Сел верхом на сук и радуется. А Иван поднялся, вынул топор, размахнулся да как тяпнет с другой с стороны, сразу затрещало дерево – грохнулось. Не спопашился чертенок, не успел ног выпростать, сломался сук и зажемячил чертенка за лапу. Стал Иван очищать – глядь: чертенок живой. Удивился Иван.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая! Ты опять тут?

– Я, – говорит, – другой. Я у твоего брата Тараса был.

– Ну, какой бы ты ни был, а тебе то же будет!

Замахнулся Иван топором, хотел его обухом пристукнуть. Взмолился чертенок.

– Не бей, – говорит, – меня, я тебе что хочешь сделаю.

– Да что ж ты сделать можешь?

– А я, – говорит, – могу тебе денег сколько хочешь наделать.

– Ну что ж, – говорит, – наделаю!

И научил его чертенок.

– Возьми ты, – говорит, – листу дубового с этого дуба и потри в руках. Наземь золото падать будет.

Взял Иван листьев, потер – посыпалось золото.

– Это, – говорит, – хорошо, когда на гулянках с ребятами играть.

– Пусти же, – говорит чертенок.

– Ну что ж! – Взял Иван рочаг, выпростал чертенка. – Бог с тобой! – говорит. – И как только сказал про Бога, – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась.

VI.

Построили братья дома и стали жить порознь. А Иван убрался с поля, пива наварил и позвал братьев гулять. Не пошли братья к Ивану в гости.

– Не видали мы, – говорят, – мужицкого гулянья.

Угостил Иван мужиков, баб и сам выпил – захмелел и пошел на улицу в хороводы. Подошел Иван к хороводам, велел бабам себя величать.

– Я, – говорит, – вам того дам, чего вы в жизнь не видали. – Посмеялись бабы и стали его величать. Отвеличали и говорят:

– Ну, что ж, давай.

– Сейчас, – говорит, – принесу. – Ухватил севалку, побежал в лес. Смеются бабы: «то-то дурак!» И забыли про него. Глядь: бежит Иван назад, несет севалку полну чего-то.

– Одевать, что ли?

– Одевай.

Захватил Иван горсть золота – кинул бабам. Батюшки! Бросились бабы подбирать; выскочили мужики, друг у дружки рвут, отнимают. Старуху одну чуть до смерти не задавили. Смеется Иван.

– Ах, вы дурачки, – говорит, – зачем вы бабушку задавили. Вы полегче, а я вам еще дам. – Стал еще швырять. Сбежался народ – расшвырял Иван всю севалку. Стали просить еще. А Иван говорит:

– Вся. Другой раз еще дам. Теперь давайте плясать, играйте песни.

Заиграли бабы песни.

– Не хороши, – говорит, – ваши песни.

– Какие же, – говорят, – лучше?

– А я, – говорит, – вот вам покажу сейчас.

Пошел на гумно, выдернул сноп, обил его, поставил на гузо, стукнул.

– Ну, – говорит, – сделай холоп, чтоб был не сноп, а каждая соломинка – солдат.

Расскочился сноп, стали солдаты; заиграли барабаны, трубы. Велел Иван солдатам песни играть, вышел с ними на улицу. Удивился народ.

Поиграли солдаты песни, и увел их Иван назад на гумно, а сам не велел никому за собой ходить, и сделал опять солдат снопом, бросил на одонье. Пришел домой и лег спать в закуту.

VII.

Узнал на утро про эти дела старший брат Семен-воин, приходит к Ивану.

– Открой ты мне, – говорит, – откуда ты солдат приводил и куда увел?

– А на что, – говорит, – тебе?

– Как на что? С солдатами всё сделать можно. Можно себе царство добыть.

Удивился Иван.

– Ну? Что ж ты, – говорит, – давно не сказал? Я тебе сколько хочешь наделаю. Благо мы с девкой много насторновали.

Повел Иван брата на гумно и говорит:

– Смотри же, я их делать буду, а ты их уводи, а то коли их кормить, так они в один день всю деревню слопают.

Обещал Семен-воин увести солдат, и начал Иван их делать. Стукнет по току снопом – рота; стукнет другим – другая; наделал их столько, что всё поле захватили.

– Что ж, будет, что ли?

Обрадовался Семен и говорит:

– Будет. Спасибо, Иван.

– То-то, – говорит. – Коли тебе еще надо, ты приходи, я еще наделаю. Соломы нынче много.

Сейчас распорядился Семен-воин войском, собрал их как следует и пошел воевать.

Только ушел Семен-воин, приходит Тарас-брюхан, – тоже узнал про вчерашнее дело, стал брата просить:

– Открой мне, откуда ты золотые деньги берешь? Кабы у меня такие вольные деньги были, я бы к этим деньгам со всего света деньги собрал.

Удивился Иван.

– Ну! Ты бы давно, – говорит, – мне сказал. Я тебе сколько хочешь натру.

Обрадовался брат:

– Дай мне хоть севалки три.

– Ну что ж, – говорит, – пойдем в лес, а то лошадь запряги, – не унесешь.

Поехали в лес; стал Иван с дуба листья натирать. Насыпал кучу большую.

– Будет, что ли?

Обрадовался Тарас.

– Пока будет, – говорит. – Спасибо, Иван.

– То-то, – говорит. – Коли тебе еще надо, приходи, я натру еще, – листу много осталось.

Набрал Тарас-брюхан денег воз целый и уехал торговать.

Уехали оба брата. И стал Семен воевать, а Тарас торговать. И завоевал себе Семен-воин царство, а Тарас-брюхан наторговал денег кучу большую.

Сошлись братья вместе и открылись друг другу: откуда у Семена солдаты, а у Тараса деньги.

Семен-воин и говорит брату:

– Я, – говорит, – царство себе завоевал, и мне жить хорошо, только у меня денег нехватка – солдат кормить.

А Тарас-брюхан говорит:

– А я, – говорит, – нажил денег бугор большой, только одно, – говорит, – горе – караулить денег некому.

Семен-воин и говорит:

– Пойдем, – говорит, – к брату Ивану, –я велю ему еще солдат наделать – тебе отдам твои деньги караулить, а ты вели ему мне денег натереть, чтоб было чем солдат кормить.

И поехали они к Ивану. Приезжают к Ивану. Семен и говорит:

– Мне мало, братец, моих солдат, сделай мне, – говорит, – еще солдат, хоть копны две переделай.

Замотал головой Иван. – Даром, – говорит, – не стану больше тебе солдат делать.

– Да как же, – говорит, – ты обещал?

– Обещал, – говорит, – да не стану больше.

– Да отчего ж, ты, дурак, не станешь?

– А оттого, что твои солдаты человека до смерти убили. Я наемни пашу у дороги: вижу, баба по дороге гроб везет, а сама воет. Я спросил: «Кто помер?» Она говорит: «Мужа Семеновы солдаты на войне убили». Я думал, что солдаты будут песни играть, а они человека до смерти убили. Не дам больше.

Так и уперся, не стал больше делать солдат.

Стал и Тарас-брюхан просить Ивана-дурака, чтоб он ему еще золотых денег наделал.

Замотал головой Иван.

– Даром, – говорит, – не стану больше тереть.

– Да как же ты, – говорит, – обещал?

– Обещал, – говорит, – да не стану больше.

– Да отчего же ты, дурак, не станешь?

– А оттого, что твои золотые у Михайловны корову отняли.

– Как отняли?

– Так отняли. Была у Михайловны корова, ребята молоко хлебали, а наемни пришли ее ребята ко мне молока просить. Я и говорю им: «А ваша корова где?» – Говорят: «Тараса-брюхана приказчик приезжал, мамушке три золотые штучки дал, а она ему и отдала корову, нам теперь хлебать нечего». Я думал, ты золотыми штучками играть хочешь, а ты у ребят корову отнял. Не дам больше!

И уперся дурак, не дал больше. Так и уехали братья.

Уехали братья и стали судить, как им своему горю помочь. Семен и говорит:

– Давай вот что сделаем. Ты мне денег дай – солдат кормить, а я тебе половину царства с солдатами отдам – твои деньги караулить.

Согласился Тарас. Поделились братья, и стали оба царями и оба богаты.

VIII.

А Иван дома жил, отца с матерью кормил, с немой девкой в поле работал.

Только случилось раз, заболела у Ивана собака дворная старая, опаршивела, стала издыхать. Пожалел ее Иван – взял хлеба у немой, положил в шапку, вынес собаке, кинул ей. А шапка продралась, и выпал с хлебом один корешок. Сlopала его с хлебом собака старая. И только проглотила корешок, вскочила собака, заиграла, залаяла, хвостом замахала – здорова стала.

Увидали отец с матерью, удивились.

– Чем ты, – говорят, – собаку вылечил?

А Иван и говорит:

– У меня два корешка были – от всякой боли лечат, так она и слопала один.

И случилось в это время, что заболела у царя дочь, и повестил царь по всем городам и селам – кто вылечит ее, того он наградит, и если холостой, за того и дочь замуж отдаст. Повестили и у Ивана в деревне.

Позвали отец с матерью Ивана и говорят ему:

– Слышал ты, что царь повещает? Ты сказывал, что у тебя корешок есть, поезжай, вылечи царскую дочь. Ты навек счастье получишь.

– Ну что ж, – говорит.

И собрался Иван ехать. Одели его, выходит Иван на крыльцо, видит – стоит побирушка косорукая.

– Слышала я, – говорит, – что ты лечишь? Вылечи мне руку, а то и обуться сама не могу.

Иван и говорит:

– Ну что ж!

Достал корешок, дал побирушке, велел проглотить. Проглотила побирушка и выздоровела, сейчас стала рукой махать. Вышли отец с матерью Ивана к царю провожать, услышали, что Иван последний корешок отдал и нечем царскую дочь лечить, стали его отец с матерью ругать.

– Побирушку, – говорят, – пожалел, а царскую дочь не жалеешь!

Жалко стало Ивану и царскую дочь. Запрёг он лошадь, кинул соломы в

ящик и сел ехать.

– Да куда же ты, дурак?

– Царскую дочь лечить.

– Да ведь тебе лечить нечем?

– Ну что ж, – говорит, – и погнал лошадь.

Приехал на царский двор и только ступил на крыльцо, выздоровела царская дочь.

Обрадовался царь, велел звать к себе Ивана, одел его, нарядил.

– Будь, – говорит, – ты мне зятем.

– Ну что ж, – говорит.

И женился Иван на царевне. А царь вскоре помер. И стал Иван царем. Так стали царями все три брата.

IX.

Жили три брата – царствовали.

Хорошо жил старший брат Семен–воин. Набрал он со своими соломенными солдатами настоящих солдат. Велел он по всему своему царству с 10 дворов по солдату поставлять, и чтобы был солдат тот и ростом велик, и телом бел, и лицом чист. И набрал он таких солдат много и всех обучил. И как кто ему в чем поперечит, сейчас посылает этих солдат и делает всё, как ему вздумается. И стали его все бояться.

И житье ему было хорошее. Что только задумает и на что только глазами вскинет, то и его. Пошлет солдат, а те отберут и принесут и приведут всё, что ему нужно.

Хорошо жил и Тарас–брюхан. Он свои деньги, что забрал от Ивана, не растерял, а большой прирост им сделал. Завел он у себя в царстве порядки хорошие. Деньги держал он у себя в сундуках, а с народу взыскивал деньги. Взыскивал он деньги и с души, и с водки, и с пива, и со свадьбы, и с похорон, и с проходу, и с проезду, и с лаптей, и с онуч, и с оборок. И что ни вздумает, всё у него есть. За денежки к нему всего несут и работать идут, потому что всякому деньги нужны.

Не плохо жил и Иван–дурак. Как только похоронил тестя, снял он всё царское платье – жене отдал в сундук спрятать, – опять надел посконную рубаху, портки и лапти обул и взялся за работу.

– Скучно, – говорит, – мне: брюхо расти стало, и еды и сна нет.

Привез отца с матерью и девку немую и стал опять работать.

Ему и говорят:

– Да ведь ты царь!

– Ну что ж, – говорит, – и царю жрать надо.

Пришел к нему министр, – говорит:

– У нас, – говорит, – денег нет жалованье платить.

– Ну что ж, – говорит, – нет, так и не плати.

– Да они, – говорит, – служить не станут.

– Ну что ж, – говорит, – пускай, – говорит, – не служат, им свободнее работать будет; пускай навоз вывозят, они много его нанавозили.

Пришли к Ивану судиться. Один говорит:

– Он у меня деньги украл.

А Иван говорит:

– Ну что ж! значит, ему нужно.

Узнали все, что Иван – дурак. Жена ему и говорит:

– Про тебя говорят, что ты дурак.

– Ну что ж, – говорит.

Подумала, подумала жена Иванова, а она тоже дура была.

– Что же мне, – говорит, – против мужа идти? Куда иголка, туда и нитка.

Посняла царское платье, положила в сундук, пошла к девке немой работе учиться. Научилась работать, стала мужу подсоблять.

И ушли из Иванова царства все умные, остались одни дураки. Денег ни у кого не было. Жили – работали, сами кормились и людей добрых кормили.

Х.

Ждал, ждал старый дьявол вестей от чертенят о том, как они трех братьев разорили, – нет вестей никаких. Пошел сам проведать; искал, искал, нигде не нашел, только три дыры отыскал. «Ну, – думает, – видно, не осилили, – надо самому приниматься».

Пошел разыскивать, а братьев на старых местах уже нет. Нашел он их в разных царствах. Все три живут–царствуют. Обидно показалось старому дьяволу.

– Ну, – говорит, – возьмусь–ка я сам за дело.

Пошел он прежде всего к Семену–царю. Пошел он не в своем виде, а оборотился воеводой, – приехал к Семену–царю.

– Слышал я, – говорит, – что ты, Семен–царь, воин большой, а я этому делу твердо научен, хочу тебе послужить.

Стал его расспрашивать Семен–царь, видит: человек умный, – взял на службу.

Стал новый воевода Семена–царя научать, как сильное войско собрать.

– Первое дело, надо, – говорит, – больше солдат собрать, а то, – говорит, – у тебя в царстве много народа дурно гуляет. Надо, – говорит, – всех молодых без разбора забрить, тогда у тебя войска впятеро против прежнего будет. Второе дело – надо ружья и пушки новые завести. Я тебе такие ружья заведу, что будут сразу по сту пуль выпускать, как горохом будут сыпать. А пушки заведу такие, что они будут огнем жечь. Человека ли, лошадь ли, стену ли – всё сожжет.

Послушался Семен–царь воеводы нового, велел всех под ряд молодых ребят в солдаты брать, и заводы новые завел; наделал ружей, пушек новых и сейчас же на соседнего царя войной пошел. Только вышло навстречу войско, велел Семен–царь своим солдатам пустить по нем пулями и огнем из пушек; сразу перекалечил, пережег половину войска. Испугался соседний царь, покорился и царство свое отдал. Обрадовался Семен–царь.

– Теперь, – говорит, – я индейского царя завоюю.

А индейский царь услышал про Семена–царя и перенял от него все его выдумки, да еще свои выдумал. Стал индейский царь не одних молодых ребят в солдаты брать, а и всех баб холостых в солдаты забрал, и стало у него войска еще больше, чем у Семена–царя, а ружья и пушки все от Семена–царя перенял, да еще придумал по воздуху летать и бомбы разрывные сверху кидать.

Пошел Семен–царь войной на индейского царя, думал, как и прежнего, повоевать, да – резала коса, да нарезалась.

Не допустил царь индейский Семенова войска до выстрела, а послал своих баб по воздуху на Семеново войско разрывные бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, как буру на тараканов, бомбы

посыпать; разбежалось всё войско Семеново и остался Семен–царь один. Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен–воин убежал куда глаза глядят.

Обделал этого брата старый дьявол и пошел к Тарасу–царю. Оборотился он в купца и поселился в Тарасовом царстве, стал заведение заводить, стал денежки выпускать. Стал купец за всякую вещь дорого платить, и бросился весь народ к купцу деньги добывать. И завелось у народа денег так много, что все недоимки выплатили и в срок все подати подавать стали.

Обрадовался Тарас–царь. «Спасибо, – думает, – купцу, теперь у меня денег еще прибавится, житье мое еще лучше станет». И стал Тарас–царь новые затеи затевать, зачал себе новый дворец строить. Повестил народу, чтоб везли ему лес, камень и шли работать, назначил за всё цены высокие. Думал Тарас–царь, что попрежнему за его денежки повалит к нему народ работать. Глядь, весь лес и камень к купцу везут, и весь рабочий народ к нему валит. Прибавил Тарас–царь цену, а купец еще накинул. У Тараса–царя денег много, а у купца еще больше, и перебил купец царскую цену. Стал дворец царский; не строится. Затаян был у Тараса–царя сад. Пришла осень. Повещает Тарас–царь, чтоб народ шел к нему сад сажать, – не выходит никто, весь народ купцу пруд копает. Пришла зима. Задумал Тарас–царь мехов собольих купить на шубу новую. Посылает покупать, приходит посол, говорит:

– Нету соболей, – все меха у купца, он дороже дал и из соболей ковер сделал.

Понадобилось Тарасу–царю себе жеребцов купить. Послал покупать, приходят послы: все жеребцы хорошие у купца, ему воду возят пруд наливать. Стали все дела царские, ничего ему не делают, а всё делают купцу, а ему только купцовы деньги несут, за подати отдают.

И набралось у царя денег столько, что класть некуда, а житье плохое стало. Перестал уж царь затеи затевать; только бы уж как–нибудь прожить, и того не может. Во всем стеснение стало. Стали от него и повара, и кучера, и слуги к купцу отходить. Стало уж и еды недоставать. Пошлет на базар купить что – ничего нет: всё купец перекупил, а ему только денежки за подати несут.

Рассердился Тарас–царь и выслал купца за границу. А купец на самой на границе сел – всё то же делает: всё так же за купцовы денежки от царя тащат всё к купцу. Совсем плохо царю стало, по целым дням не ест, да еще слух прошел, что купец хвалится, что он у царя и жену его купить хочет. Заробел царь Тарас и не знает, как быть.

Приезжает к нему Семен–воин и говорит:

– Поддержи, – говорит, – меня, – меня индейский царь повоевал.

А Тарасу–царю самому уж узлом к гузну дошло.

– Я, – говорит, – сам два дни не ел.

XI.

Обделал старый дьявол обоих братьев и пошел к Ивану. Оборотился старый дьявол в воеводу, пришел к Ивану и стал его уговаривать, чтоб он у себя войско завел.

– Царю, – говорит, – не годится без войска жить. Ты мне прикажи только, а я соберу из твоего народу солдат и войско заведу.

Отслушал его Иван.

– Ну что ж, – говорит, – заведи, да песни их научи играть половчее, я это люблю.

Стал старый дьявол по Иванову царству ходить, солдат по воле собирать. Объявил, чтоб шли все лбы брить – каждому штоф водки и красная шапка будет.

Посмеялись дураки.

– Вино, – говорят, – у нас вольное, мы сами курим, а шапки нам бабы какие хочешь, хоть пестрые сошьют, да еще с мохрами.

Так и не пошел никто. Приходит старый дьявол к Ивану.

– Нейдут, – говорит, – твои дураки охотой, – надо их силóm пригонять.

– Ну что ж, – говорит, – пригоняй силóm.

И повестил старый дьявол, чтоб шли все дураки в солдаты записываться, а кто не пойдет, того Иван смерти предаст.

Пришли дураки к воеводе и говорят:

– Говоришь ты нам, что, коли мы в солдаты не пойдем, нас царь смерти предаст, а не сказываешь, что с нами в солдатстве будет. Сказывают, и солдат до смерти убивают.

– Да, не без того.

Услыхали это дураки, уперлись.

– Не пойдем, – говорят. – Уж лучше пускай дома смерти предадут. Ее и так не миновать.

– Дураки вы, дураки! – говорит старый дьявол. – Солдата еще убьют ли, нет ли, а не пойдешь – Иван-царь наверно смерти предаст.

Задумались дураки, пошли к царю Ивану–дураку спрашивать:

– Проявился, – говорят, – воевода, велит нам всем в солдаты идти. «Коли пойдете, – говорит, – в солдаты, там вас убьют ли, нет ли, а не пойдете, так вас царь Иван наверно смерти предаст». Правда ли это?

Засмеялся Иван.

– Как же, – говорит, – я один вас всех смерти предам? Кабы я не дурак был, я бы вам растолковал, а то я и сам не пойму.

– Так мы, – говорят, – не пойдём.

– Ну что ж, – говорит, – не ходите.

Пошли дураки к воеводе и отказались в солдаты идти.

Видит старый дьявол – не берет его дело; пошел к тараканскому царю, подделался.

– Пойдем, – говорит, – войной, завоюем Ивана–царя. У него только денег нет, а хлеба и скота и всякого добра много.

Пошел тараканский царь войною. Собрал войско большое, ружья, пушки наладил, вышел на границу, стал в Иваново царство входить.

Пришли к Ивану и говорят:

– На нас тараканский царь войной идет.

– Ну что ж, – говорит, – пускай идет.

Перешел тараканский царь с войском границу, послал передовых разыскивать Иваново войско. Искали, искали – нет войска. Ждать–пождать – не окажется ли где? И слуха нет про войско, не с кем воевать. Послал тараканский царь захватить деревни. Пришли солдаты в одну деревню – выскочили дураки, дуры, смотрят на солдат, дивятся. Стали солдаты отбирать у дураков хлеб, скотину; дураки отдают, и никто не обороняется. Пошли солдаты в другую деревню – всё тоже. Походили солдаты день, походили другой – везде всё то же; – всё отдают – никто не обороняется и зовут к себе жить.

– Коли вам, сердешные, – говорят, – на вашей стороне житье плохое, приходите к нам совсем жить.

Походили, походили солдаты, видят – нет войска; а всё народ живет, кормится и людей кормит, и не обороняется, и зовет к себе жить.

Скучно стало солдатам, пришли к своему тараканскому царю.

– Не можем мы, – говорят, – воевать, отведи нас в другое место; добро бы война была, а это что – как кисель резать. Не можем больше

тут воевать.

Рассердился тараканский царь, велел солдатам по всему царству пройти, разорить деревни, дома, хлеб сжечь, скотину перебить.

– Не слушаете, – говорит, – моего приказа, всех, – говорит, – вас рассканю.

Испугались солдаты, начали по царскому указу делать. Стали дома, хлеб жечь, скотину бить. Всё не обороняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята.

– За что, – говорят, – вы нас обижаете? Зачем, – говорят, – вы добродурно губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и всё войско разбежалось.

XII.

Так и ушел старый дьявол – не пронял Ивана солдатами.

Оборотился старый дьявол в господина чистого и приехал в Иваново царство жить: хотел его, так же как Тараса-брюхана, деньгами пронять.

– Я, – говорит, – хочу вам добро сделать, уму-разуму научить. Я, – говорит, – у вас дом построю и заведение заведу.

– Ну что ж, – говорят, – живи.

Переночевал господин чистый и на утро вышел на площадь, вынес мешок большой золота и лист бумаги и говорит:

– Живете вы, – говорит, – все, как свиньи, – хочу я вас научить, как жить надо. Стройте мне, – говорит, – дом по плану по этому. Вы работайте, а я показывать буду и золотые деньги вам буду платить.

И показал им золото. Удивились дураки: у них денег в заводе не было, а они друг дружке вещь за вещь меняли и работой платили. Подивились они на золото.

– Хороши, – говорят, – штучки.

И стали господину за золотые штучки вещи и работу менять. Стал старый дьявол, как и у Тараса, золото выпускать, и стали ему за золото всякие вещи менять и всякие работы работать. Обрадовался старый дьявол, думает: «Пошло мое дело на лад! Разорю теперь дурака, как и Тараса, и куплю его с потрохом со всем». Только забрались дураки золотыми деньгами, роздали всем бабам на ожерелья, все девки

в косы вплели, и ребята уж на улице в штучки играть стали. У всех много стало и не стали больше брать. А у господина чистого еще хоромы наполовину не отстроены и хлеба и скотины еще не запасено на год, и повещает господин, чтоб шли к нему работать, чтоб ему хлеб везли, скотину вели; за всякую вещь и за всякую работу золотых много давать будет.

Нейдет никто работать и не несут ничего. Забежит мальчик или девочка, яичко на золотой променяет, а то нет никого, – и есть ему стало нечего. Проголодался господин чистый, пошел по деревне – себе на обед купить. Сунулся в один двор, дает золотой за курицу, – не берет хозяйка.

– У меня, – говорит, – много и так.

Сунулся к бобылке. – селедку купить, дает золотой.

– Не нужно мне, – говорит, – милый человек, у меня, – говорит, – детей нет, играть некому, а я и то три штучки для редкости взяла.

Сунулся к мужику за хлебом. Не взял и мужик денег:

– Мне не нужно, – говорит. – Нешто ради Христа, – говорит, – так погоди, я велю бабе отрезать.

Заплевал даже дьявол, убежал от мужика. Не то, что взять ради Христа, а и слышать–то ему это слово – хуже ножа.

Так и не добыл хлеба. Забрались все. Куда ни пойдет старый дьявол, никто не дает ничего за деньги, а все говорят:

– Что–нибудь другое принеси, или приходи работать, или ради Христа возьми.

А у дьявола нет ничего кроме денег, работать не охота; а ради Христа нельзя ему взять. Рассердился старый дьявол.

– Чего, – говорит, – вам еще нужно, когда я вам деньги даю? Вы за золото всего купите и всякого работника наймете.

Не слушают его дураки.

– Нет, – говорят, – нам не нужно: с нас платы и податей никаких нейдет, – куда же нам деньги?

Лег не ужинавши спать старый дьявол.

Дошло это дело до Ивана–дурака. Пришли к нему, спрашивают:

– Что нам делать? Проявился у нас господин чистый: есть, пить любит сладко, одеваться любит чисто, а работать не хочет и Христа ради не просит и только золотые штучки всем дает. Давали ему прежде всего, пока не забрались, а теперь не дают больше. Что нам с ним делать? Как бы не помер с голода.

Отслушал Иван.

– Ну что ж, – говорит, – кормить надо. Пускай по дворам, как пастух, ходит.

Нечего делать, стал старый дьявол по дворам ходить.

Дошла очередь и до Иванова двора. Пришел старый дьявол обедать, а у Ивана девка немая обедать собирала. Обманывали ее часто те, кто поленивее. Не работамши придут раньше к обеду, всю кашу поедят. И исхитрилась девка немая лодырей по рукам узнавать: у кого мозоли на руках, того сажает, а у кого нет, тому объедки дает. Полез старый дьявол за стол, а немая девка ухватила его за руки, посмотрела – нет мозолей, и руки чистые, гладкие, и когти длинные. Замычала немая и вытащила дьявола из-за стола.

А Иванова жена ему и говорит:

– Не взыщи, господин чистый, золовка у нас без мозолей на руках за стол не пускает. Вот, дай срок, люди поедят, тогда доедай, что останется.

Обиделся старый дьявол, что его у царя с свиньями кормить хотят. Стал Ивану говорить:

– Дурацкий, – говорит, – у тебя закон в царстве, чтобы всем людям руками работать. Это вы по глупости придумали. Разве одними руками люди работают? Ты думаешь, чем умные люди работают?

А Иван говорит:

– Где нам, дуракам, знать, мы всё норовим больше руками да горбом.

– Это оттого, что вы дураки. А я, – говорит, – научу вас, как головой работать; тогда вы узнаете, что головой работать спорее, чем руками.

Удивился Иван.

– Ну, – говорит, – не даром нас дураками зовут!

И стал старый дьявол говорить:

– Только не легко, – говорит, – и головой работать. Вы вот мне есть не даете оттого, что у меня нет мозолей на руках, а того не знаете, что головой во сто раз труднее работать. Другой раз и голова трещит.

Задумался Иван.

– Зачем же ты, – говорит, – сердешный, так себя мучаешь? Разве легко, как голова затрещит? Ты бы уж лучше легкую делал работу – руками да горбом.

А дьявол говорит:

– Затем я себя и мучаю, что я вас, дураков, жалею. Кабы я себя не мучал, вы бы век дураками были. А я головой поработал, теперь и вас научу.

Подивился Иван.

– Научи, – говорит, – а то другой раз руки уморятся, так их головой переменить.

И обещался дьявол научить.

И повестил Иван по всему царству, что проявился господин чистый и будет всех учить, как головой работать, и что головой можно выработать больше, чем руками, – чтоб приходили учиться.

Была в Ивановом царстве каланча высокая построена, и на нее лестница прямая, а наверху вышка. И свел Иван туда господина, чтобы ему на виду быть.

Стал господин на каланчу и начал оттуда говорить. А дураки собрались смотреть. Дураки думали, что господин станет на деле показывать, как без рук головой работать. А старый дьявол только на словах учил, как не работамши прожить можно.

Не поняли ничего дураки. Посмотрели, посмотрели и разошлись по своим делам.

Простоял старый дьявол день на каланче, простоял другой, – всё говорил. Захотелось ему есть. А дураки и не догадались хлебца ему на каланчу принести. Они думали, что если он головой может лучше рук работать, так уж хлеба-то себе шутя головой добудет. Простоял и другой день старый дьявол на вышке, – всё говорил. А народ подойдет, посмотрит-посмотрит и разойдется. Спрашивает и Иван:

– Ну, что господин, начал ли головой работать?

– Нет еще, – говорят, – всё еще лопочет.

Простоял еще день старый дьявол на вышке и стал слабеть; пошатнулся раз и стукнулся головой об столб. Увидел один дурак, сказал Ивановой жене, а Иванова жена прибежала к мужу на пашню.

– Пойдем, – говорит, – смотреть: говорят, господин зачинает головой работать.

Подивился Иван:

– Ну? – говорит.

Завернул лошадь, пошел к каланче. Приходит к каланче, а старый дьявол уж вовсе с голоду ослабел, стал пошатываться, головой об столбы постукивать. Только подошел Иван, спотыкнулся дьявол, упал и

загремел под лестницу торчмя головой, – все ступеньки пересчитал.

– Ну, – говорит Иван, – правду сказал господин чистый, что другой раз и голова затрещит. Это не то что мозоли, от такой работы желваки на голове будут.

Свалился старый дьявол под лестницу и уткнулся головой в землю. Хотел Иван подойти посмотреть, много ли он работал, вдруг расступилась земля, и провалился старый дьявол сквозь землю, только дыра осталась. Почесался Иван.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая! Это опять он! Должно, батька тем, – здоровый какой!

Живет Иван и до сих пор, и народ весь валит в его царство, и братья пришли к нему, и их он кормит. Кто придет скажет: «Корми нас». – «Ну что ж, – говорит, – живите – у нас всего много».

Только один обычай у него и есть в царстве: у кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет – тому объедки.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ДУРАКЕ И ЕГО ДВУХ БРАТЬЯХ».

Варианты издания: «Посредника» 1886 г. и «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая. М. 1886 г.

Стр. 116, строка 24.

Вместо: по любви – в изд. «Посредн.»: по любви

Стр. 116, строка 29.

Вместо: повыдрали. – в изд. «. Посредн.»: выдрали.

Стр. 118, строка 21.

Слова: что-то – в изд. «Посредн.» и изд. 1886 г. пропущены.

Стр. 121, строка 14.

Вместо: вот – в изд. «Посредн.»: вон

Стр. 127, строка 12.

Вместо: дворяная – в изд. «Посредн.»: дворовая.

Стр. 128, строки 24–28.

Слов: Велел он... кончая: таких солдат много – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 128, строка 28.

Вместо: и всех обучил – в изд. «Посредн.» И всех обучил

Стр. 128, строки 28–30.

Слов: И как кто ему... кончая: как ему вздумается – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 128, строка 31.

Слов: И житье ему было хорошее. – кончая: что ему нужно – в изд. «Посредн.» исключены цензурой.

Стр. 128, строки 35–36.

Слов: Завел он: кончая: порядки хорошие – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 128, строка 38.

Слова: и с водки, и с пива, и со свадьбы, и с похорон в изд. 1886 г. исключены цензурой.

Стр. 128–129, строки 37–1.

Слов: Взыскивал он – кончая: все у него есть – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 129, строки 10–23.

Слов: Ему и говорят, – кончая: значит, ему нужно. – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 129, строка 32.

Вместо: подсоблять: – в изд. 1886 г. пособлять.

Стр. 130, строка 8.

Вместо: оборотился – в изд. 1886 г. и «Посредн.»: обратился.

Стр. 130, строки 14–17.

Слов: Первое дело – кончая: Второе дело надо – в изд. «Посредн.» нет, исключены цензурой.

Стр. 130, строка 17–18.

Вместо: Второе дело – надо ружья... завести. – в изд. «Посредн.»: Ружья... заведи.

Стр. 131, строка 14.

Вместо: Тарас–царь – в изд. «Посредн.»: Тарас

Стр. 131, строка 16.

Слов: новые затеи затевать – в изд. «Посредн.»: нет.

Стр. 131, строка 17.

Вместо: дворец – в изд. «Посредн.»: дом.

Стр. 131, строки 18–19.

Вместо: Тарас–царь – в изд. «Посредн.»: Тарас

Стр. 131, строка 28.

Вместо: Тарас–царь – в изд. «Посредн.»: Тарас

Стр. 131, строка 24.

Вместо: Тараса–царя – в изд. «Посредн.» у Тараса.

Стр. 131, строка 23.

Слова: царскую – в изд. «Посредн.» нет, исключено цензурой.

Стр. 131, строка 23.

Вместо: дворец царский – в изд. «Посредн.»: дом Тарасов.

Стр. 131, строка 25.

Слова: царь – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 131, строка 27.

Вместо: Тарас–царь – в изд. «Посредн.»: Тарас

Стр. 131, строка 31.

Вместо: Понадобилось Тарасу–царю – в изд. «Посредн.»: Понадобилось Тарасу.

Стр. 131, строка 33.

Вместо: царские – в изд. «Посредн.»: Тараса

Стр. 131, строка 35.

Слова: за подати – в изд. «Посредн.» исключены цензурой.

Стр. 131, строки 36–37.

Вместо: у царя... царь – в изд. «Посредн.»: у Тараса – Тарас – изменено цензурой.

Стр. 132, строка 1.

Слов: за подати – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 132, строка 3.

Вместо: Тарас–царь – в изд. «Посредн.»: Тарас

Стр. 132, строка 4.

Вместо: на самой на границе – в изд. «Посредн.»: на самой границе

Стр. 132, строка 5.

Вместо: от царя – в изд. «Посредн.»: от него

Стр. 132, строка 7.

Вместо: у царя и жену его – в изд. «Посредн.»: и самого Тараса – изменено по цензурным соображениям.

Стр. 132, строка 2.

Слов: к гузнѹ в изд. 1886 г. и изд. «Посредн.» нет.

Стр. 133, строка 12.

Слов: Пошли дураки к воеводе – кончая: в солдаты идти – в изд. «Посредн.» нет; исключены цензурой.

Стр. 134, строка 17.

Слова: начали по царскому указу делать. – в изд. «Посредн.» исключены цензурой.

Стр. 134, строка 17.

Фраза, нач. словом: Стали – в изд. «Посредн.» соединена с предыдущей.

Стр. 136, строки 4–5.

Слова: с нас платы – кончая: нейдет – в изд. «Посредн.» исключены цензурой.

Стр. 38, строка 4.

Вместо: всё еще лопочет – в изд. «Посредн.»: всё лопочет

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

* [ВАРИАНТЫ «СКАЗКИ ОБ ИВАНЕ ДУРАКЕ».]

* № 1.

Первая редакция.

Жиль былъ старикъ съ старухой и было у нихъ три сына: Семень и Тарась умные, а третій Иванъ дуракъ. Отдалъ старикъ старшего Семена въ солдаты, а другаго купцу въ лавку, а меньшей – дуракъ остался дома работать. Пошлетъ старикъ и Ивана работать, онъ скажетъ и идетъ. И работаль одинъ за троихъ и жиль и безъ старшихъ сыновей старикъ хорошо; а пришли сыновья, принесли денегъ <и стали ж>ить

[1] еще лучше. Только женились старшіе сыновья, стали невѣстки не ладить и отдѣлили старикъ сыновей: старшій Семень солдатъ снялъ мельницу. Другой Тарась завель лавку и постоялый. А Ивану братья говорятъ: тебѣ жениться не къ чему, ты дуракъ. Живи съ отцомъ съ матерью – корми ихъ. Онъ говоритъ: ну чтожъ и сталь жить съ отцомъ съ матерью, землю пахать. Стали разживаться братья. Позавидоваль на ихъ жизнь чортъ, послаль Зхъ сыновей на Зхъ братьевъ погубить ихъ. Поглядѣли 3 черта какъ живутъ братья и всякому хочется на Ивана идти; потому что легче работа. Дуракъ да и хлопотъ [меньше], можно сразу его сбить, а тѣ живутъ хорошо, за ними хлопотъ много.

Спорили, спорили, старый чортъ и говоритъ. Не дѣлю ихъ вамъ, а вы артелью на всѣхъ трехъ идите. А кто прежде кончить, другимъ помогай. Пока всѣхъ трехъ не погубите, не показывайтесь мнѣ на глаза. Ступайте. Пошли черти, кинули жеребей. И послаль двухъ чертей къ мужикамъ чертей по мѣстамъ разставлятъ [1 неразобр.] три черта безъ

дѣла. Вотъ и говоритъ имъ старшій дьяволъ. Есть тутъ три мужика <одинъ на мельницѣ, другой въ лавкѣ, Зй крестьянствуесть, хорошо жить стали, подите вы къ нимъ>: одного къ Семену солдату, велѣлъ ему плотину рвать и колеса ломать, другаго къ Тарасу, велѣлъ ему товаръ гноить, мышамъ кормить, а третьяго послалъ въ стариковскую часть землю портить, чтобы раздѣлки не было, луга топтать и лѣсъ сушить. Только надо, говоритъ, разстроить ихъ всѣхъ троихъ, живите и [2 неразобр.]. Пошли черти, стали работать. Старшій чертъ у мельника кулаки съ колесъ летять [1 неразобр.] колеса дуромъ ведеть и чуть дождь пройдетъ, такъ не успѣваетъ заставки отпереть, не тутъ, такъ тамъ рветъ плотину. И пересталъ народъ и стали убытки и ужъ сталъ отказываться солдатъ отъ мель<ницы>. А старый чертъ сталъ у Тараса работать. Купить товару свѣжаго, пересыплеть муку, крупу, день два пройдетъ, слежится, затхнетъ, а отъ мышей черно. Столько не продасть, сколько мыши слопаютъ. И сталъ народъ отвыкать и перестали покупать у Тараса убытки большіе стали и сталъ Тарасъ отказываться отъ лавки. Бросилъ Семень мельницу, а Тарасъ лавку и дворъ и пошли опять къ отцу жить. Принялъ ихъ отецъ, только говоритъ, тѣсно у меня въ избѣ. Они говорятъ: Иванъ много мѣста беретъ, придетъ съ работы разляжется, всѣхъ тѣснить. Да и духъ отъ него нехорошъ. Коли его выгнать, намъ мѣсто будетъ. Ступай, говорятъ, ты Иванъ, на задворье въ закуту, тамъ спи съ скотиной, тамъ тебѣ мѣсто. Послушался Иванъ. Ну чтожъ, говоритъ. Взялъ шубу, шапку и сѣлъ въ закутку. Стали братья у отца прохладно жить, нажитое проживать, да высматривать, гдѣ бы новую мельницу и дворъ съ лавкой, а Иванъ за троихъ сталъ работать. Досадно стало чертямъ. Надо, говорятъ, въ поле пойти, Ивана окоротить, а то онъ всѣхъ еще лучше кормить и пивомъ поить. Пошли тѣ же черти въ поле, сталъ 3-й чортъ землю портить, чтобы раздѣлки не было, стали луга топтать и лѣса сушить. Выѣхалъ разъ Иванъ въ поле пашню двоить: что за чудо не проворотишь сохи, точно не пахано, обжи трещать и того гляди подвои порветъ. Подивился Иванъ, сталъ пахать. Черти не пускаютъ, а Иванъ напираетъ на соху. Продралъ одну борозду, завернулся – опять тоже. Продралъ другую, третью. То бы надо полнины до обѣда вспахать, а онъ и осьминника не переверотилъ и соху сломалъ. Поѣхалъ Иванъ домой, перемѣнилъ лошадь, взялъ соху другую, укрѣпилъ – допахалъ полнины до вечера. Завтра, говоритъ, поперю еще сошники да прилажу еще получше, я ее раздеру какъ слѣдуетъ. И поѣхалъ домой. Услыхалъ чертъ, говоритъ: не одолѣть дурака этаго на землѣ, выгонитъ онъ меня. На утро опять сталъ чертъ мѣшать, не поддался Иванъ, знай воротить, десятину допахалъ, на другую переѣхалъ. Перешель чертъ на другую, десятину и тутъ не одолѣлъ. Взодралъ Иванъ все поле, осталась только полоска. Сидитъ ночью чортъ на полоскѣ и думаетъ, какъ быть. Пришли къ нему братья и стали толков(ать), какъ дѣла. Рассказываетъ старшій братъ: хорошо я слышалъ онъ женѣ говорилъ: надо бросать, къ отцу идти. И другой говоритъ: я слышалъ, онъ продавалъ и дворъ и лавку мужику за полцѣны. Наше, говорятъ, дѣло исправлено. Твое какъ. Да что, мое совсѣмъ плохо. Изодралъ меня всего. Я подѣ землей держу за сошники, а онъ то дереть, ничего съ дуракомъ не сдѣлаешь. Вотъ только полоска осталась, коли завтра не осилю, надо съ пашни уходить въ луга.

Приходите помогать, а то какъ мы его одного не осилимъ, всѣ наши труды пропадутъ, вѣдь нашъ хозяинъ всѣхъ троихъ велѣлъ разстроить, а одинъ останется – всѣмъ намъ плети.

Порѣшили такъ, чтобы приходиться помогать; ты говорить, эту десятину ему не давай вспахать, а я какъ покончу съ Семеномъ, пойду въ луга, а я, говорить третій, покончу съ Тарасомъ пойду въ лѣсъ, тамъ его замучаю. На утро пріѣхалъ Иванъ. Сталъ пахать. Что за чудо – корни – не было прежде. Взялъ топоръ. Какъ зацѣпить, схватить топоръ, стукнетъ. Не успѣлъ чортъ рукъ подобрать, обрубилъ ему руки. Переползъ чертъ на послѣднюю борозду, не пускаетъ. Опять корень, думаетъ Иванъ, запустилъ руку въ борозду, ухватилъ за корень и тащить. Вытащилъ – коряга, думаетъ, – глядь – чортъ живой. Эхъ, думаетъ, пакость какая. [4 неразобр.] Хотѣлъ убить его. Да заговорилъ чортъ: <не убивай, говорить меня> Я тебѣ богачемъ сдѣлаю. Оставь только мнѣ тутъ въ полоскѣ мѣстечко, гдѣ бы проскочить сквозь землю. Иванъ говорить: ну чтожъ, съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ. Чортъ и говорить: Когда захочешь деньги чтобы были, возьми ты съ этой полосы калмыжку, разотри въ рукахъ и сыпь – будетъ золото падать. Ишь ты, говорить Иванъ. Взялъ калмыжку, потеръ – посыпалось золото. Это хорошо, говорить, ребятамъ играть. Вотъ, говорить чортъ, только пусти меня сюда въ землю, я проскочу. Ну, говорить, Богъ съ тобой. Только сказалъ Иванъ про Бога, юркнулъ чортъ подъ землю, какъ камень въ воду. Только дыра осталась.

Запахалъ Иванъ до конца дѣлянку и дыру запахалъ, перевернулъ соху, хотѣлъ взять золото ребятамъ играть, да положить некуда было, такъ и оставилъ, поѣхалъ домой. Пріѣхалъ, отпрегъ, пришелъ ужинать, а оба брата [неразобр.] сидятъ съ женами и съ дѣтьми.

Свое дѣло бросили отъ убытковъ и къ отцу переѣхали жить.

Освободился въ эту ночь чертъ съ мельницы, пришелъ на пашню брату помогать. Искаль, искаль, не нашель брата. И видитъ – вся пашня Иванова вспахана. Ну, думаетъ, здѣсь не осилилъ братецъ. Надо теперъ на лугахъ его донимать.

На утро отбилъ Иванъ косу, пошелъ косить. Что за чудо. Камень, гдѣ не было. Перервалъ косу. – Пошелъ домой, взялъ другую, косить – спутано. Сталъ заходить со стороны – рѣжетъ и рветъ. Изрѣзалъ всего чорта. Осталась дѣлянка въ болотѣ и ту выкосилъ, хвостъ отрѣзалъ. «Ишь ты, козюля мохнатая». Бросилъ. Видитъ куцый чортъ – не осилилъ, пошелъ рожь путать. Взялъ серпъ Иванъ – выжалъ все. Убѣжалъ въ овесь, набралъ кам[ней], легъ спать. Завтра, говорить, я ему хоть десять косъ переломаю. Только заснулъ чертъ. Идетъ Иванъ ночью косить. Убѣжалъ чертъ въ копны. Только заснулъ. На утро запрегъ Иванъ лошадей, поѣхалъ возить. Сталъ кидать снопы, прицѣлился вилами два снопа сразу подхватить – сунуль, поднялъ – глядь, на вилкахъ что то черное. Попалъ въ жопу чорту. – Ты, говорить, опять тутъ.

– Это, говорить, я, другой, то мой братъ былъ.

– Ну, говорить, и тебѣ тоже будетъ.

Сталь просить чортъ, отпусти только, не буду, я тебѣ что хочешь сдѣлаю.

– Да чтожь ты мнѣ сдѣлаешь, братъ твой сдѣлалъ мнѣ золото изъ калмыжекъ. А на что мнѣ оно.

Я тебѣ лучше сдѣлаю. Я то сдѣлаю, что что ни захочешь, все твое будетъ. Я тебѣ войско сдѣлаю, сколько хочешь, только пусти.

Ну чтожь, сдѣлай. И научиль его чортъ, чтобы взялъ онъ снопъ, потрянуль бы его о землю и сказалъ: Велить мой холопъ, чтобы былъ ты не снопъ, а сколько будылокъ, столько солдатъ. Иванъ. Ишь ты. Взялъ снопъ, потрянуль о земь и сказалъ. И разсочился снопъ и сдѣлались солдаты и впереди барабанщикъ и трубачъ играютъ, Ивана веселятъ. Посмѣялся Иванъ: это, говорить, хорошо – дѣвокъ пугать.

– Ну, говорить чортъ, пусти же теперь.

Нѣтъ, говорить, это я изъ старновки дѣлать буду, а то зерна жаль. Научи, какъ опять въ снопъ поворотить. Чортъ и говорить: скажи, сколько солдатъ, столько будылокъ. Велить мой холопъ, будь опять снопъ. Какъ сказалъ, опять сталъ снопъ. Ну, чортъ говорить, пусти же теперь.

Зацѣпилъ его Иванъ за грядку, сдернулъ съ виль.

Съ Богомъ, говорить. Нырнулъ чортъ подъ землю.

Приѣхалъ Иванъ домой, а дома и другой братъ. Прожился, вернулся къ отцу. И стали они жить, готовое проживать.

А Иванъ знай работаетъ. Вотъ ослобонился и третій чортъ, пришелъ своихъ [1 неразобр.] провѣдать. Искаль, искаль, нигдѣ нѣтъ. А видить, Иванъ все живеть, не одолѣли его. Надо за него приниматься. Пошелъ послѣдній чортъ на Иванову землю его дожидаться, куда онъ работать поидеть. А братья перессорились, перебранились, говорятъ отцу: нельзя намъ вмѣстѣ жить, надо намъ каждому домъ строить. Строить, такъ строить. Позвали Ивана. Ты что, говорятъ, дуракъ, все болтаешься, ступай, говорятъ, руби лѣсъ на избы намъ, а мы тогда подѣлимъ, строить будемъ. Взялъ Иванъ топоръ, пошелъ въ лѣсъ. Увидаль это бѣсъ и залѣзъ на дерево. Только что сталъ Иванъ рубить, перескочилъ бѣсъ на то самое дерево, что Иванъ рубить. Подрубить Иванъ дерево, валить въ одну сторону, а оно въ другую валится, на деревья ложится въ сучья. Бьется Иванъ, тянетъ и рочагомъ отворачиваетъ и лазаеть. Только одно свалить, примется за другое, тоже самое. Не бросаетъ дѣла Иванъ, потъ съ него валить и паръ идетъ, а все ворочаетъ. Думаль Иванъ хлыстовъ полсотни срубить, – и десятка не срубиль.

Пошелъ Иванъ домой, принесъ возжи, связаль, сталъ лазать за макушки привязывать. Подрубить и тянетъ. А чортъ все мѣшаетъ. Нарубилъ однако, десятка два и пошелъ домой. Пошелъ Иванъ домой, а чортъ уморился, залѣзъ на самый высокій дубъ и легъ спать. Идетъ Иванъ домой, думаетъ: чтожъ я дубовыхъ на нижніе вѣнцы не срубилъ. Забранялъ братья, пойду, вырублю. Вернулся назадъ, выбралъ самый высокій дубъ, сталъ рубить. Думаетъ: опять не повалится. Подрубилъ съ одной стороны глубоко, только тяпнулъ съ другой раза два, затрещалъ дубъ, повалился прямо на поляну, суки переломаль и прижалъ чорта за ногу. Сталъ Иванъ обчищать, замахнулся макушку обрубить, слышитъ – пищитъ. Схватилъ его за шею, защемилъ въ дубѣ, что за пакость, ты опять тутъ. Это не я, говоритъ, я только нынче пришелъ. Отпусти меня, я тебѣ что хочешь сдѣлаю. Да что ваши дѣла всѣ пустыя. Деньги не нужны, а дѣвокъ барабаны пугать некогда, сдѣлай мнѣ что получше.

Да что ты хочешь, сдѣлаю.

Подумаль Иванъ: чего бы отъ него взять. И заболѣлъ у него животъ съ натуги. Онъ говоритъ: У меня брюхо болитъ. Коли ты хитеръ, дай такую лѣкарству, чтобы когда что заболитъ, сейчасъ прошло.

Могу, говоритъ чортъ.

Ну что жъ, давай.

Показаль чортъ на травку. Возьми, говоритъ, съ нея три листика. Что бы ни болѣло, скатай листикъ, проглоти – рукой сниметь.

Взялъ Иванъ листикъ, скаталь, проглотилъ – сейчасъ прошло. Взялъ Иванъ другіе два листика, скаталь, въ шапку засунулъ.

Ну чтожъ, ступай съ Богомъ. Нырнулъ чортъ и не видать. Пришелъ Иванъ домой, легъ спать въ закуту. Построили братья дома, стали жить. И затѣялась у нихъ свадьба. Стали солдата женить. Пришелъ и Иванъ на свадьбу. Выпилъ вина, захмелѣлъ и велѣлъ бабамъ величать. Я, говоритъ, вамъ того дамъ, чего вы не видали. Стали его бабы величать. И смѣются. Чего же ты намъ дашь. Отвеличали бабы, говорятъ: ну, чтожъ, давай.

Сейчасъ принесу. Полну сѣвалку принесу. Ухватилъ сѣвалку, побѣжалъ въ поле. Смѣются бабы. И забыли про него. Глядь – бѣжитъ Иванъ назадъ, несетъ сѣвалку полну калмыжекъ. Ну, одѣлать чтоль. Одѣлай. То то дуракъ. Пошелъ Иванъ въ закуту, потеръ калмыжки, посыпались на землю золотые. Пришелъ въ избу, бросилъ бабамъ. Бросились подбирать. Да не давите другъ дружку, я вамъ еще дамъ. Пошелъ въ закуту, еще натеръ его, сталъ кидать. Сбѣжался народъ, вся деревня. А Иванъ вышелъ на улицы. Цыпъ, цыпъ, цыпъ, клюйте. Разсыпаль всю сѣвалку. Окружили Ивана, просятъ еще. А Иванъ говоритъ: вся. Теперь давайте плясать, играйте пѣсни хорошія. Заиграли. Нехороши, говоритъ, ваши

пѣсни.

Какія же, говорятъ, лучше. А я, говоритъ, вотъ вамъ покажу сейчасъ. Пошелъ на гумно, выдернулъ снопь, сталъ старновать, обиль его, поставилъ на гузо, стукнулъ; ну, говоритъ, сдѣлай холопь, чтобъ былъ не снопь, а каждая будылку

[2] солдатъ. Разскочился снопь, стали солдаты, заиграли барабаны, трубы. Велѣль Иванъ солдатамъ пѣсни играть. Удивился народъ. Поиграли солдаты пѣсни, увелъ ихъ Иванъ назадъ на гумно, не велѣль никому за собой ходить. Опять сдѣлалъ снопомъ. На утро проснулся Иванъ на коникѣ у старшаго брата. Уложилъ его братъ и своей шубой покрылъ. Только проснулся Иванъ, сталъ его братъ угощать, Ваней называть. Ваня, говоритъ: откуда ты деньги бралъ, научи ты меня, я тебя всегда жалѣлъ, подѣлись со мной. Сталъ его просить. Не отказалъ Иванъ. Ну чтожь, говоритъ: коли тебѣ надо, я тебѣ сколько хочешь натру.

– Батюшка, родной, не откажи.

– Ну чтожь, пойдемъ, а то лошадь запряги, не увезешь.

Поѣхали на дѣлянку. Сталъ Иванъ натирать. Насыпаль гору цѣлюю. Цѣлый день возили, не свозили.

Будеть чтоль.

Пока будетъ, спасибо, Иванъ.

– То то, а то мнѣ пора молотить.

И пошелъ <Иванъ молотить>.

[3]

А неженатый братъ набралъ деньги и сталъ первый богачъ.

Какъ еще денегъ надо, придетъ къ Ивану и просить еще.

Иванъ скажетъ: ну чтожь, пойдетъ и натретъ ему. Только разъ пришелъ братъ къ Ивану еще просить. Не даль ему Иванъ. Не надо, говоритъ.

– Да отчего же не надо.

– А ты у Михайловны корову отнял.

Какъ отнял.

Отнял. За эти самые золотые купилъ. Не дамъ больше. Я думалъ, ты ими играть хочешь, а ты людей обижаешь. Кабы не эти деньги, она бы корову не отдала. У ребятъ молоко бы было, а то она польстилась, продала, да золото въ сундукъ заперла. Не дамъ. Такъ и не далъ больше.

Да ужъ и такъ у брата много было [1 неразбор.] въ дальнія земли. Переѣхалъ въ чужое царство, скупилъ половину земли и домовъ всѣхъ и сталъ жить. Узналъ царь той земли, что проявился такой богачъ, позвалъ его къ себѣ, отдалъ за него дочь – сталъ этотъ братъ царствовать.

Пришелъ и женатый солдатъ къ Ивану и говорить: счастливый ты человекъ, Иванъ. Кабы мнѣ твое счастье, кабы у меня солдаты были, какъ у тебя, я бы царемъ былъ. Дай мнѣ солдатъ, я тебя вѣкъ поминать буду. – Ну чтожъ, говорить Иванъ, дай обмолочу только, чтобы зерно не пропадало. А коли тебѣ надо, я тебѣ сколько хошь надѣлаю. Благо соломы нынче много. Принялся Иванъ молотить. Намолотилъ старновки возовъ 10, началъ солдатъ дѣлать. Стукнулъ снопомъ разъ, стукнулъ другой. Надѣлалъ ихъ видимо невидимо. И какъ сдѣлаетъ, такъ ихъ къ брату посылаетъ. Набралъ братъ войско большое, пошелъ воевать на сосѣдняго царя. Завоевалъ его, сталъ самъ царемъ. Захотѣлъ еще больше солдатъ. Пришелъ къ Ивану. Надѣлай мнѣ, братъ, еще солдатъ.

– Не стану больше.

– А что такъ.

– Да твои солдаты человека убили. Я <въ> воскресенье на базаръ ѣздилъ, вижу – везутъ раненыхъ, убитыхъ. Я спросилъ, кто ихъ изувѣчилъ. Говорятъ – солдаты. Я думалъ, тебѣ играть. А людей бить не надо. Не буду больше дѣлать. Такъ и не сталъ больше дѣлать солдатъ.

Уѣхалъ и 2 й братъ въ свое царство и сталъ царствовать. Остался Иванъ одинъ крестьянствовать, отца съ матерью кормить, въ полѣ работать. Заболѣла разъ мать, стали лѣкарей звать, не могли вылѣчить. Вотъ Иванъ и говорить отцу съ матерью, а у меня, говорить, два корешка еще остались – отъ всякой боли лѣчатъ. И послали отецъ съ матерью Ивана въ городъ, вылѣчи, говорятъ, купчиху, тебѣ подарки дадутъ, ты намъ привези. Иванъ говорить: ну чтожъ и поѣхалъ Иванъ въ городъ. Приѣхалъ. Купецъ плачетъ. О чемъ ты, говорить, плачешь. Жена умираетъ. А я вылѣчу. Досталъ изъ шапки листикъ, вылѣчилъ купчиху. Надавали дураку всякихъ нарядовъ, сластей. Забралъ Иванъ, приѣхалъ домой, роздалъ дѣвкамъ. И прошла про Ивана слава, что онъ отъ всѣхъ болѣзней лѣчить можетъ. Заболѣла у царя дочь и послалъ онъ кличь кликать: кто вылѣчитъ, то онъ наградить, и коли холостой, дочь

замужь отдасть. Повѣстили и у Ивана въ деревнѣ. Посылають отецъ съ матерью Ивана къ царю дочь лѣчить. Собрался Иванъ ѣхать. И приходитъ къ нимъ побирушка косорукая. Слышала я, говорить, что ты лѣчишь. Вылѣчи мнѣ руку. Иванъ говоритъ: ну чтожь. Достала корешокъ, даль побирушкѣ. Выздоровѣла сейчасъ. Вышли отецъ съ матерью, услышали, что Иванъ послѣдній корешокъ даль и нечѣмъ царскую дочь лѣчить, стали ругать. Иванъ запрегъ лошадь и сѣлъ ѣхать. Да куда же ты, дуракъ? Ц[арскую] дочь лѣчить. Да вѣдь тебѣ лѣчить нечѣмъ. Ну чтожь. Погналъ лошадь, поѣхалъ.

Приѣхалъ на царскій дворъ. Только ступилъ на крыльцо, выздоровѣла царская дочь. Обрадовался царь, велѣлъ звать къ себѣ Ивана, одѣлъ его, нарядилъ; будь, говорить, ты моимъ зятемъ. – Ну чтожь, говорить. Женился Иванъ, а царь вскорѣ померъ, и сталъ Иванъ царемъ – и взялъ къ себѣ старика съ старухой.

Такъ стали царями всѣ три брата. Жили и царствовали. Старшій братъ былъ всѣхъ богаче. Онъ свои деньги, что забралъ

[4] отъ Ивана не растратилъ, а имъ большой приростъ сдѣлалъ. Завелъ онъ у себя въ царствѣ порядки хорошіе. Деньги держалъ онъ у себя въ сундукахъ, а съ народа по силѣ его взыскивалъ деньги – по золотому съ души. И съ дыму по золотому, и съ лошади по золотому, и съ пивнаго котла по золотому и съ свадьбы по зо[лотому] и съ крестинъ, и съ похоронъ и съ проѣзда, и съ прохода [1 неразобр.], и съ [1 неразобр.] и съ лаптей, и съ онучей, и съ оборокъ. И денегъ у него много было. И что вздумаетъ, все у него есть. Всякія на него рады работы работать, чтобъ на подати деньги собрать. И въ чужихъ царствахъ что полюбить, то за деньги купить.

Хорошо жилъ и 2 й братъ, солдатъ. Завоевалъ онъ себѣ царство соломенными солдатами. Да стали у него выходить соломенные солдаты: которыхъ побили, которые померли и послалъ онъ загодя соломенныхъ солдатъ собирать въ своемъ царствѣ всѣхъ ловкихъ молодцовъ въ солдаты и всѣхъ обучилъ и всѣ также въ барабаны били, въ трубы играли, и что только велеть, все то дѣлали. Когда перевелись всѣ соломенные солдаты, стали новые солдаты изъ своихъ забирать еще другихъ и такъ у него этаго дѣла перевода не было. И житье ему было вольное и прохладное. Что только у кого гдѣ полюбится: лошадь ли, домъ ли, жена ли, дочь ли, пошлетъ солдатъ, заберутъ что надобно. И такую силу забралъ онъ съ своими солдатами, что сталъ и у другихъ царей отбирать, что полюбится.

[5]

Не плохо жилъ и Иванъ. Не захотѣлъ Иванъ по царски жить, и какъ только похоронилъ родителей, снялъ онъ все царское платье, женѣ отдалъ, опять надѣлъ посконную рубаху, портки и лапти обулъ и взялся за работу. Скучно, говорить, мнѣ и ѣды и сна нѣтъ. Ему говорятъ: да вѣдь ты царь. Ну чтожъ, говорить, и пошелъ пахать. Пришелъ къ нему министръ, говорить: у насъ, говорить, денегъ нетъ жалованье платить. Ну чтожъ, говорить, нѣтъ, такъ и не плати. Да они, говорить министръ, служить не стануть. Ну чтожъ говорить. Пускай, говорить, пашутъ, а не то пускай навозъ вывозять, они много наготовили.

Пришли къ Ивану судиться. Одинъ говорить: онъ у меня деньги укралъ. А Иванъ говорить: ну чтожъ, ступай косить, наверстаешь.

Узнали всѣ, что дуракъ Иванъ. Жена ему и говорить: про тебя говорятъ, что ты дуракъ. Ну чтожъ, говорить. И ушли изъ Иванова царства всѣ умные, остались одни дураки. Денегъ ни у кого не было. Жили, работали да кормились.

Ждалъ, ждалъ старый дьяволъ вѣстей о томъ, что его сыновья съ мужиками подѣлали. Пошелъ самъ провѣдать, видить – никого нѣтъ, всѣ они провалились <и дыры нашель>, а мужики не то, что разбогатѣли, а всѣ три царствовать стали. И взялся старый самъ за дѣло.

Пошелъ онъ прежде всего къ богатому брату. Пошелъ онъ не въ своемъ видѣ. А оборотился въ купца аглицкаго, поселился въ городѣ, сталъ торговать, сталъ денежки выпускать. У царя денегъ много, а у дьявола еще больше. Хочетъ царь себѣ садъ насадить, даетъ деньги за работу и знаетъ, что нужда, пойдутъ, чтобы на подати выручить. Глядь – весь народъ у купца, ему прудъ роетъ. Хочетъ царь себѣ жеребцовъ купить, даетъ деньги, знаетъ, что нужно на подати. Глядь – жеребцовъ ведутъ къ купцу, онъ дороже далъ, всѣ деньги отъ него берутъ, подати очищаютъ. Что не затѣетъ царь, ничего ему не дѣлаютъ, а все дѣлаютъ купцу, а ему только купцовы деньги несутъ. И набралось у него денегъ, что класть некуда, а житье плохое стало. Стало доходить, что прислуга вся ушла, и пошлетъ купить на базаръ калачей, говядины, – нѣту, все купецъ перекупилъ, а ему только денежки несутъ. А денегъ и караулить ужъ некому, весь народъ купецъ переманилъ. Выслалъ царь купца за границу. А купецъ на самой границѣ сѣлъ, все тоже дѣлаетъ. Совсѣмъ плохо стало царю, по днямъ не ѣстъ. Сталъ ужъ онъ подумывать, какъ бы уѣхать куда, только бы живымъ остаться.

Обработалъ этаго брата старый чортъ, приставилъ одного помощника донять до шпенту царя, а самъ переѣхалъ къ солдату царю. Поворотился онъ тутъ воеводой, приѣхалъ къ царю въ видѣ генерала. Слышалъ я, говорить, что ваше Величество воинъ большой, а я этому дѣлу твердо наученъ. Хочу вамъ послужить. Сталъ его спрашивать царь, видить – человекъ умный, взялъ его на службу. Сталъ новый воевода царя обучать, какъ еще сильнѣе войско собрать и всѣхъ сосѣдей повоевать.

Надо, говорить, всѣхъ въ солдаты забирать, какъ кому 20 лѣтъ – брать. Тогда у васъ войска въ 5 разъ больше будетъ. Послушался царь, набралъ войска видимо невидимо. Теперь, говорить новый воевода, надо идти воевать сосѣдей, мы ихъ заберемъ. Пошли, завоевали сосѣда. И съ нихъ солдатъ побрали. А къ нимъ войско поставили, чтобы они покорились. Повоевали еще сосѣда. Забрали 8 царствъ и всѣхъ побѣждаютъ. Стали воевать съ однимъ царькомъ и пришлось, что побили царское войско и стали ихъ земли отбирать. Только разъ побили, заговорили солдаты: да чтоже намъ мучаться и самимъ себя мучать, вѣдь мы самихъ себя мучаемъ.

Будетъ намъ этаго царя слушать. Пойдемъ къ тому, гдѣ службы нѣтъ и стали всѣ отбѣгать.

Раззорилъ старый чортъ и этаго брата. Пошелъ къ Ивану; хотѣлъ его прежде деньгами донять, поселился въ видѣ купца, объявилъ платить столько за коровъ, лошадей, овецъ, за работы, чтобы шли къ нему, будетъ золото давать. Пришелъ къ Ивану, просить, говорить, поработай, даетъ вотъ штучку. Ну чтожъ, это хорошо, ребятамъ играть. Просить еще. Ну чтожъ, помощи сдѣлать. Онъ самъ отработаетъ. Онъ обѣщался отработать. Пришли спрашивать, а онъ опять штучку дастъ. Чуть не померъ отъ голода, не замерзъ – убѣжалъ. Пришелъ въ видѣ воеводы. Я, говорить, войскомъ могу управлять и солдатъ собрать. Ну чтожъ – дѣвокъ повеселить можно, собирай. Сталъ собирать – никто не пошелъ. Видеть не беретъ дѣло. Пошелъ къ сосѣднему царю, поддѣлался, пойдёмъ, говорить, войной, завоеемъ. Пошелъ царь войною. Идутъ солдаты, ждуть, скоро ли война. Нѣтъ войска. Пришли въ деревню, отняли корову, съѣли; бабы, ребята плачутъ. Затоптали рожь. Мужики плачутъ. Пришли къ Ивану, говорятъ: грабятъ. Ну чтожъ, говорить, пограбятъ, да и перестанутъ. Походили день, походили другой, видятъ – нѣтъ войска, а все народъ живетъ, кормится, дѣти, старики и мужики, всѣ плачутъ, говорятъ: за что обижаете. Гнусно стало солдатамъ. Не пойдёмъ, говорятъ. Чтожъ ихъ какъ цыплятъ разорять.

Такъ и ушелъ старый чортъ, ничего не сдѣлалъ Ивану. Живетъ Иванъ по сихъ поръ и народъ весь отъ братьевъ валить въ его царство и братья пришли и ихъ онъ кормить. Скажутъ корми насъ. Ну чтожъ, говорить.

* № 2.

Англичанин – купецъ в Ивановом царствѣ.

Вариант к главе XII.

Хотѣлъ его прежде деньгами донять – поселился въ видѣ купца –

Англичанина, объявилъ, что хочетъ жить у нихъ и за все имъ будетъ платить. А у Ивана въ царствѣ все дураки жили. Они и думаютъ, что онъ по ихнему платить будетъ работой – пустили его жить. Пришелъ Англичанинъ къ одному дураку, говорить: я у тебя жить буду и заплачу. Ну что жъ, говорить, живи; думаетъ, что онъ работой отплатить. А Англичанинъ пожилъ, даетъ золотой. Взялъ дуракъ, отдалъ дѣтямъ играть. Пришло время обѣдать, просить Англичанинъ яицъ, масла, баранины, курятины, я, говорить, заплачу. Даль ему и этаго дуракъ. Выкладываетъ Англичанинъ золотой. Отдалъ дуракъ, дѣвка привѣсила на косы. На другой день говорить Англичанинъ: привези, говорить, мнѣ воды бочку, я чистоты люблю, мыться буду, я заплачу. – Надоѣло дураку, онъ говорить сосѣду: просить [?] вотъ, странный человекъ, говорить, заплачу, а только штучки даетъ. Я роздалъ ребятамъ – мнѣ не нужно, можетъ, тебѣ надо; посмотрѣлъ сосѣдъ штучки. Хороши, говорить, свѣтлыя, я бабѣ дамъ, правда[?] [1 неразобр.] воды на утро, просить опять ѣсть курятины и все заплатить обѣщаетъ, а платить не платить, а штучки даетъ. За эти, говорить, штучки тебѣ всего дадутъ. Пошелъ дуракъ [къ] кузнецу [1 неразобр.] взять, принесъ сапожнику дураку тоже: на, говорить, штучки, дай мне сапоги. – Не надо, говорить, мнѣ, у меня, говорить ни дѣвокъ, ни ребятъ нѣтъ. Да откуда у тебя? Да вотъ Англичанинъ проявился, все [?] беретъ, обѣщался заплатить, а только штучки даетъ. Не давай, говорить, ему. Это, говорить, умный, а пошли, говорить, его ко мнѣ молотомъ бить. Мой малый хвораетъ. Принесъ дуракъ штучки Англичанину, никто, говорить, не беретъ. Отплати же, говорить, за то, что ты съѣлъ, а то больше не дамъ; понесъ чортъ къ другимъ, тоже золотые раздавалъ.

Разобрали золотые ребята, дѣвки тоже. Перестали его кормить. Пошелъ къ Зму. Дошло дѣло до Ивана дурака. Пошли къ нему спрашивать, что намъ дѣлать. Проявился человекъ, ѣсть, пьетъ, моется, чистится, а работать не работаетъ, а все обѣщаетъ, что за золотыя штучки все намъ воротится! Воротится или нѣтъ? Посмѣялся Иванъ. Ишь ты, говорить, не знаю, говорить. А Иванова жена и говорить: я, говорить, узнаю, вамъ все скажу. Когда, говорить, онъ мыться будетъ, посмотрите вы ему на руки: есть у него мозоли али нѣтъ. Есть мозоли, такъ кормите, ничего, отработаетъ, а нѣтъ мозолей, не отработаетъ. Не ждать отъ него, а Христа ради дайте. Такъ и сдѣлали. Посмотрѣли руки – нѣтъ мозолей – перестали ему давать яицъ и курятины, одного хлѣба давали. И ушелъ чортъ, не солоно похлебаль.

Комментарии В. И. Срезневского

[6]

«СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ДУРАКЕ И ЕГО ДВУХ БРАТЬЯХ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

«Сказка об Иване дураке и его двух братьях» не имела в своей основе какого-нибудь заимствованного из народного источника сюжета, как это видим и в других того же времени сказках, сказаниях и легендах Толстого; в ней есть только обычный, простой и излюбленный мотив народных сказок про трех братьев – двух хитрых и третьего – простака и про конечную победу простоты над хитростью. Этим и ограничивается сходство сказки об Иване дураке Толстого с народной. Взяв основой своего рассказа трех братьев народной сказки, Толстой по этой канве дает в простой, общепонятной форме резкую политическую сатиру. По его собственным словам, приводимым П. И. Бирюковым, [7] в старшем брате Семене-Воине он хотел изобразить идею милитаризма, получившую такое сильное развитие у нас при Николае I, в Тарасе-Брюхане (в некоторых рукописях – Кулаке) дать картину капиталистического строя, развившегося у нас впоследствии, и в Иване-дураке – изображение крестьянского царства, которое является постоянным обличением паразитизма привилегированных классов. Это была основная мысль Толстого в сказке.

Писание сказки, в начале имевшей короткое название «Иван Дурак», было начато в августе или сентябре 1885 г. С. А. Толстая, обыкновенно сообщавшая своей сестре Т. А. Кузминской все связанные с Л. Н. Толстым интересные и животрепещущие новости, в сентябре 1885 г. в своем письме к ней пишет, что им написана «чудесная сказка»; он «прочел нам и мы все пришли в восторг». Это была первая редакция сказки. «Теперь, – прибавляет Софья Андреевна, – он ее старательно переделывает».

[8] В конце октября сказка была закончена и 23 октября 1885 г. Толстой пишет В. Г. Черткову, что «хорошо бы было ее издать у Сытина», [9] т. е. в «Посреднике», что, конечно, дало бы более широкое распространение сказке, чем издание в «Собрании сочинений», что он уже обещал жене. [10] Толстой был почти уверен, впрочем, что «цензура не пропустит» [11] ее; сатира на государственную власть была в ней выставлена так очевидно и резко, что нельзя было не бояться

цензуры, особенно в народном издании; поэтому Толстой думал попытаться напечатать ее или в «Неделе», или в «Полном собрании» (из того же письма). Из письма Толстого к жене из Ясной поляны явствует, что из сообщения ему П. И. Бирюкова из Петербурга видно, что «редактор», вероятно, «Недели», т. е. П. П. Гайдебуров, берется напечатать сказку, но с некоторыми пропусками; [12] хотя сначала Толстой и сам склонялся к этому, тут он отказался от прежней мысли и остановился на том, как он пишет Софье Андреевне, что «не лучше ли в самом деле (пустить сказку) в Полное собрание, как ты хотела». «Так что, – прибавляет он, – я отложил до твоей поездки в Петербург; там с Страховым рассудите».

Толстой был доволен своей сказкой: «мне эта сказка нравится – пишет он В. Г. Черткову. – Желал бы знать ваше впечатление».

[13] Чертков познакомился со сказкой уже не в первой редакции, очень отличающейся от следующих, а в другой, довольно близкой к окончательной – третьей, но всё-таки дающей некоторые существенные варианты. В своем письме 11 ноября 1885 г. Чертков высказывает свое несогласие с некоторыми выражениями сказки, которые, по его мнению, следует изменить («кое-что есть, мне кажется, что не совсем удачно и немножко вредит»); так он был против выражения «немец» купец и против последних слов рассказа «со свиньями»; «они здесь не нужны и вредят». В. Г. Чертков предлагает такое окончание: «Только один есть у него обычай в царстве – у кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет – тому объедки». «Понятие о законе – говорит В. Г. Чертков, – в царстве Ивана Дурачка противоречит его характеру: там всё больше, ну что ж». С этими поправками Толстой легко согласился и переделал свой текст в последней фразе уже в корректуре; в письме 18 ноября к Черткову он говорит: «ваши замечания о Иване Дураке я воспользовался». [14] Прежде последняя фраза сказки читалась так: «Только один закон у него и есть в царстве: у кого мозоли на руках – полезай за стол, у кого нет – тому объедки со свиньями».

В ноябре 1885 г. С. А. Толстая, приступая к своей издательской деятельности новым 5-м изданием «Сочинений графа Л. Н. Толстого», сразу столкнулась с цензурой из-за 12-й части, заключающей в себе произведения последних лет; она должна была сама ехать в Петербург с хлопотами перед высшими чиновниками; она даже была готова обратиться к Александру III, хотя сам Толстой и просил ее «не разлетаться» к царю и «даже и к Толстому (т. е. Дмитрию Андреевичу – министру внутренних дел) лучше не ездить»; «если по их соображениям, – прибавляет он, – можно, то можно, а если нет, то только кровь себе будешь портить».

[15] В эту же XII-ю часть, между прочим, должна была войти и сказка

об Иване Дураке. Оставленная в Главном управлении по делам печати XII-я часть, только в середине апреля 1886 г. через 5 месяцев получила разрешение цензуры, но за исключением статьи «В чем моя вера». Толстой, обыкновенно относившийся безразлично к цензурным преследованиям его статей, на этот раз был чрезвычайно доволен разрешением сказки. Получив известие о благополучном исходе дела, он писал жене (около 9 апреля) из Ясной поляны, куда ушел из Москвы пешком вместе с Н. Н. Ге и М. А. Стаховичем, в таких словах: «Радуюсь за тебя, за 12-ю часть, и для себя радуюсь преимущественно за Ивана-Дурака». [16]

Тогда же, 22 апреля 1886 г. было разрешено и отдельное издание сказки «Посреднику». Но на это издание, как народное, цензура наложила свою руку, оберегая будущих его читателей от фраз и слов, могущих внушить им неуважение к царской власти и государственному устройству, говорящих против воинской повинности и военной службы, против податей и иных финансовых обложений населения, что Толстой юмористически называет в сказке «порядками хорошими». Одно место выпущено по цензурным соображениям и из изд. 1886 г.; оно касается косвенных налогов (стр. 70) – его мы восстанавливаем. Следует еще отметить, что в нескольких местах сказка весьма вероятно подверглась совсем иного характера, домашней, так сказать, цензуре, которой Лев Николаевич подчинился; так в гл. 8-й Толстой до самой первой корректуры про собаку Ивана Дурака несколько раз говорит просто и определенно «кобель старый», но потом в корректуре изменяет это место менее красочным выражением «собака старая». Это место, как вошедшее в изд. 1886 г. и таким образом прошедшее корректуру автора, конечно, остается без изменения. Менее значительную переделку (пропуск одного слова – гузно, нарушающий смысл) восстанавливаем.

«Сказка об Иване Дураке», вышедшая в феврале 1887 г. (2-м изд.), уже в тот же месяц была арестована Московским цензурным комитетом, а в октябре запрещена к перепечатке Главным управлением по делам печати. Запрещения повторялись в 1892 и потом в 1893 г. В 1892 г. сказка даже вызвала особое распоряжение, касающееся прежних изданий, – воспрещение «розничной продажи сказки на улицах, площадях и других публичных местах, а равно чрез ходебщиков и офеней». Только в 1906 г. сказка получила право свободного печатания.

Интересен отзыв о сказке духовного цензора, члена комитета духовной цензуры архимандрита Тихона в 1887 году. «Сказка об Иване Дураке, – говорит он, – проводит, можно сказать принципиально мысли о возможности быть царству без войны, без денег, без науки, без купли и продажи, даже без царя, который по крайней мере ничем не должен отличаться от мужика – мысли о единственно полезном и законном труде – мозольном. Здесь, в этой сказке, прямо осмеиваются современные условия жизни: политические (необходимость содержать войска), экономические (значение денег) и социальные (значение умственного труда)».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Сохранилось пять рукописей, заключающих в себе «Сказку об Иване дураке» и одна корректура в листах. Все принадлежат Государственному Толстовскому музею и хранятся там в папке 11, под №№: 22, 23, 24, 25, 26 (архив В. Г. Черткова) и Инв. 1093. Листы корректуры принадлежат Государственному Литературному музею.

1) № 22. Автограф. 4°, 15 лл. в переплетенной и прошнурованной сверху и снизу тетради из толстой нелинованной писчей бумаги. Всего в тетради 72 листа, заполнено из них 15. Л. 1. писан только с оборота. На нем выноска из текста, начинающегося на л. 2. Заглавие: «Иван Дурак». Много поправок, поправок и дополнений, главным образом, на полях. Начало: «Жиль был старикъ съ старухой и было у него три сына – Семень и Тарась умные, а третій Иванъ дуракъ»...

2) Рукопись № 23. Копия с предыдущей рукою А. П. Иванова. 4°, 21 лл. нелинованной писчей бумаги с клеймом фабрики Говарда. Писано на обеих сторонах. Со многими поправками, дополнениями и переделками Толстого; эта рукопись представляет новую редакцию. Заглавие рукой переписчика: «Иван дурак. Сказка». Здесь Тарас называется кулаком, а не брюханом. Эта редакция включает в себе эпизод об англичанине – купце в Ивановом царстве; эпизод впоследствии значительно переделан, англичанин заменен немцем, наконец, господином чистым. См. варианты. Начало: «Было у богатаго мужика три сына: Семень воинъ, Тарась кулакъ и Иванъ дуракъ»... Последний л. – 21 об. и 7 строк на лицевой стороне в обратную сторону к тексту Толстого – включает начало списка сказки в первой редакции, рукою С. А. Толстой.

3) Рукопись № 24. Копия рукою А. П. Иванова. Это список копии с предыдущей рукописи. 4°, 12 лл. нелинованной писчей бумаги с клеймом фабрики Говарда (?). Писано без полей. Между строчками – многочисленные поправки рукою Толстого. Рукопись эта дает не весь текст сказки, а отрывки. Листы помечены цифрами: 4, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25 (два листа), 26 и 31. Все листы кроме 17 об. перечеркнуты переписчиком следующей копии вертикально, а л. 25 перечеркнут еще и по диагоналям; л. 25 а – копия листа 25-го. Рукопись № 24 представляет собою третью редакцию сказки. Начало: «и до тѣхъ поръ не отходилъ, пока не покончить» и содержит в себе: середину главы 2-й, конец 7-й главы, VIII, IX, X, XI начало и отрывок из середины XI-й главы. Конец: «Это оттого, что вы дураки. А я, говорить, научу....»

4) Рукопись № 25. Копия с предыдущей, сохранившейся, как сказано выше, не полностью; рукою А. П. Иванова. 4°, 33 лл. (л. 33 пустой) нелинованной писчей бумаги фабрики Говарда. С поправками и дополнениями Толстого. Назвать рукопись № 25 однако новой редакцией нельзя, как и следующую рукопись. Заглавие рукой переписчика на первом листе: «Сказка об Иване дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах». Начало: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый мужикъ»...

5) Рукопись ГТМ, инв. 1093. Копия рукою А. П. Иванова. 4°, 28 л. нелинованной писчей бумаги фабрики Говарда. Начало: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый мужикъ». С поправками Толстого и написанным его рукою и зачеркнутым эпиграфом из Мф. V, 43–48: «Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ и молитесь за унижающихъ васъ и гонящихъ васъ. Да будете сынами отца вашего небеснаго, ибо онъ повелѣлъ солнцу своему восходить надъ злыми и надъ добрыми, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, ибо если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда, не то ли же дѣлаютъ и язычники. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особенного дѣлаете? не то ли же дѣлаютъ и язычники? Итакъ, будьте совершенны, какъ совершенъ отецъ вашъ небесный».

Эта копия с несохранившейся рукописи, очень близкой к № 25, служила оригиналом при наборе Сказки для «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая М. 1886 г., стр. 123–152, что доказывается отметками фамилий наборщиков и буквой «Ч» – читал (корректор?) на каждой странице рукописи. Разница между последними рукописями № 25 и 1093 и изд. 1886 г., возникла в результате исправлений Толстого в корректуре.

6) В ГЛМ (шифр 2457/2) хранятся стр. 291–294 (гл. XII) последней корректуры с рядом стилистических поправок рукою Толстого, которые все вошли в текст 1886 г. Эта часть корректуры начинается словами: «Обиделся старый дьявол».

Так как установлено, что текст издания сочинений 1886 г. корректировался самим Толстым, то в основу настоящего издания и положен он, с просмотром по рукописям.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую

духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных

случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

Зачеркнуто по ошибке.

2

Так в рукописи.

3

Эти слова зачеркнуты; слово пошел зачеркнуто и восстановлено.

4

По ошибке написано: забрала.

5

Приписка на полях: Всѣхъ повоевалъ и много царствъ отобралъ.

6

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

7

П. И. Бирюков. Биография, т. 3, М. 1923, стр. 23.

8

Там же, т. 3, стр. 23.

9

См. том 85, стр. 270.

10

П. И. Бирюков, Биография, т. 3, стр. 23.

11

Письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову. См. т. 85, стр. 270.

12

Письма Л. Н. Толстого к жене. М. 1915, стр. 277.

13

См. том 85, стр. 270.

14

См. т. 85, стр. 280.

15

Письма Л. Н. Толстого к жене. М. 1915 от 21 ноября 1886 г. стр. 286.

16

Письма Л. Н. Толстого к жене. М. 1915, стр. 293.

Лев Николаевич

Толстой

Три старца

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ТРИ СТАРЦА.

А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него (Матф. VI, 7, 8).

Плыл на корабле архиерей из Архангельска–города в Соловецкие. На том же корабле плыли богомольцы к угодникам. Ветер был попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы – которые лежали, которые закусывали, которые сидели кучками – беседовали друг с дружкой. Вышел и архиерей на палубу, стал ходить взад и вперед по мосту. Подошел архиерей к носу, видит, собралась кучка народа. Мужичок показывает что–то рукой в море и говорит, а народ слушает. Остановился архиерей, посмотрел, куда показывал мужичок: ничего не видно, только море на солнце блестит. Подошел поближе архиерей, стал прислушиваться. Увидал архиерея мужичок, снял шапку и замолчал. Увидал и народ архиерея, тоже сняли шапки, почтенье сделали.

– Не стесняйтесь, братцы, – сказал архиерей. – Я тоже послушать подошел, что ты, добрый человек, рассказываешь.

– Да вот про старцев нам рыбачок рассказывал, – сказал один купец посмелее.

– Что про старцев? – спросил архиерей, подошел к борту и присел на ящик. – Расскажи и мне, я послушаю. Что ты показывал?

– Да вот островок маячит, – сказал мужичок и показал вперед в правую сторону. – На этом самом островке и старцы живут, спасаются.

– Где же островок? – спросил архиерей.

– Вот по руке–то моей извольте смотреть. Вон облачко, так полее его вниз, как полоска, виднеется.

Смотрел, смотрел архиерей, рябит вода на солнце, и не видать ему ничего без привычки.

– Не вижу, – говорит. – Так какие же тут старцы на острове живут?

– Божьи люди, – ответил крестьянин. – Давно уж я слышал про них, да не доводилось видеть, а вот запрошлым летом сам видел.

И стал опять рассказывать рыбаку, как ездил он за рыбой и как прибило его к острову к этому, и сам не знал, где он. Поутру пошел ходить и набрел на земляночку, и увидал у земляночки одного старца, а потом вышли и еще два; покормили и обсушили его и помогли лодку починить.

– Какие же они из себя? – спросил архиерей.

– Один махонький, сгорбленный, совсем древний, в ряске старенькой, должно, годов больше ста, седина в бороде уж зеленеть стала, а сам всё улыбается и светлый, как ангел небесный. Другой ростом повыше, тоже стар, в кафтане рваном, борода широкая, седая с желтизной, а человек сильный: лодку мою перевернул как ушат, не успел я и подсобить ему, – тоже радостный. А третий высокий, борода длинная до колен и белая как лунь, а сам сумрачный, брови на глаза висят, и нагой весь, только рогожкой опоясан.

– Что ж они говорили с тобой? – спросил архиерей.

– Всё больше молча делали, и друг с дружкой мало говорят. А взглянет один, а другой уж понимает. Стал я высокого спрашивать, давно ли они живут тут. Нахмурился он, что–то заговорил, рассердился точно, да древний маленький сейчас его за руку взял, улыбнулся, – и затих большой. Только сказал древний «помилуй нас», и улыбнулся.

Пока говорил крестьянин, корабль еще ближе подошел к островам.

– Вот теперь вовсе видно стало, – сказал купец. – Вот извольте посмотреть, ваше преосвященство, – сказал он, показывая.

Архиерей стал смотреть. И точно увидал черную полоску – островок. Посмотрел, посмотрел архиерей и пошел прочь от носу к корме, подошел к кормчему.

– Какой это островок, – говорит, – тут виднеется?

– А так, безымянный. Их много тут.

– Что, правда, – говорят, – тут старцы спасаются?

– Говорят, ваше преосвященство, да не знаю, правда ли. Рыбаки, – говорят, – видали. Да тоже, бывает, и зря болтают.

– Я желаю пристать к острову – повидать старцев, сказал архиерей. – Как это сделать?

– Кораблем подойти нельзя, – сказал кормчий. На лодке можно, да надо старшого спросить.

Вызвали старшого.

– Хотелось бы мне посмотреть этих старцев, – сказал архиерей. – Нельзя ли свезти меня?

Стал старшой отговаривать. – Можно-то можно, да много времени проведем и, осмелюсь доложить вашему преосвященству, не стоит смотреть на них. Слышал я от людей, что совсем глупые старики эти живут, ничего не понимают и ничего и говорить не могут, как рыбы какие морские.

– Я желаю, – сказал архиерей. – Я заплачу за труды, свезите меня.

Нечего делать, распорядились корабельщики, переладили паруса. Повернул кормчий корабль, поплыли к острову. Вынесли архиерею стул на нос. Сел он и смотрит. И народ весь собрался к носу, все на островок глядят. И у кого глаза повострее, уж видят камни на острове и землянку показывают. А один уж и трех старцев разглядел. Вынес старшой трубу, посмотрел в нее, подал архиерею. «Точно, – говорит, – вот на берегу, поправей камня большого, три человека стоят».

Посмотрел архиерей в трубу, навел, куда надо; точно, стоят трое: один высокий, другой пониже, а третий вовсе маленький; стоят на берегу, за руки держатся.

– Подошел старшой к архиерею. – Здесь, ваше преосвященство, остановить[ся] кораблю надо. Если уж угодно, так отсюда на лодке вы извольте съездить, а мы тут на якорях постоим.

Сейчас распустили тросо, кинули якорь, спустили парус – дернуло, зашаталось судно. Спустили лодку, соскочили гребцы, и стал спускаться архиерей по лесенке. Спустился архиерей, сел на лавочку в лодке, ударили гребцы в весла, поплыли к острову. Подплыли как камень кинуть; видят – стоят три старца: высокий – нагой, рогожкой опоясан, пониже – в кафтане рваном и древненький сгорбленный – в ряске старенькой; стоят все трое, за руки держатся.

Причалили гребцы к берегу, зацепились багром. Вышел архиерей.

Поклонились ему старцы, благословил он их, поклонились они ему еще ниже. И начал им говорить архиерей:

– Слышал я, – говорит, – что вы здесь, старцы Божии, спасаетесь, за людей Христу-Богу молитесь, а я здесь, по милости Божьей, недостойный раб Христов, Его паству пасти призван; так хотел и вас, рабов Божиих, повидать и вам, если могу, поучение подать.

Молчат старцы, улыбаются, друг на дружку поглядывают.

– Скажите мне, как вы спасаетесь и как Богу служите, – сказал архиерей.

Воздохнул средний старец и посмотрел на старшего, на древнего; нахмурился высокий старец и посмотрел на старшего, на древнего. И улыбнулся старший, древний старец и сказал: Не умеем мы, раб Божий, служить Богу, только себе служим, себя кормим.

– Как же вы Богу молитесь? – спросил архиерей.

И древний старец сказал: Молимся мы так: трое Вас, трое нас, помилуй нас.

И как только сказал это древний старец, подняли все три старца глаза к небу и все трое сказали: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!»

Усмехнулся архиерей и сказал:

Это вы про Святую Троицу слышали, да не так вы молитесь. Полюбил я вас, старцы Божии, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, как служить Ему. Не так надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не от себя буду учить вас, а из Божьего писания научу тому, как Бог повелел всем людям молиться ему.

И начал архиерей толковать старцам, как Бог открыл Себя людям: растолковал им про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого и сказал:

– Бог Сын сошел на землю людей спасти и так научил всех молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И стал архиерей говорить: «Отче наш». И повторил один старец: «Отче наш», повторил и другой: «Отче наш», повторил и третий: «Отче наш». – «Иже еси на небесех». Повторили и старцы: «Иже еси на небесех». Да запутался в словах средний старец, не так сказал; не выговорил и высокий, нагой старец: ему усы рот заросли – не мог чисто выговорить; невнятно прошамкал и древний беззубый старец.

Повторил еще раз архиерей, повторили еще раз старцы. И присел на камушек архиерей, и стали около него старцы, и смотрели ему в рот, и твердили за ним, пока он говорил им. И весь день до вечера протрудился с ними архиерей; и десять, и двадцать, и сто раз повторял одно слово, и старцы твердили за ним. И путались они, и поправлял он их, и заставлял повторять сначала.

И не оставил архиерей старцев, пока не научил их всей молитве Господней. Прочли они ее за ним и прочли сами. Прежде всех понял средний старец и сам повторил ее всю. И велел ему архиерей еще и еще раз сказать ее, и еще повторить, и другие прочли всю молитву.

Уж смеркаться стало, и месяц из моря всходить стал, когда поднялся архиерей ехать на корабль. Простился архиерей с старцами,

поклонились они ему все в ноги. Поднял он их и облобызал каждого, велел им молиться, как он научил их, и сел в лодку и поплыл к кораблю.

И плыл к кораблю архиерей, и всё слышал, как старцы в три голоса громко твердили молитву Господню. Стали подплывать к кораблю, не слышно уж стало голоса старцев, но только видно было при месяце: стоят на берегу, на том же месте, три старца – один поменьше всех посередине, а высокий с правой, а средний с левой стороны. Подъехал архиерей к кораблю, взошел на палубу, вынули якорь, подняли паруса, надуло их ветром, сдвинуло корабль, и поплыли дальше. Прошел архиерей на корму и сел там, и всё смотрел на островок. Сначала видны были старцы, потом скрылись из вида, виднелся только островок, потом и островок скрылся, одно море играло на месячном свете.

Улеглись богомольцы спать, и затихло всё на палубе. Но не хотелось спать архиерею, сидел он один на корме, глядел на море туда, где скрылся островок, и думал о добрых старцах. Думал о том, как радовались они тому, что научились молитве, и благодарил Бога за то, что привел Он его помочь Божьим старцам, научить их слову Божию.

Сидит так архиерей, думает, глядит в море, в ту сторону, где островок скрылся. И рябит у него в глазах – то тут, то там свет по волнам заиграет. Вдруг видит, блестит и белеется что-то в столбе месячном: птица ли, чайка или парусок на лодке белеется. Пригляделся архиерей. «Лодка, – думает, – на парусе за нами бежит. Да скоро уж очень нас догоняет. То далеко, далеко было, а вот уж и вовсе виднеется близко. И лодка не лодка, на парус непохоже. А бежит что-то за нами и нас догоняет». И не может разобрать архиерей, что такое: лодка не лодка, птица не птица, рыба не рыба. На человека похоже, да велико очень, да нельзя человеку середь моря быть. Поднялся архиерей, подошел к кормчему:

– Погляди, – говорит, – что это?

– Что это, братец? Что это? – спрашивает архиерей, а уж сам видит – бегут по морю старцы, белеют и блестят их седые бороды, и, как к стоячему, к кораблю приближаются.

Оглянулся кормчий, ужаснулся, бросил руль и закричал громким голосом:

– Господи! Старцы за нами по морю, как по суху, бегут! – Услыхал народ, поднялся, бросились все к корме. Все видят: бегут старцы, рука с рукой держатся – крайние руками машут, остановиться велят. Все три по воде, как по суху, бегут и ног не передвигают.

Не успели судна остановить, как поравнялись старцы с кораблем, подошли под самый борт, подняли головы и заговорили в один голос:

– Забыли, раб Божий, забыли твое ученье! Пока твердили – помнили, перестали на час твердить, одно слово выскочило – забыли, всё рассыпалось. Ничего не помним, научи опять.

Перекрестился архиерей, перегнулся к старцам и сказал:

– Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божии. Не мне вас учить. Молитесь за нас грешных!

И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись и пошли назад по морю. И до утра видно было сиянье с той стороны, куда ушли старцы.

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

* [ВАРИАНТ РАССКАЗА «ТРИ СТАРЦА».]

Затихло все и задумался архіерей. Вдругъ услыхаль онъ – говорить въ сторонѣ отъ него народъ и показываетъ что то. Подняль голову архіерей, прислушался.

– Лодка и есть, говорить купецъ.

– Какая же лодка, когда насъ догоняетъ. Гдѣ же лодкѣ догнать? Развѣ мы плохо идемъ? А она догоняетъ. Рыба что ль?

Поднялся архіерей, видитъ: точно, бѣжитъ что то за кораблемъ, то чернѣется, то бѣлѣется. Всталъ архіерей, подошелъ къ народу:

– Что жъ это вы думаете? – спросиль онъ.

– Лодка на парусѣ и есть, – сказалъ купецъ.

– Да нѣтъ, вѣ позади и еще одно что то такое. Подошелъ старшой съ корабля. Взяль трубку, посмотрѣль: и то, говорить, за нами кто то гонить, махаеъ человѣкъ. Маленькая лодочка! И человѣкъ. Взяль трубу архіерей, навель – что за чудо: старецъ въ чемъ то плывеъ и махаеъ. Сказаль онъ старшому. Убрали паруса, остановили ходъ корабля, стало простымъ глазомъ видно: бѣжитъ средній старецъ по водѣ, а позади и большой идетъ, а сзади всѣхъ древній поспѣваеъ. Всѣ три по водѣ, какъ по суху, бѣгутъ и ногъ не передвигаютъ. Ужаснулъ народъ. Развель руки архіерей, смотрить, слова сказать не можетъ. Приблизился средній старецъ къ самому кораблю, увидалъ архіерея.

– Забыли, рабъ Божій....

Подплыли и другіе два старца. Забыли, научи опять. Воздохнулъ

архіерей и сказалъ:

Доходна, видно до Бога, отцы святыя, и ваша молитва. Будеть съ васъ и того. И не мнѣ васъ учить.

И поклонился архіерей въ землю старцамъ и весь народъ на кораблѣ.

Подняли опять паруса и поплыли, а старцы долго еще виднѣлись на томъ же мѣстѣ и блестѣли на мѣсячномъ свѣтѣ.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«ТРИ СТАРЦА».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Сюжет сказания о трех старцах принадлежит к числу бродячих. Оно известно в различных видоизменениях: варьируется число старцев, их молитвы, место действия и проч. Повесть эта известна и в устных пересказах, каков, например, рассказ сказочника Ерофея, записанный (М. И. Семевским) [2] и в письменных памятниках. В последнем случае сказание связывается с западной переводной повестью о явлениях Августину, еп. иппонийскому (354–430 гг.), которая в России была известна с XVI в. князю А. М. Курбскому, слышавшему ее от Максима Грека, но не знавшему, была ли она прежде него переведена на русский язык. [3] В повести Августина вместо трех старцев Толстого изображен один старец, которого Августин увидел, возвращаясь с Карфагенского собора, на одном острове Средиземного моря «пустом и ненаселеном человеки», куда занесло его корабль. Пустынник был «наг» и «многолетен»; он был рожден в «Африкийской земле», «от языка же италийска». Из его ответов на вопросы Августина оказалось, что он знает молитвы «отнюд неискустно и несогласно», «горняя долу поставляя», т. е. перепутывая порядок слов. Августин удивлялся его преданности богу и в то же время его «неискуству», и стал учить его молитвам. Он покрыл его наготу своей одеждой и поплыл дальше, когда

ветер стал попутным. На второй день «корабленицы» сверху увидели на море человека, который гнался за кораблем, как «птица скоропарящая или стрела, стреленная от лука», при приближении просящего подождать его: «ждите, рече, господа ради, ждите мене грешного». Епископ, вышедший наверх, увидел старца, плывущего по морю, половину одежды разослав по воде и половину держа вместо паруса. И достигнув корабля, старец взошел на верх с мольбой к распростертому перед ним Августину: «Восстани, о епископе, молю ти ся, забых молитвы оны, тобою изученные, и молю ти ся ныне, паки изучи ми их, яко же лепо». И вытвердив снова молитвы, он сошел с корабля, сел опять на свою одежду и вернулся в пустыню так же точно, проплыв по морю «со скорейшим стремлением по первому обычаю».

Мы видим, как близка основа рассказа Толстого к сказанию Августина, но конечно, не им воспользовался Толстой; несомненно он познакомился с этой легендой по передаче устной, народной, русской. По словам П. И. Бирюкова

[4] Толстой слышал сказание от олонецкого сказителя В. П. Щеголёнка [5] (см. о нем выше в комментарии к рассказу «Чем люди живы»); нужно впрочем отметить, что в тетради с записями Толстого сказаний и легенд, слышанных им от Щеголёнка, этого сказания не сохранилось. Нельзя не подчеркнуть, что в своем рассказе о трех старцах Толстой, чтобы придать жизненность повествованию, отодвинул от него чудесность, которая является необходимой во всех сказаниях о трех старцах, и представил догону их по воде видением епископа.

Работа Толстого над рассказом «Три старца» (три рукописи и корректура) может быть подразделена на две редакции и стилистическую переработку текста, которая была названа переписчиком третьей редакцией. Главное различие двух редакций в изображении видения или сна архиерея: Первый рассказ о сне ближе передает старое сказание, так как здесь нечто таинственное видят все присутствующие (наприм. «корабленицы» в сказании Августина). Толстой в первом очерке рассказа изобразил, что народ первый заметил бегущих по воде старцев и архиерей, услышав общий говор, подошел к собравшимся (сон его виден только из слов: «затихло всё и задумался архиерей... поднял голову»). Во второй редакции Толстой отступил от обычного сказания: видит архиерей первый (изображается его сон: «рябит у него в глазах, то тут, то там свет по волнам заиграет. Вдруг видит...»): он поднимается, показывает кормчему прося разглядеть, что видно на море; кормчий в ужасе кричит, поднялся народ.... Отметим любопытную мелочь: в первой редакции старцы идут по воде, не держась друг за друга; во второй – держатся рука с рукой, как при первой встрече на острове; архиерею вспоминается во сне ярче всего то первое впечатление, которое у него было от вида старцев в действительности.

Писание рассказа «Три старца», вероятно, относится к июню 1885 г. В одном письме к В. Г. Черткову (Ч) 18 июня 1885 г. Толстой говорит о написании нового рассказа для «Посредника»: «я написал еще рассказ

для вас, и, кажется, лучше прежних». Составительница объяснительных примечаний к этим письмам, А. К. Черткова

[6] высказывает мысль, что этот рассказ именно «Три старца» – «легенда очень любимая» Толстым. Л. Я. Гуревич предполагает, что Толстой говорил здесь о другом рассказе – о «Свечке».

«Три старца» напечатаны в первый раз в «Ниве» 1886, 13, столб. 330–334 (цензурное дозволение 26 марта 1886 г.). К заглавию рассказа «Три старца» в «Собрании сочинений Л. Н. Толстого» (изд. 10 и след.) прибавлен подзаголовок «Из народных сказок на Волге», которого нет во всех рукописях рассказа и в первых в 1886 г. изданиях «Собрания сочинений». Нет в рукописях и того подзаголовка, который помещен в первом издании рассказа в журнале «Нива»: «Три старца, народное сказание». Из этого можно видеть, что эти прибавленные подзаголовки, не только распространенный, но и короткий, принадлежат не Толстому. Что не волжское предание послужило основой рассказа, а скорее северное, видно из названий местных, северных. Интересно, что рассказ Толстого послужил со своей стороны основой новой сказки о Трех старцах, которые знают только одну молитву, «Трое вас, трое нас, помилуй нас», и которые заучивают при помощи архиерея «Отчую» и потом, забыв эту молитву, вслед за кораблем «чешут по воде». Этот рассказ записан в Енисейской губернии в 1900-м году А. А. Макаренком.

[7] Из сказанного видно насколько велика степень живучести этого сюжета.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ сохранен в трех рукописях и корректурном оттиске. Рукописи принадлежат Архиву В. Г. Черткова, переданному в ГТМ, и хранятся в папке 8 под №№ 27, 28 и 29. Корректурa – в БЛ под шифр. V, 9, 5 лл.

1) № 27. Автограф, F° и 4°, 4 листа. Писано, видимо, за один присест, с небольшими пометками. На об. листа 1-го – отрывок из «Смерти Ивана Ильича» (не первой редакции, чужою рукою). Заглавие: «Три старца» и ссылка на Евангелие от Матфея. VI. 7–8. Начало: «Плыль на корабль Архіерей изъ Архангельска города въ Соловецкіе»... На обложке рукой А. Л. Толстой: «Три старца (черновой)».

2) Рукопись № 28. Копия рукой В. Г. Черткова, с многочисленными поправками и дополнениями Толстого. 4°, 14 лл. На обложке синим карандашом: «Вторая редакция». Заглавие: «Три старца». Начало (после эпиграфа из ев. Матф. VI. 7–8): «Плыль на корабль архіерей изъ Архангельска города въ Соловки»... Изменения и исправления значительны: Напр. в 1-й редакции, старцев, бегущих по морю, сначала увидел не архіерей, а другие путники, которые стали смотреть и рассуждать; архіерей подходит, спрашивает и потом вглядывается и видит старцев. Во второй редакции старцев видит сначала архіерей, остальные спят. Архіерей подходит к кормчему и просит посмотреть, что виднеется; тот видит старцев, ужасается и кричит; народ вскакивает, и все видят старцев, подошедших к кораблю.

3) Рукопись № 29. Копия рукою В. Г. Черткова с предыдущей. 4°, 13 листов линованной тетрадной бумаги, с поправками и дополнениями рукою Толстого и другою рукою. Заглавие: «Три старца». Начало (после эпиграфа из ев. Матф. VI. 7–8): «Плыль на корабль Архіерей изъ Архангельска города въ Соловки»... Листы с признаками пребывания в типографии. Видимо, с этой рукописи набирали для изд. 1886 г. Поправки рукою не Толстого внесены из корректуры. На обложке синим карандашом: «Третья редакция».

4) Корректурa для изд. 1886 г. (Соч. гр. Л. Н. Толстого, ч. 12. М. 1886), с поправками и дополнениями самого Толстого и С. А. Толстой и подписью С. А. Толстой к печати.

В основу издания положен текст «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Часть 12. Произведения последних годов. М. 1886», стр. 154–162.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и

«этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

2

«Отечественные записки» 1864, т. 152.

3

Г. З. Кунцевич, «Три старца» Л. Н. Толстого и «Сказание о явлениях Августину» (Историко-литературный сборник, посвящ. Вс. И. Срезневскому), Л. 1924, стр. 201–296.

4

Бирюков, П. И. Л. Н. Толстой. Биография. Изд. 3, т. 2, стр. 122.

5

В. И. Срезневский «Язык и легенда в записях Л. Н. Толстого» (Ф. С. Ольденбург, к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932, Сборник статей, стр 476).

6

Толстовский ежегодник 1913 года. П. 1914. II. 25, 2 пр. т. 85, стр. 229.

7

См. «Русские сказки и песни в Сибири и др. материалы». Красноярск, 1902, под редакцией Потанина.

Лев Николаевич

Толстой

Упустишь огонь – не потушишь

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

УПУСТИШЬ ОГОНЬ – НЕ ПОТУШИШЬ.

Тогда Петр приступил к нему и сказал: Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? (Матф. XVIII, 21).

Иисус говорит ему: не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз (22).

Посему царство небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими (23).

Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов (24).

А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить (25).

Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу (26).

Государь, умиловшись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему (27).

Раб же тот, вышедши, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне что должен (28).

Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе (29).

Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга (30).

Товарищи его, видевши происшедшее, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему всё бывшее (31).

Тогда государь призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня (32).

Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя (33)?

И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга (34).

Так и Отец мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (35).

Жил в деревне крестьянин Иван Щербаков. Жил хорошо; сам был в полной силе, первый на селе работник, да три сына на ногах: один женатый, другой жених, а третий, подросток, с лошадьми ездил и пахать

зачинал. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смиренная и работающая. Жить бы да жить Ивану с семьей. Только нерабочих ртов во дворе и было, что один старик–отец больной (от удушья седьмой год на печи лежал). Всего было вдоволь у Ивана – 3 лошади с жеребенком, корова с подтелком, 15 овец. Бабы обували, обшивали мужиков и в поле работали; мужики крестьянствовали. Хлеба своего за новину переходило. Овсом подати и нужду всю справляли. Жить бы да жить Ивану с детьми. Да двор об двор жил с ним сосед Гаврило Хромой – Гордея Иванова сын. И завелась с ним у Ивана вражда.

Пока старик Гордей жив был и Ивана отец хозяйствовал, жили мужики по–соседски. Понадобится сито бабам или ушат, понадобится мужикам веретѐе или колесо сменить до времени, посылают из одного двора в другой и по–соседски помогают друг дружке. Забежит теленок на гумно – сгонят и только скажут: не пускай, мол, у нас ворох не убран. А того, чтобы прятать да запирать на гумне или в сарае или клепать друг на дружку, того и в заводе не было.

Так жили при стариках. А стали хозяйствовать молодые – пошло другое.

Затеялось всё из пустого.

Занеслась у Ивановой снохи рано курочка. Стала молодайка собирать к Святой яйца. Что ни день, то идет за яичком под сарай в тележный ящик. Только спугнули, видно, ребята курицу, и перелетела она через плетень к соседу и там снесла. Слышит молодайка, кудахтает курочка, – думает: теперь недосуг, убраться надо в избе под праздник; ужотко зайду возьму. Пошла вечером под сарай к тележному ящику – нет яичка. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя, – не брали ли. Нет, говорят, не брали; а Тараска, деверь меньшей, говорит: твоя хохлатка на дворе у соседа снесла, там кудахтала и оттуда прилетела. Посмотрела молодайка на свою хохлатку, сидит рядом с петухом на перемете, уж глаза завела, спать собралась. И спросила бы у ней, где снесла, да не ответит, и пошла молодайка к соседям. Встречает ее старуха.

– Чего тебе, молодка, надо?

– Да что, – говорит, – баушка, моя курочка к вам нынче перелетала, не снесла ли она яичка где?

– И видом не видали. У нас свои, Бог дал, давно несутся. Мы своих собрали, а нам чужих не надо. Мы, деушка, по чужим дворам яйца собирать не ходим.

Обидно стало молодайке, сказала слово лишнее, соседка еще два; и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена с водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала соседку укорять, помянула, что было, да и то, чего не было, приплела. И пошла трескотня. Все вдруг кричат, норовят по два слова в раз выговорить. Да и слова–то все дурные. Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекра мором моришь, ты беспоставочная.

– А ты побирушка, сито мое продрала! Да и коромысло–то у тебя наше,
– давай коромысло!

Ухватились за коромысло, воду пролили, платки сорвали, стали драться. Подъехал с поля Гаврило, вступился за свою бабу. Выскочил Иван с сыном, свалились в кучу. Иван мужик здоровый был, раскидал всех. Гавриле клочок бороды выдрал. Сбежался народ, насилие розняли.

С того началось.

Завернул Гаврило свой клочок бороды в грамотку и поехал в волостное судиться.

– Я, – говорит, – не затем ее растил, бороду–то, чтобы мне ее конопатый Ванька драл.

А жена его соседям хвалится, что они теперь Ивана засудят, в Сибирь сошлют. И пошла вражда.

Уговаривал их с печи старик еще с первого дня, да не послушали молодые. Говорил он им:

– Пустое вы, ребята, делаете и из пустого дело заводите. Ведь подумайте, все дело у вас из–за яйца завязалось. Подняли ребятишки яичко, ну и Бог с ним; в одном яйце корысти нисколько. У Бога про всех хватит. Ну, дурное слово сказала, а ты его поправь, научи, как лучше сказать. Ну, подрались – грешные люди. Бывает и это. Ну, подите, попроститесь, да крышка всему. А на зло пойдете – вам хуже будет.

Не послушали молодые старика, думали, что всё это старик не к делу говорит, а только по–стариковски брюзжит.

Не покорился Иван соседу.

Я, – говорит, – ему бороды не рвал, он ее сам себе выщипал, а его сын мне пельки оборвал и всю рубаху на мне. Вот она.

И поехал Иван судиться. Судились они и у мирового и у волостного. Пока судились, пропал у Гаврилы из телеги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы этим шкворнем Иванова сына:

– Мы, – говорят, – видели, как он ночью мимо окна к телеге подходил, а кума сказывала, он в кабаке заезжал, там кабашнику шкворнем набивался.

Опять стали судиться. А дома что ни день, то брань, а то и драка. И ребята бранятся, у старших научаются, и бабы на речке сойдутся, не столько вальками бьют, сколько языками стрекочут, и всё на зло.

Сначала клепали мужики друг на дружку, а потом и вправду, чуть что плохо лежит, стали и таскать. И так и баб и ребят приучили. И стало житье их всё хуже и хуже. Судились Иван Щербаков с Гаврилой Хромым и на сходках, и в волостном, и у мирового, так что и судьям всем

надокучили; то Гаврило Ивана под штраф подведет или в холодную, то Иван Гаврилу. И что больше они друг дружке пакостили, то больше злились. Собаки схватятся: что больше дерутся, то больше остервеняются. Собаку сзади бьют, а она думает, что это ее та кусает, и еще пуще зарится. Так и эти мужики: поедут судиться, их накажут, того либо другого, штрафом или арестом, и за всё это у них друг на дружку сердце разгорается. «Погоди ж, мол, я тебе всё это выворочу». И шло так у них дело 6 годов. Только старик на печи всё одно говорил. Начнет, бывало, усовещивать:

– Что вы, ребята, делаете? Бросьте вы все счёты, дело не упускайте, а на людей не злобьтесь, лучше будет. А что больше злобитесь, то хуже.

Не слушают старика.

Зашло дело на седьмом году о том, что на свадьбе стала сноха Иванова Гаврилу при народе срамить, стала его уличать, что он с лошадьми попался. Был Гаврило пьяный, не сдержал своего сердца, ударил бабу и зашиб так, что она неделю лежала, а баба тяжелая была. Обрадовался Иван, поехал с прошением к следователю. Теперь, думает, развяжусь я с соседом, не миновать ему острога или Сибири. Да опять не вышло Иваново дело. Не принял следователь прошенья; освидетельствовали бабу; баба встала и знаков нет. Поехал Иван к мировому, и тот переслал дело в волостное. Стал Иван хлопотать в волости, писарю со старшиной полведра сладкой пропоил и выхлопотал, что присудили высечь Гавриле спину. Прочли Гавриле на суде решение.

Читает писарь: «Суд постановил: наказать крестьянина Гаврилу Гордеева 20-ю ударами розог при волостном правлении». Слушает и Иван решение и глядит на Гаврилу: что от него теперь будет? Выслушал Гаврило, побелел как полотенец, повернулся, вышел в сени. Вышел за ним Иван, хотел к лошади, да услышал, – говорит Гаврило:

– Ладно, – говорит, – он мою спину высечет, загорится она у меня, да и у него как бы больнее чего не загорелось.

Услыхал эти слова Иван, тотчас вернулся к судьям.

– Судьи праведные! Он меня спалить грозит. Прислушайте, при свидетелях сказал.

Позвали Гаврилу.

– Правда, ты говорил?

– Я ничего не говорил. Секите, коли ваша власть есть. Видно, мне одному за мою правду страдать, а ему всё можно.

Хотел еще что-то сказать Гаврило, да затряслись у него и губы и щеки. И отвернулся к стенке. Испугались даже судьи, глядя на Гаврилу. Как бы, думают, он и впрямь чего худого над соседом или над собой не сделал.

И стал старичок–судья говорить:

– А вот что, братцы: сойдитесь–ка вы лучше добром. Ты, брат Гаврило, разве хорошо сделал – тяжелую бабу ударил? Ведь хорошо, Бог помиловал, а то какой бы грех сделал. Разве хорошо? Ты повинись да поклонись ему. А он простит. Мы это решение перепишем.

Услыхал это писарь и говорит:

– Это нельзя, потому что на основании 117–й ст. миролюбивое соглашение не состоялось, а состоялось решение суда, и решение должно войти в силу.

Но судья не послушал писаря.

– Будет, – говорит, – язык чесать–то. Первая статья, брат, одна: Бога помнить надо, а помириться Бог велел.

И стал судья опять уговаривать мужиков, да не уговорил. Не стал его Гаврило слушать.

– Мне, – говорит, – без году пятьдесят, у меня сын женатый, и бит я отродясь не был, а теперь меня конопатый Ванька под розги привел, да я же ему поклонись! Ну, да будет... Попомнит меня и Ванька!

Задрожал опять голос у Гаврилы. Не мог больше говорить. Повернулся и вышел.

От волости до двора 10 верст было, и вернулся Иван домой поздно. Уж бабы вышли скотину встречать. Отпрёг он лошадь, убрался и вошел в избу. В избе никого не было. Ребята с поля не ворочались, а бабы скотину встречали. Вошел Иван, сел на лавку и задумался. Вспомнил он, как Гавриле решенье объявили и как он побелел и к стене повернулся. И защемило ему сердце. Примерил он к себе, кабы его высечь присудили. И жалко ему стало Гаврилы. И слышит он, закашлялся старик на печи, поворочался, спустил ноги и полез с печи. Сполз старик, протаскился до лавки и сел. Уморился до лавки доползть, кашлял, кашлял, старик, откашлялся, оперся на стол и говорит:

– Что ж? присудили?

Иван говорит:

– 20 розг присудили.

Помотал головой старик.

– Худо, говорит, Иван, ты делаешь. Ох, худо! Не ему, себе худо делаешь. Ну, выпорят ему спину, тебе–то полегчает, что ли?

– Вперед не будет, – сказал Иван.

– Чего не будет–то? Чем он хуже тебя делает?

– Как, чего он мне сделал? – заговорил Иван. – Он бабу бы до смерти убил, да он и теперь сжечь грозится. Что ж ему кланяться за это?

Воздохнул старик и говорит:

– По всему ты, Иван, вольному свету ходишь и ездешь, а я на печи который год лежу, ты и думаешь, что ты всё видишь, а я ничего не вижу. Нет, малый, тебе ничего не видно; тебе злоба глаза замстила. Чужие–то грехи перед собой, а свои за спиной. Что сказал: он худо делает! Кабы он один худо делал, зла бы не было. Разве зло промеж людьми от одного заводится? Зло промеж двоих. Его плохоту тебе видно, а свою не видать. Кабы он один был зол, а ты бы хорош, зла бы не было. Бороду–то ему кто выдрал? Копну–то испольную кто поднял? По судам–то кто его волочил? А все на него воротишь. Сам плохо живешь, оттого и худо. Не так я, брат, жил и не тому вас учил. Мы с стариком, с отцом его, разве так жили? Мы жили как? – по–соседски. У него мука дошла, придет баба: – дядя Фрол, муки надо! – Иди, мол, молодка, в амбар, насыпай сколько надо. –У него некого с лошадьми послать, – ступай, Ванятка, сведи его лошадей. – А у меня чего нехватка, иду к нему. – Дядя Гордей, того–то, того–то надо. – Бери, дядя Фрол! –Так у нас шло. И вам житье легкое было. А теперь что? Вот наемни солдат про Плевну сказывал. Что ж, у вас теперь война хуже Плевны этой. Разве это житье? А грех–то! Ты мужик, ты хозяин в дому. С тебя спросится. Ты чему своих баб да ребят учишь? Собачиться. Намеднись Тараска и тот, сопляк, тетку Арину костит по–матери, а мать на него смеется. Разве это добро? Ведь с тебя спросится! Ты об душе–то подумай. Разве так надо? Ты мне слово – я два, ты мне плюху – я тебе две. Нет, малый, Христос по земле ходил, не тому нас, дураков, учил. Тебе слово, а ты смолчи, – его самого совесть обличит. Вот как Он нас, Батюшка, учил. Тебе плюху, а ты под другую подвернись: на, мол, бей, коли я того стою. А его совесть и зазрит. Он и смирится, и тебя послушает. Так–то Он нам приказывал, а не гордыбачить. Что ж молчишь? Так ли я говорю?

Молчит Иван – слушает.

Закашлялся старик, насилиу отплевался, опять стал говорить:

– Ты думаешь, Христос–то нас худому учил? Ведь всё дли нас же, для добра. Ты об земном житье–то своем подумай: что тебе лучше али хуже стало с тех пор, как эта Плевна у вас завелась? Ты посчитай–ка, что ты провел добра на суды, что ты проездил, да прохарчил? У тебя сыновья–то какие орлы поднялись, тебе бы жить да жить, да в гору идти, а у тебя недостаток убывать стал. А отчего? Всё оттого. От гордости от твоей. Тебе надо с ребятами в поле ехать да самому рассеять, а тебя враг к судье али к стракулисту какому гонит. Не во–время вспашешь, не во–время посеешь, она, матушка, и не родит. Овес–то отчего ныне не родился? Ты когда сеял? Из города приехал. А что высудил? Себе на шею. Эх, малый, ты свое дело помни: ворочай с ребятами на пашне да в дому, а обидел тебя кто, так ты по Божьи прости, и по делу–то вольготнее тебе будет, и на душе–то легость у тебя всегда будет.

Молчит Иван.

– Ты вот что, Ваня! Послушай ты меня, старика. Поди ты, запряги чалаго, поезжай ты тем же следом в Правление, прикрой ты там все дела и поди ты на утро к Гавриле, попростись ты с ним по-божески, да к себе позови, завтра же праздник (дело было под Рождество Богородицы), поставь самоварчик, полштоф возьми и развяжи ты все грехи, чтоб и вперед их не было, и бабам и детям закажи.

Воздохнул и Иван, думает «правду старик говорит», и отошло у него вовсе сердце. Только не знает, как дело это сделать, как помириться теперь.

И начал опять старик, точно угадал.

– Поди, Ваня, не откладывай. Туши огонь в начале, а разгорится – не захватишь.

Хотел еще что-то сказать старик, да не договорил: пришли бабы в избу, защекотали, как сороки. До них уж все вести дошли: и как Гаврилу присудили розгами высечь, и как он сжечь грозился. Всё узнали и своего приплели, и уж с Гавриловыми бабами на выгоне опять побраниться успели. Стали рассказывать, как им Гаврилова сноха грозилась производителем. Производитель, мол, Гаврилову руку тянет. Он теперь всё дело перевернет, а учитель, мол, уж другое прошение к самому царю на Ивана писал, и в прошении все дела прописаны: и об шкворне, и об огороде, и половина усадьбы теперь к ним перейдет. Послушал их речи Иван, и застыло у него опять сердце, и раздумал мириться с Гаврилой.

У хозяина во дворе всегда дела много. Не стал с бабами говорить Иван, а встал и пошел из избы, пошел на гумно и в сарай. Пока убрался там да вернулся во двор, уже и солнышко зашло; подъехали и ребята с поля: они яровое под зиму надвоем пахали. Встретил их Иван, порасспросил про работу, подсобил убраться, отложил хомут разорванный починить, хотел еще убрать жерди под сарай, да уж вовсе смерклося. Оставил Иван жерди до завтра, а подкинул скотине корму, отворил ворота, выпустил Тараску с лошадьми на улицу ехать в ночное и опять запер ворота, заложил подворотню. «Теперь поужинать да и спать», подумал Иван, захватил хомут рванный и пошел в избу. И забыл он к тому времени и про Гаврилу, и про то, что отец говорил. Только взялся за кольцо, входит в сени, слышит – из-за плетня ругается на кого-то сосед хриплым голосом. «На кой его дьявола! – кричит на кого-то Гаврило. – Убить его стоит!» Так и всплыло у Ивана от этих слов всё прежнее зло на соседа. Постоял он, послушал, покуда Гаврило ругался. Затих Гаврило, пошел и Иван в избу. Вошел он в избу, в избе засветили огонь; молодайка в углу сидит за пряхой, старуха ужинать собирает, старший сын оборки вьет на лапти, второй у стола сидит с книжкой, Тараска в ночное убирается.

В избе всё хорошо, весело, кабы не зазноба эта – сосед лихой.

Вошел Иван сердитый, сбросил кошку с лавки и баб разбранил, что у них лохань не на месте. И скучно стало Ивану; сел он, нахмурился и стал хомут чинить, и не идут у него из головы Гавриловы слова, как

он на суде погрозился и как сейчас прокричал хриплым голосом про кого-то: «убить его стоит!».

Собрала старуха Тараске ужинать; поел он, надел шубенку, кафтан, подпоясался, взял хлеба и пошел на улицу к лошадям. Хотел его старший брат проводить, да Иван сам встал и вышел на крыльцо. На дворе уж вовсе темно, черно стало, наволокло и поднялся ветер. Сошел Иван с крыльца, посадил сынишку, пугнул за ним жеребенка и постоял, посмотрел, послушал, как поехал Тараска вниз по деревне, как съехался с другими ребятами и как все они выехали из слуха вон. Постоял, постоял Иван у ворот, и не выходят у него из головы Гавриловы слова: «как бы у тебя больнее не загорелось».

«И себя, – думает Иван, – не пожалеет. Сушь стоит, да еще ветер. Зайдет где с задов, сунет огонь, да и был таков; сожжет, злодей, и да и прав останется. Вот кабы накрыть его, уж не ушел бы!» И так запала эта Ивану думка в голову, что не пошел он назад на крыльцо, а прямо сошел на улицу и за ворота, за угол. «Дай обойду двор. Кто его знает». И пошел Иван тихой ступней вдоль ворот.

Только зашел он за угол, поглядел вдоль плетня, и покажись ему, что на том углу что-то мотнулось, как будто высунулось и опять спряталось за угол. Остановился Иван и притих, – слушает и смотрит: всё тихо, только ветер листочки на лозине треплет и по соломе шуршит. То было темно, хоть глаз выткни, а то пригляделись глаза в темноте: и видит Иван весь угол, и соху и застреху. Постоял он, посмотрел: «нет никого».

«Видно, померещилось, – подумал Иван, – а всё-таки обойду», и пошел крадучись вдоль сарая. Ступает Иван тихо, в лаптях, так что и сам своих шагов не слышит. Дошел до угла – глядь, на том конце что-то блеснуло у сохи и опять скрылось. Так и ударило Ивана в сердце, и остановился он.

Только остановился он, на том же месте вспыхнуло ярче, и явственно видно – сидит на корточках к нему спиной человек в шапке и соломы пучок в руках разжигает. Забилось у Ивана сердце в груди, как птица, и напряжился он весь и зашагал большими шагами. Сам под собой ног не слышит. «Ну, – думает, – теперь не уйдет, на месте захвачу!»

Не дошел Иван еще двух прогалков, как вдруг засветилось ярко-ярко, да уж не на том месте и не маленький огонек, а полымем вспыхнула солома под застрехой и на крышу несет, и Гаврило стоит, и всего его видно.

Как ястреб на жаворонка бросился Иван на Хромого. «Скручу, – думает, – не уйдет теперь!» Да услышал, видно, Хромой шаги, оглянулся, и, откуда прыть взялась, заковылял, как заяц, вдоль сарая.

– Не уйдешь! – закричал Иван и налетел на него.

Только он хотел ухватить его за шиворот, вывернулся у него из-под рук Гаврило, поймал его Иван за полу. Пола оборвалась, и упал Иван. Вскочил Иван: «караул! держи!» и побежал опять.

Пока он поднимался, Гаврило уже был у своего двора, но и тут Иван настиг его. И только хотел сцапать, как вдруг оглоушило его что-то по голове, как камнем ударило по темени: это Гаврило у двора поднял дубовый кол и, когда Иван подбегал к нему, со всего маху ударил его в голову.

Очумел Иван, посыпались у него искры из глаз, потом потемнело, и зашатался он. Когда он опомнился, Гаврилы не было; было светло, как днем, и со стороны его двора, как машина шла, гудело и трещало что-то. Иван повернулся и увидел, что задний сарай его полыхал весь, боковой сарай захватило, и огонь, и дым, и оскретки соломы с дымом гнало на избу.

– Что ж это, братцы! – вскрикнул Иван, поднял руки и хлопнул ими себя по ляжкам. – Ведь мне бы только выдернуть из застрехи да затоптать! Что ж это, братцы! – повторил он.

Хотел закричать – дух захватило, голоса не было. Хотел бежать – ноги не двигались, одна за другую цеплялась. Пошел шагом – зашатался, опять дух захватило. Постоял, отдышался, опять пошел. Покуда он обошел сарай и дошел до пожара, боковой сарай весь полыхал, захватило уже и угол избы и ворота, и из избы валил огонь и ходу во двор не было. Народу сбежалось много, но делать нечего было. Соседи вытаскивали свое и сгоняли с дворов свою скотину. После Иванова занялся Гаврилин двор, поднялся ветер, перекинуло через улицу. Снесло половину деревни.

У Ивана только вытащили старика да сами повыскакали в чем были, а то все осталось; кроме лошадей в ночном, вся скотина сгорела, куры погорели на насестях, телеги, сохи, бороны, бабы сундуки, хлеб в закромах, всё сгорело.

У Гаврилы скотину выгнали и кое-что повытаскали.

Горело долго, всю ночь. Иван стоял около своего двора, смотрел и только всё приговаривал: «Что ж это, братцы! только бы выхватить да затоптать». Но когда завалился потолок в избе, он полез в самый жар, ухватил обгорелое бревно и потащил его из огня. Бабы увидели его и стали звать назад, но он вытащил бревно и полез за другим, да пошатнулся и упал на огонь. Тогда сын полез за ним и вытащил его. Опалил себе Иван и бороду и волосы, прожег платье и испортил руку, и ничего не чуял. «Это он с горя одурел», говорил народ. Стал пожар утихать, а Иван всё стоял и только приговаривал: «Братцы, что ж это! только бы выхватить». К утру прислал за Иваном староста сына.

– Дядя Иван, твой родитель помирает, велел тебя звать проститься.

Забыл Иван и про отца и не понял, что ему говорят.

– Какой, – говорит, – родитель? Кого звать?

– Велел тебя звать – проститься, он у нас в избе помирает. Пойдем, дядя Иван, – сказал старостин сын и потянул его за руку. Иван пошел

за Старостиным сыном.

Старика, когда выносили, окинуло соломой с огнем и обожгло. Его снесли к старосте на дальнюю слободу. Слобода эта не сгорела.

Когда Иван пришел к отцу, в избе была только одна старушка старостина и ребята на печке. Все были на пожаре. Старик лежал на лавке с свечкой в руке и косился на дверь. Когда сын вошел, он зашевелился. Старуха подошла к нему и сказала, что пришел сын. Он велел позвать его ближе. Иван подошел, и тогда старик заговорил:

– Что, Ванятка, – сказал он, – говорил я тебе. Кто сжег деревню?

– Он, батюшка, – сказал Иван, – он, я и застал его. При мне он и огонь в крышу сунул. Мне бы только выхватить клочок соломы с огнем да затоптать, и ничего бы не было.

– Иван, – сказал старик. – Моя смерть пришла, и ты помирать будешь. Чей грех?

Иван уставился на отца и молчал, ничего не мог выговорить.

– Перед Богом говори: чей грех? Что я тебе говорил?

Тут только очнулся Иван и всё понял. И засопел он носом и сказал:

– Мой, батюшка! – И пал на колени перед отцом, заплакал и сказал: – Прости меня, батюшка, виноват я перед тобой и перед Богом.

Старик подвигал руками, перехватил в левую руку свечку и потащил правую ко лбу, хотел перекреститься, да не дотащил и остановился.

– Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! – сказал он и скосил глаза опять на сына.

– Ванька! а Ванька!

– Что, батюшка?

– Что ж надо делать теперь?

Иван всё плакал.

– Не знаю, батюшка, – сказал он. – Как теперь и жить, батюшка?

Закрыв глаза старик, помулявил губами, как будто с силами собирался, и опять открыл глаза и сказал:

– Проживете. С Богом жить будете – проживете.

Помолчал еще старик, ухмыльнулся и сказал:

– Смотри ж, Ваня, не сказывай, кто зажег. Чужой грех покрой, Бог два простит.

И взял старик свечку в обе руки, сложил их под сердцем, вздохнул, потянулся и помер.

Иван не сказал на Гаврилу, – и никто и не узнал, от чего был пожар.

И сошло у Ивана сердце на Гаврилу, и дивился Гаврило Ивану, что Иван на него никому не сказал. Сначала боялся его Гаврило, а потом и привык. Перестали ссориться мужики, перестали и семейные. Пока строились, жили обе семьи в одном дворе, а когда отстроилась деревня и дворы разместили шире, Иван с Гаврилой остались опять соседями, в одном гнезде.

И жили Иван с Гаврилой по-соседски, так же, как жили старики. И помнит Иван Щербаков наказ старика и Божье указанье, что тушить огонь надо в начале.

И если ему кто худое сделает, норовит не другому за то выместить, а норовит, как дело поправить; а если ему кто худое слово скажет, норовит не то что еще злее ответить, а как бы того научить, чтобы не говорить худого; и так и баб и ребят своих учит. И поправился Иван Щербаков и стал жить лучше прежнего.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«УПУСТИШЬ ОГОНЬ – НЕ ПОТУШИШЬ».

Варианты текстов: издание «Посредника» 1886 г. и «Сочинения гр. Л. Н. Толстого», часть двенадцатая, М. 1886, стр. 31–50.

Стр. 50, строка 37.

Вместо: поклонись! – в изд. «Посредника» поклонюсь!

Стр. 53, строка 3.

Вместо: Воздохнул – в изд. 1886 г.: Вздохнул

Стр. 53, строка 20.

Вместо: раздумал – в изд. «Посредн.» – раздумался

Стр. 55, строка 22.

Вместо: оглушило – в изд. 1886 г.: оглушило

Стр. 55, строка 33.

Слов: Что ж это братцы! – повторил он. – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 55, строка 34.

Вместо: голоса не было – в изд. «Посредн.» не вывел голоса

Стр. 55, строка 35.

Вместо: не двигались... цеплялась – в изд. «Посредн.»: не двигаются... цепляют

Стр. 55, строки 35–36.

После: Пошел шагом – в изд. «Посредн.»: прошел шага два

Стр. 56, строка 2.

Вместо: Гаврилин – в изд. 1886 г.: Гаврилов

Стр. 56, строка 3.

Вместо: Снесло – в изд. «Посредн.»: как метлой смело

Стр. 56, строка 13.

Вместо: потащил его из огня. – в изд. 1886 г.: хотел тащить его

Стр. 56, строка 15.

Вместо: Тогда сын полез за ним – в изд. «Посредн.»: Полез за ним сын

Стр. 56, строки 26–27.

Вместо: сказал старостин... кончая: Иван – в изд. «Посредн.»: Насилу-то понял Иван.

Стр. 57, строка 10.

Вместо: батюшка – в изд. «Посредн.»: ради Христа

Стр. 57, строки 9–10.

Слова: и пал на колени... кончая: сказал – в изд. «Посредн.» после: засопел он носом

Стр. 57, строка 22.

Вместо: батюшка? – в изд. «Посредн.»: будем

Стр. 57, строка 33.

Вместо: не сказал. – в изд. «Посредн.»: не сказывает

Стр. 58, строка 1.

Вместо: норовит не другому за то выместить – в изд. «Посредн.»:
норовит не выместить за то другому

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«УПУСТИШЬ ОГОНЬ – НЕ ПОТУШИШЬ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Рассказ «Упустишь огонь – не потушишь» написан Толстым в апреле 1885 г. На старшей рукописи–автографе есть дата – «11 апреля 1885 г.» и на следующей – копии рукой А. П. Иванова (нередко в это время переписывавшего для Толстого его рукописи) – «17 апреля 1885 г. Москва. Полночь». Очень скоро после того, как была сделана эта копия, Толстой послал В. Г. Черткову в Петербург «первоначальную черновую» (выражение Черткова) рассказа, а 22 апреля последний, как видно из его письма, собирается отослать рассказ обратно Толстому и просит прислать ему снова, когда исправит: «Я здесь, – дополняет В. Г. Чертков, – закажу к нему рисунки и пропущу через цензуру»; он просит Толстого, если будет возможно, «это сделать безотлагательно», чтобы успеть справиться с рассказом до отъезда за границу. 26 апреля Толстой пишет Черткову от Сытина (книгоиздателя, печатавшего издания «Посредник»), который ехал в Петербург, что «хотел с ним послать назад свой рассказ» (вероятно, это третий список), но так как «очень перемарал его и не успел переписать, да и то не совсем доволен», откладывает свое намерение. Из всего этого видно, как спешно шла работа. Для быстроты же, вероятно, Толстой думает «отдать в цензуру здесь», т. е. в Москве. Согласившись с Толстым по вопросу о цензуре, Чертков просит его, очевидно тоже для ускорения работы художника, не

может ли он прислать ему черновую копию, на которой он сделал пополнения и изменения, для того чтобы можно было прочесть рассказ К. А. Савицкому, взявшемуся сделать рисунки. «В крайнем случае, – прибавляет В. Г. Чертков, – я прочту ему ту первоначальную черновую, которая осталась у меня; но лучше было бы, если бы вы прислали мне вашу черновую, более обработанную, так как в окончательной форме рассказы, разумеется, больше увлекают и воодушевляют художника, который должен иллюстрировать». Судя по пометке типографии на рукописи, с которой набирали, – «10 мая 1885 г.», дальнейшая работа Толстого была уже над корректурой; эту корректуру он просмотрел перед своим отъездом в Ясную поляну и передал ее И. Д. Сытину до 17 мая, когда уже был в деревне. 30 мая 1885 г. было получено разрешение цензуры. Начавшееся так напряженно и быстро писание и печатание рассказа после этого вдруг остановилось. Не даром, говоря в письме к Черткову 17 мая про «Огонь не потушишь», Толстой употребляет такое выражение: «Терять времени не надо, но и торопиться не надо». Только в октябре в переписке Толстого с Чертковым вновь попадают упоминания о рассказе. В письме 12 октября Чертков просит Толстого дать дополнительное более подробное заглавие для некоторых рассказов и между прочим для «Упустишь огонь». «Это, – прибавляет Чертков, – имеет большое значение в глазах покупателей и, сделав это, вы приведете эти книжечки в самую подходящую форму для лубочных изданий». Толстой дал такое распространенное заглавие рассказу: «Упустишь огонь – не потушишь, или о том, как мужик по злобе к соседу сам себя поджег, и как он одумался» (это заглавие не вошло ни в одно издание). То же письмо Черткова 12 октября интересно, как показатель исключительной тщательности в работе и автора и редактора: В. Г. Черткова смутила одна подробность в рассказе, вероятно, смутившая и слушателей из крестьян, которым он читал рассказ в Воронежской губернии (где он в октябре жил); он думал, не описка ли у Толстого. Толстой в ответном письме пишет, что «О Тараске нет описки. У нас выводят лошадей за ворота, привязывают на улице и тогда ужинают и убираются в ночное... Я никак не умею вставить объяснения этого. Если вы придумаете, вставьте (но, впрочем, если крестьяне найдут нужным) объяснение». Объяснение не было вставлено и осталось, как было написано: «пошел на улицу к лошади». (См. т. 85, стр. 267.)

Рассказ был отпечатан и выпущен в свет только в следующем, 1886 г., и очень скоро, в том же году, вторым изданием. Первое издание было снабжено рисунками К. А. Савицкого, второе – рисунками М. Е. Малышева (1852–1912).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рукописи, заключающие в себе рассказ «Упустишь огонь – не потушишь», принадлежат к Архиву, переданному В. Г. Чертковым в ГТМ и хранятся в папке 8, №№ 1–6.

1) № 1. Автограф, 4° 7 л. нелинованной писчей бумаги. На л. 7 дата: «11 апрѣля 1885». Заглавия нет. На полях дополнения; в тексте помарки и поправки. Некоторые места зачеркнуты вертикально. Детали еще не разработаны. Иван назван Хралковым. Начало: «Жиль въ деревнѣ крестьянинъ Иванъ Хралковъ». Зачеркнутое начало было: «Жили два мужика, два сосѣда»... Первая редакция.

2) Рукопись № 2. Копия с предыдущей рукою А. П. Иванова. 4°, 14 л. нелинованной писчей бумаги. На л. 1 зачеркнутый отрывок письма рукою А. П. Иванова, не принадлежащий Толстому. (Начало: «Согласно письму Вашему, в котором Вы извещаете меня»...). Текст нач. на л. 2. с значительными поправками и дополнениями Толстого. Начало: «Жиль въ деревнѣ крестьянинъ Иванъ Хралковъ». В конце дата рукою переписчика: «17 апрѣля 1885 г. Москва. Полночь». Заглавие рукою Толстого: «Упустишь огонь – не потушишь». Здесь уже налицо работа над деталями.

3) Рукопись № 3. Копия с предыдущей. 4°, 15 л. писчей бумаги, линованной в мелкую клетку. С поправками Толстого. Конца недостает, он перенесен в следующую рукопись. Здесь текст обрывается на словах: «Дядя Иванъ, твой родитель помираетъ, велѣль тебя звать проститься».

Последние листы перенесены в следующую рукопись: Начало – как в предыдущих рукописях. Фамилия Ивана – Хралков.

4) Рукопись № 4. Копия с предшествующей рукою А. П. Иванова. 4°, 21 л. (л. 20 и 21 чистые) нелинованной писчей бумаги. С большими поправками, дополнениями и перестановками Толстого. Под заглавием рукою Толстого сделана пометка об эпиграфе: «Мѡ. XVIII. 21–35 (выписать)». Начало: «Жиль въ деревнѣ крестьянинъ Иванъ Щербаковъ»... Фамилия «Щербаковъ» рукою Толстого написана над «Хралковъ». Листы 17, 18 и 19, с концом рассказа, вынуты из рукописи и перенесены сюда.

5) Рукопись № 5. Копия с предыдущей, без авторских поправок. F° 10 л. (л. 10 чистый). Под заглавием эпиграф из Мф. XVIII. 21–35, выписан полностью. Начало: «Жиль въ деревне крестьянинъ Иванъ Щербаковъ»... На л. 3 об. примечание карандашом рукою В. Г. Черткова.

6) Рукопись № 6. Копия с рукописи № 4 рукою А. П. Иванова. 4°, 22 л. нелинованной писчей бумаги Ржевской фабрики. С поправками Толстого. Лист 13 представляет перебеленную копию части лицевой стороны листа 14-го. С этой рукописи набирался текст для издания «Посредника». В левом углу сверху на л. 1 неизвестной рукой написано: «№ 113. 10 мая 85».

В основу настоящего издания кладем текст издания «Посредника»: «Упустишь огонь – не потушишь. Льва Толстого. Москва. Типография И. Д. Сытина и К°. Пятницкая ул., собств. д. 1886. 12°, 34 номер, и 2 нум. стр.» Цензурное разрешение – Москва 30 мая 1885 г.

В виду того, что корректуры, в которой Толстой сделал окончательные

поправки, не сохранилось, текст настоящего издания проверен по рукописям.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о

народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, редактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в

тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

Лев Николаевич

Толстой

Вражье лепко, а божье крепко

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО.

Жил в старинные времена добрый хозяин. Всего у него было много, и много рабов служило ему. И рабы хвалились господином своим. Они говорили: «Нет под небом господина лучше нашего. Он нас и кормит и одевает хорошо, и работу дает по силам, никого словом не оскорбит и ни на кого зла не держит; не так как другие господа своих рабов хуже скотов мучают, и за вину и без вины казнят, и доброго слова не скажут. Наш – нам добра хочет, и добро делает, и доброе говорит нам. Нам лучшего житья не нужно».

Так хвалились рабы господином своим. И вот досадно стало дьяволу, что живут хорошо и по любви рабы с господином своим. И завладел дьявол одним из рабов господина этого, Алебом. Завладев им, велел ему соблазнять других рабов. И когда отдыхали все рабы и хвалили господина своего, поднял голос Алеб и сказал:

– Напрасно хвалитесь вы, братцы, добротой господина нашего. Начни угождать дьяволу, и дьявол добр станет. Мы нашему господину хорошо служим, во всем угождаем. Только задумает он что, мы то и делаем, мысли его угадываем. Как же ему с нами добрым не быть? А перестаньте–ка угождать да сделайте ему худо, и он такой же как и все будет, и за зло отплатит злом хуже, чем самые злые господа.

И стали другие рабы спорить с Алебом. И спорили и побились об заклад. Взаялся Алеб рассердить доброго господина. Взаялся с тем

уговором, что если он не рассердит, то решается своей праздничной одежи, а если рассердит, то обещали ему каждый отдать свою праздничную одежду и, кроме того, обещались защитить его от господина, – если закуют его в железо или в темницу посадят, то выпустить его. Побились об заклад, и на другое утро обещал Алеб рассердить хозяина.

Служил Алеб у хозяина в овчарне, ходил за племенными дорогими баранами. И вот, на утро, когда пришел добрый господин с гостями в овчарню и стал им показывать своих любимых дорогих баранов, мигнул дьяволов работник товарищам:

– Смотрите, сейчас рассержу хозяина.

Собрались все рабы, смотрят в двери и через ограду, а дьявол взлез на дерево и смотрит оттуда во двор, как будет ему служить его работник. Походил хозяин по двору, показал гостям овец и ягнят и захотел показать лучшего своего барана.

– Хороши, – говорит, – и другие бараны, а вон тот, что с крутыми рогами, тому цены нет, он для меня глаза дороже.

Шарахаются от народа по двору овцы и бараны и не могут рассмотреть гости дорогого барана. Только остановится этот баран, так дьяволов работник, как будто ненароком, пугнет овец, и опять все смешаются. Не могут разобрать гости, который бесценный баран. Вот наскучило это хозяину. Он и говорит:

– Алеб, друг любезный, потрудись ты, поймай осторожно лучшего барана с крутыми рогами и поддержи его.

И только сказал это хозяин, бросился Алеб как лев в середину баранов и ухватил бесценного барана за волну. Ухватил за волну и тотчас перехватил одною рукой за заднюю левую ногу, поднял ее и прямо на глазах хозяина рванул ногу кверху, и хрустнула она, как лутошка. Сломал Алеб дорогому барану ногу ниже колена. Заблеял баран и упал на передние колена. Перехватил Алеб за правую ногу, а левая вывернулась и повисла как плеть. Ахнули и гости и рабы все, и зародовался дьявол, когда увидел, как умно сделал его дело Алеб. Стал чернее ночи хозяин, нахмурился, опустил голову и не сказал ни слова. Молчали гости и рабы... Ждали, что будет. Помолчал хозяин, потом отряхнулся, будто с себя скинуть что хочет, поднял голову и уставился в небо. Недолго смотрел он, и морщины разошлись на лице, и он улыбнулся. Он поглядел на Алеба, и сказал:

– О, Алеб, Алеб! твой хозяин велел тебе меня рассердить. Да мой хозяин сильнее твоего: и ты не рассердил меня, а рассержу же я твоего хозяина. Ты боялся, что я накажу тебя, и ты хотел быть вольным, Алеб, так знай же, что не будет тебе от меня наказания; а хотел ты быть вольным, так вот при гостях моих отпускаю тебя на волю. Ступай на все четыре стороны, возьми свою праздничную одежду.

И пошел добрый господин с гостями своими домой. А дьявол заскрежетал зубами, свалился с дерева и провалился сквозь землю.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО».

Варианты изд. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая. М. 1886, стр. 107.

Стр. 59, строки 27–28.

Вместо: одежи, одежду – в изд. 1886 г.: одежды, одежду

Стр. 60, строка 35.

Вместо: уставился – в изд. 1886 г.: уставил. В поздн. изданиях: уставил глаза

Стр. 36–37.

После: и он улыбнулся – зачеркнутые в рукописи слова: и опустил глаза на Алеба – по ошибке были включены в изд. 1886 г. и позднейшие.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«ВРАЖЬЕ ЛЕПКО, А БОЖЬЕ КРЕПКО».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Происхождение рассказа «Вражье лепко, а божье крепко» точно неизвестно. Имя главного действующего лица «Алеб», которым, кстати сказать, обычно для краткости Толстой называл самый рассказ, указывает на восточное его происхождение, так как имя это распространено вообще среди магометан, живущих в России. Далее, бытовые особенности края, где происходит действие рассказа, и народа, живущего там, изображают скорее всего башкирские степи, жизнь в которых была Толстому близко знакома. Там, может быть, и слышал Толстой какое-нибудь предание, сходное с его рассказом по основной теме.

Рассказ «Вражье лепко, а божье крепко» был написан в первой половине апреля 1885 г. Уже 17 апреля В. Г. Чертков писал к Толстому, что И. Е. Репин рисует картинку к этому рассказу, который, как пишет Чертков, «страшно» Репину понравился. Из того, что В. Г. Чертков в своем письме называет рассказ обычным его именем – «Вражье лепко, а божье крепко», очевидно, что у него был список уже с исправленной Толстым копии, в которой в первый раз было дано это название, приписанное здесь Толстым; в первой рукописи (автографе) заглавия, как известно, не было.

Хотя в письме к Черткову за границу 17 мая 1885 г. Толстой говорит о находящихся у него уже, повидимому, в корректуре, текстах двух рассказов Алеб и Ильяс и о том, что на следующий день он их поправит и пошлет, печатание рассказа очень задержалось. «Вражье лепко, а божье крепко» вышло только в феврале 1886 г. на открытом листе «Посредника» с картинкой с разрешения цензуры 12 февраля 1886 г. и затем в сборничке «Посредника», озаглавленном «Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы», М. 1886, в котором, кроме двух указанных выше рассказов Толстого и еще одного его же («Два брата и золото»), всех вышедших без подписи, было напечатано еще пять рассказов неизвестных лиц. На сборничке было три цензурных разрешения: 13 декабря 1885 г. на об. титульного листа, 5 февраля 1886 в конце текста и 27 февраля 1886 на обложке.

Интересно отметить, что одними из первых познакомились и с рассказом Толстого и с рисунками Репина, еще до выпуска в свет этого издания, – крестьяне села Россоши Воронежской губернии, где было имение матери В. Г. Черткова Елизаветы Ивановны. «Я показывал здесь – пишет Чертков Толстому, – крестьянам рисунок Репина к «Вражье лепко» и читал при этом самый рассказ. Это вызывает самый большой интерес, и я даже был удивлен, до какой степени слушатели входят в самую глубину смысла рассказа и картины, и – до какой степени ни малейший намек на картине не пропадает для них даром. Выслушавши рассказ, они долго разбирают картину и поясняют друг другу и обсуждают ее. С таким воодушевлением они делают это, что со стороны кажется, будто они обсуждают не картину, а живую сцену, происходящую на их глазах». «Мне было очень отрадно это видеть и мне так хотелось, чтобы вы были с нами и присутствовали при этом», прибавляет В. Г. Чертков к своему рассказу.

Только в конце марта в «Посреднике» были получены пробные оттиски картинок «Вражье лепко» и «Два брата и золото» и можно было выставить в окне магазина «Посредника» на Б. Дворянской в Петербурге, где тогда начиналась его деятельность. «Народ целый день кучками стоит у окон, причем один читает, а другие слушают – пишет В. Г. Чертков Толстому.– Успех превосходит всякие ожидания. Это ужасно ободрятельно – работать в конторе под звук этого чтения на улице. Надо было еще таких рассказов, и именно таких – в такой форме».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ сохранился в двух рукописях, принадлежащих к Архиву В. Г. Черткова, передан. в ГТМ. Хранятся в папке 9, под №№ 1 и 2.

1) Автограф, № 1. F°, 1 л. Писан на обеих страницах без полей, почти без помарок. Заглавия нет. Даты нет. Начало: «Жиль в старинные времена добрый богачь»...

2) Рукопись № 2. Копия с первой рукописи неизвестной рукой, с поправками и дополнениями Толстого. F°, на 4 л. писчей бумаги Ржевской фабрики, писанных на одной стороне. Заглавие рукою Толстого: «Вражье лѣпко, а Божье крѣпко». Начало: «Жиль в старинные времена добрый хозяинь»...

В основу настоящего издания кладется текст изд. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая, М. 1886, стр. 107.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются

впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого

(произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не

в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

Лев Николаевич

Толстой

Девчонки умнее стариков

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:
Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»
Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ДЕВЧОНКИ УМНЕЕ СТАРИКОВ.

Святая была ранняя. Только на санях бросили ездить. На дворах снег лежал, и по деревне ручьи текли. Натекла промежду двух дворов в проулке из-под навоза лужа большая. И собрались к этой луже две девчонки из разных дворов – одна поменьше, другая постарше. Обеих девчонок матери в новые сарафаны одели. На маленькой – синий, а на большенькой желтый с разводами. Обеих красными платками повязали. Вышли девочки после обедни к луже, показали друг дружке свои наряды и стали играть. И захотелось им побрызгаться в воде. Полезла было маленькая в башмачках в лужу, а старшенькая и говорит:

– Не ходи, Малаша, – мать заругается. Дай я разуюсь, и ты разуйся.

Разулись девчонки, подобрались и пошли по луже друг дружке навстречу. Вошла Малашка по щиколку и говорит:

– Глубоко, Акулюшка, – я боюсь.

– Ничего, – говорит, – глубже не будет. Иди прямо на меня.

Стали сходитьсь. Акулька и говорит:

– Ты, Малаша, смотри не брызжи, а потихонечку.

Только сказала, а Малашка бултых ногой по воде, – прямо на Акулькин сарафан брызнуло. Сарафан забрызгало, и на нос и в глаза попало. Увидала Акулька на сарафане пятна, раздосадовалась на Малашку, разругалась, побежала за ней, хотела побить. Испугалась Малашка, видит, что беду наделала, выскочила из лужи, побежала домой. Шла мимо Акулькина мать, увидала – на дочке сарафан забрызган и рубаха запачкана.

– Где ты, подлая, изгваздалась?

– Меня Малашка нарочно забрызгала.

Схватила Акулькина мать Малашку, ударила ее по затылку. Завыла Малашка на всю улицу. Вышла Малашкина мать.

– За что бьешь мою? – стала соседку бранить. Слово за слово, разругались бабы. Пovyскочили мужики, собралась на улице куча большая. Все кричат, никто друг друга не слушает. Бранились, бранились, один толкнул другого, совсем было завязалась драка, да вступилась старуха, Акулькина бабка. Вышла в середину мужиков, стала уговаривать:

– Что вы, родные. Такие ли дни? Надо радоваться, а вы такой грех

затеяли.

Не слушают старуху, чуть самое с ног не сбили. И не уговорила бы их старуха, кабы не Акулька с Малашкой. Пока бабы перекорялись, затерла себе Акулька сарафанчик, вышла опять на проулок к луже. Подняла камешек и стала у лужи землю ковырять, чтобы на улицу воду спустить. Пока она ковыряла, подошла и Малашка, стала ей подсоблять, тоже щепкой канаву разводить. Мужики только драться начали, а у девчат по канавке вода прошла на улицу и в ручей. Пустили девчата в воду щепочку. Понесло щепочку на улицу, прямо на то место, где старуха мужиков разнимала. Бегут девчонки – одна с одного боку, другая с другого боку ручья.

– Держи, Малаша, держи! – кричит Акулька. Малаша тоже что-то сказать хочет, да не выговорит от смеха.

Бегут так девчата, на щепку смеются, как она по ручью ныряет. И вбежали прямо в серединку мужиков. Увидала их старуха и говорит мужикам:

– Побойтесь вы Бога! Вы, мужики, из-за этих самых девчат драться связались, а они давно всё забыли – опять по любви вместе, сердечные, играют. Умней они вас!

Посмотрели мужики на девчат, и стыдно им стало. А потом засмеялись сами на себя мужики и разошлись по дворам.

«Аще не будете как дети, не войдете в царствие Божие».

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«ДЕВЧЕНКИ УМНЕЕ СТАРИКОВ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

В письме к В. Г. Черткову 14 мая 1885 г. Толстой пишет, что он посылает ему «рассказец к картинке», не говоря какой именно, и тут же, жалуясь, что, хоть и обещали, никто в Москве не сделал к этому рассказу картинку, говорит: «Не сделает ли кто в Петербурге». [2] Действительно, 22 мая В. Г. Чертков отвечает Толстому, что к «рассказу о девченках с радостью взялся сделать картину Савицкий. [3] Только он может, – добавляет Чертков, – не раньше двух недель». Таким образом очевидно, что рассказ был написан в мае 1885 г. В том же письме 22 мая он пишет, что ему кажется «чересчур неожиданным» заключение рассказа – «Аще не будете как дети, не внидете в царствие Божие» (слегка измененный и сокращенный текст Евангелия от Матфея, гл. 18, ст. 3): «В этом рассказе, – обращается к Толстому Чертков, – не думаете ли, что лучше поместить слова Христа в виде эпитафия, под заглавием? В конце они как-то чересчур неожиданны и нарушают этим замечательную простоту впечатления, получаемого от рассказа». У Толстого и было написано в таком роде в первом наброске, но только выдержка из Евангелия в начале рассказа была взята не как эпитафия, а как заглавие. В ответном письме Черткову (начало июня 1885 г.) он выражает свое согласие с его мнением: «К девченкам лучше в виде эпитафия», [4] т. е. слова из Евангелия лучше поместить как эпитафия. Но в конце концов неизвестно по каким причинам эта поправка не была принята и всё осталось в том виде, в каком было послано Черткову.

Две известные нам рукописи рассказа представляют собою одну редакцию и друг от друга отличаются только некоторыми, по большей части, стилистическими поправками.

Рассказ «Девченки умнее стариков» был выпущен в свет как текст к картине в ноябре 1885 г. (Цензурное разрешение 9 ноября 1885 г.). Картина работы К. А. Савицкого исполнена в красках в хромофотографии И. Д. Сытина (Москва, открытый лист, 1885).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Текст рассказа имеется в двух рукописях, принадлежащих к Архиву В. Г. Черткова, переданному в ГТМ. Хранятся в папке 9, под №№ 8 и 9.

1) Автограф № 8, 4°, 1 л. нелинованной писчей бумаги. Заглавие: Аще не будете как дети, не внидете в царст[вие] Божие. Начало: «Святая была ранняя»...

2) Рукопись № 9. 4°, 4 лл. (л. 4 пустой) линованной бумаги из расшитой тетради. Копия с предыдущей рукою Т. Л. Толстой, с поправками и дополнениями Толстого. Заглавие: «Девченки умнее стариков». Слова: Аще не будете как дети – отнесены в конец рассказа. Рассказ начинается: «Святая была ранняя»...

В основу настоящего издания положен текст «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Ч. двенадцатая М. 1886, стр. 110–112.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев,

когда редактор сомневается, является ли данное написание опiskой.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после

смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

2

Том 85, стр. 199.

3

Конст. Аполлон. Савицкий, художник–передвижник (1844–1905).

4

Том 85, стр. 210.

Лев Николаевич

Толстой

Зерно с куриное яйцо

(1886 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYU

Подготовлено на основе электронной копии 25–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90–томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25–му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ЗЕРНО С КУРИНОЕ ЯЙЦО.

Нашли раз ребята в овраге штучку с куриное яйцо с дорожкой посередине и похоже на зерно. Увидел у ребят штучку проезжий, купил за пятак, повез в город, продал царю за редкость.

Позвал царь мудрецов, велел им узнать, что за штука такая – яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы – не могли ответа дать. Лежала эта штучка на окне, влетела курица, стала клевать, проклевала дыру; все и увидели, что – зерно. Пришли мудрецы, сказали царю: «Это – зерно ржаное».

Удивился царь. Велел мудрецам узнать, где и когда это зерно родилось. Думали, думали мудрецы, искали в книгах, – ничего не нашли. Пришли к царю, говорят:

«Не можем дать ответа. В книгах наших ничего про это не написано; надо у мужиков спросить, не слыхал ли кто от стариков, когда и где такое зерно сеяли.

Послал царь, велел к себе старого старика, мужика, привести. Разыскали старика старого, привели к царю. Пришел старик, зеленый, беззубый, насилу вошел на двух костылях.

Показал ему царь зерно, да не видит уж старик; кое-как половину разглядел, половину руками ощупал.

Стал царь его спрашивать:

– Не знаешь ли, дедушка, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?

Глух был старик, насилу-насилу расслушал, насилу-насилу понял. Стал ответ держать:

– Нет, – говорит, – на своем поле хлеба такого сеять не севал, и жинать не жинал, и покупать не покупывал.

Когда покупали хлеб, всё такое ж зерно мелкое было. А надо, – говорит, – у моего батюшки спросить: может, он слыхал, где такое зерно рожалось.

Послал царь за отцом старика, велел к себе привести. Нашли и отца старикова, привели к царю. Пришел старик старый на одном костыле. Стал ему царь зерно показывать. Старик еще видит глазами, хорошо разглядел. Стал царь его спрашивать:

– Не знаешь ли, старичок, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?

Хоть и крепонек на ухо был старик, а расслушал лучше сына.

– Нет, – говорит, – на своем поле такого зерна сеять не севал и жинать не жинал. А покупать не покупывал, потому что на моем веку

денег еще и в заводе не было. Все своим хлебом кормились, а по нужде – друг с дружкой делились. Не знаю я, где такое зерно родилось. Хоть и крупнее теперешнего и умолотнее наше зерно было, а такого видать не видал. Слышал я от батюшки, – в его время хлеб лучше против нашего раживался, и умолотнее и крупней был. Его спросить надо.

Послал царь за отцом стариковым. Нашли и деда, привели к царю. Вошел старик к царю без костылей; вошел легко; глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно. Показал царь зерно деду. Поглядел дед, повертел.

– Давно, – говорит, – не видал я старинного хлебушка.

Откусил дед зерна, пожевал крупинку.

– Оно самое, – говорит.

– Скажи же мне, дедушка, где и когда такое зерно родилось? На своем поле не севал ли ты такой хлеб или на твоём веку где у людей не покупывал ли?

И сказал старик:

– Хлеб такой на моем веку везде раживался. Этим хлебом, – говорит, – я век свой кормился и людей кормил. Это зерно и сеял, это и жал, это и молотил.

И спросил царь:

– Скажи же мне, дедушка, покупал ли ты где такое зерно, или сам на своем поле сеял?

Усмехнулся старик.

– В мое время, – говорит, – и вздумать никто не мог такого греха, чтобы хлеб продавать, покупать, а про деньги и не знали: хлеба у всех своего вволю было.

И спросил царь:

– Так скажи же мне, дедушка, где ты такой хлеб сеял и где твое поле было?

И сказал дед:

– Мое поле было – земля Божья: где вспахал, там и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своим только труды свои называли.

– Скажи же, – говорит царь, – мне еще два дела: одно дело – отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дело – отчего твой внук шел на двух костылях, сын твой пришел на одном костыле, а ты вот пришел и вовсе легко; глаза у тебя светлые, и зубы крепкие, и речь ясная и приветная? Отчего, скажи, дедушка, эти два

дела сталися?

И сказал старик:

– Оттого оба дела сталися, что перестали люди своими трудами жить, – на чужие стали зариться. В старину не так жили: в старину жили по-Божьи; своим владали, чужим не корыстовались.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«ЗЕРНО С КУРИНОЕ ЯЙЦО».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Легенды на тему общую с рассказом «Зерно с куриное яйцо» нам не удалось найти среди памятников народной литературы. Весьма вероятно, что идея, проводимая этим рассказом, что выше всего жить по-божьи, как в старину жили, своими трудами, принадлежит самому Толстому.

Первая рукопись этой легенды была записана Толстым в той же самой тетради, в которой в начале находится рассказ «Кающийся грешник», а в конце «Много ли человеку земли нужно»; поэтому его следует относить, как и рассказ «Кающийся грешник», к маю – июню 1885 г.

В первый раз легенда была напечатана в сборничке «Посредника» «Три сказки» в 1886 году. Цензурное разрешение сборничка было дано для текста 2 апреля, для обложки 9 апреля 1886 г. На обложке сборничка рисунки сзади и спереди, относящиеся к первому рассказу сборничка «Много ли человеку земли нужно», исполненные художником М. Е. Малышевым (1852–1912). Третий рассказ сборничка – «Как чертенок краюшку выкупал».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рукописи с текстом рассказа принадлежат к Архиву, переданному В. Г. Чертковым в ГТМ и хранятся в папке 11 № 10, п. 9 №№ 34 и 35. В БЛ – корректура, под шифром V. 1.3.

1) № 10. Автограф, 4°, 11 лл. Описание этой рукописи см. при рассказе «Кающийся грешник». Первоначальное заглавие этого рассказа было: «Старинное житье»; потом это заглавие зачеркнуто и написано: «Зерно с куриное яйцо». Четыре первых строчки рассказа зачеркнуты и сверх них текст написан заново. Зачеркнутые первые строчки рассказа «Зерно с куриное яйцо» читаются так: «Принесли раз къ царю ржаное зерно, такое, какого никто и не видываль. Полное, бѣлое и величиной с куриное яйцо. Позваль царь мудрецовъ узнать, гдѣ и когда такое зерно родилось»...

2) Рукопись № 34. Копия с предыдущей рукою В. Г. Черткова. 4°, 8 лл. (л. 8 чистый). С поправками и дополнениями Толстого. Начало: «Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку»...

3) Рукопись № 35. Копия с предыдущей, F°, 3 лл., рукою Н. Л. Озмидова. С поправками Толстого, со вставками и поправками карандашом рукою Озмидова. Начало: «Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку»...

4) Корректурa в гранках, 1 полоса, к изд. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая, М. 1886, стр. 480–482, с поправками Толстого.

В основу настоящего издания кладется текст, напечатанный в указанном издании «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Ч. двенадцатая, проверенный по рукописям и корректуре.

—

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни

Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в

самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

Лев Николаевич

Толстой

Ильяс

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено
компаниями ABBYY и WEXLER
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:
Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»
Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ИЛЬЯС.

Жил в Уфимской губернии башкирец Ильяс. Остался Ильяс от отца небогатым. Отец только женил его год и сам помер. Было в то время именья у Ильяса 7 кобыл, 2 коровы и 2 десятка овец. Но Ильяс был хозяин и стал приобретать: с утра до вечера трудился с женою, раньше всех вставал и позже всех ложился и с каждым годом всё богател. Прожил так в трудах Ильяс 35 лет и нажил большое именье.

Стало у Ильяса 200 голов лошадей, 150 голов рогатого скота и 1200 овец. Работники пасли табуны и стада Ильясовы, и работницы доили кобылиц и коров и делали кумыс, масло и сыр, Всего было много у Ильяса; и в округе все завидовали Ильясовой жизни. Люди говорили: «счастливый человек Ильяс: всего у него много, ему и умирать не нужно». Стали Ильяса знать хорошие люди и с ним знакомство водить. И приезжали к нему гости издалека. И всех принимал и всех кормил и поил Ильяс. Кто бы ни пришел, всем был кумыс, всем был чай и шерба, и баранина. Приедут гости, сейчас бьют барана или двух, а много наедет гостей, бьют и кобылу.

Детей у Ильяса было два сына и дочь. Женил Ильяс сыновей и выдал дочь замуж. Когда беден был Ильяс, сыновья работали с ним и сами стерегли табуны и овец, а как стали богаты, начали сыновья баловаться, а один стал пить. Одного, старшего, в драке убили, а у другого, меньшого, попала сноха гордая, и стал этот сын отца не слушаться, и пришлось Ильясу отделить его.

Отделил его Ильяс, дал ему дом и скотины, и убавилось богатство Ильясово. И скоро после этого напала болезнь на овец Ильясовых, и попадало много. Потом вышел голодный год – сено не родилось: поколело много скота в зиму. Потом косяк лучший киргизцы отбили, и стало Ильясово именье убывать. Стал Ильяс падать ниже и ниже. А сил стало меньше. И дошел к 70 годам Ильяс до того, что стал распродавать шубы, ковры, седла, кибитки, потом и скотину стал продавать последнюю, и сошел Ильяс на–нет. И сам не видал, как ничего не осталось, и пришлось на старости лет идти с женою жить в люди. Только и осталось у Ильяса именья, что платье на теле, шуба, шапка и ичеги с башмаками, да жена, Шам–Шемаги, тоже старуха. Сын отделенный ушел в далекую землю, а дочь померла. И помочь старикам было некому.

Пожалел стариков их сосед Мухамедшах. Сам Мухамедшах был ни беден, ни богат, а жил ровно и человек был хороший. Вспомнил он хлеб–соль Ильясову, пожалел его и сказал Ильясу: «Приходи, – говорит, – ко мне, Ильяс, жить и с старухой. Лето по силе своей мне работай на бахчах, а зимой скотину корми, а Шам–Шемаги пусть кобыл доит и кумыс

делает. Кормить, одевать буду вас обоих и, чего вам нужно, вы скажите, я дам». Поблагодарил Ильяс соседа и стал с женою в работах у Мухамедшаха. Сначала тяжело показалось, а после приобыкли. и стали старики жить и по силе работать.

Хозяину выгодно было таких людей держать, потому что старики сами хозяева были и все порядки знали и не ленились, по силе работали; только жалко бывало Мухамедшаху смотреть, как такие высокие люди на такую низкую ступень пали.

И случилось раз, приехали к Мухамедшаху сваты, далекие гости; пришел и мулла. Велел Мухамедшах поймать барана и убить. Ильяс освежевал барана и сварил и послал гостям. Поели гости баранины, напильсь чаю и взялись за кумыс. Сидят гости с хозяином на пуховых подушках, на коврах, пьют из чашек кумыс и беседуют, а Ильяс убрался с делами и прошел мимо двери. Увидел его Мухамедшах и говорит гостю:

– Видишь ты, этот старик прошел мимо двери?

– Видел, – говорит гость; – а что же в нем удивительного?

– А то в нем удивительного, что это наш первый богач был – Ильясом звать, может, ты слышал?

– Как не слышать, – говорит гость; – видать не видал, а слава его далеко была.

– Так вот теперь ничего у него не осталось, и живет он у меня в работах, и старуха его с ним же, кобыл доит.

Подивился гость, пощелкал языком, помотал головой и говорит:

– Да, видно, так счастье перелетает, как колесо; кого вверх поднимает, кого вниз опускает. Что же, – говорит гость, – тоскует, я чай, старик?

– Кто его знает, живет тихо, смирно, работает хорошо. –

Гость и говорит:

– А можно поговорить с ним? Расспросить бы его про его жизнь.

– Что ж, можно! – говорит хозяин и кликнул за кибитку:

– Бабай (значит дедушка по-башкирски), заходи, выпей кумысу и старуху зови.

И вошел Ильяс с женою. Поздоровался Ильяс с гостями и хозяином, прочел молитву и присел на коленочки у двери; а жена прошла за занавеску и села с хозяйкой.

Подали Ильясу чашку с кумысом. Поздоровался Ильяс с гостями и хозяином, поклонился, отпил немного и поставил.

– А что, дедушка, – говорит ему гость, – скучно, я чай, тебе, глядя на нас, свое прежнее житье вспоминать, – как ты в счастье был и как ты теперь в горе живешь?

И усмехнулся Ильяс и сказал:

– Сказать мне тебе про счастье и несчастье, так ты не поверишь; спроси лучше бабу мою; она баба – что на сердце, то и на языке; она тебе всю правду об этом деле скажет.

И сказал гость за занавеску:

– Ну что ж, бабушка, скажи, как ты судишь про прежнее счастье и про теперешнее горе?

И сказала Шам-Шемаги из-за занавески.

– А вот как сужу: жили мы с стариком 50 лет – счастья искали и не нашли, а только вот теперь второй год, как у нас ничего не осталось и мы в работниках живем, мы настоящее счастье нашли и другого нам никакого не надо.

Удивился гость, и удивился хозяин, привстал даже, откинул занавеску, чтобы видеть старуху. А старуха стоит, сложив руки, усмехается, на старика своего смотрит, и старик усмехается. Старуха еще раз сказала:

– Правду я говорю, не шучу: полвека счастья искали и, пока богаты были, всё не находили; теперь ничего не осталось, в люди пошли жить, – такое счастье нашли, что лучше не надо.

– Да в чем же ваше счастье теперь?

– А вот в чем: были мы богаты, не было у нас с стариком часу покоя; ни поговорить, ни об душе подумать, ни Богу помолиться. Сколько у нас заботы было! То гости к нам, – забота, кого чем угостить, чем подарить, чтобы не обесудили нас. То гости съедут, за работниками смотрим – они норовят отдохнуть да послаще съесть, а мы глядим, чтобы наше не пропадало – грешим. То забота, как бы волк не зарезал жеребенка или теленка, как бы воры косяка не угнали. Спать ляжешь, не спишься – как бы ягнят не передавили овцы. Пойдешь, ходишь ночью; только успокоишься, – опять забота, как корму на зиму запасти. Да мало того, и согласия у нас с стариком не было. Он говорит, так надо сделать, а я говорю этак, и начнем грешить и браниться. Так жили мы из заботы в заботу, из греха в грех и не видали счастливой жизни.

– Ну, а теперь?

– Теперь встанем мы с стариком, поговорим всегда по любви, в согласьи, спорить нам не о чем, заботиться нам не о чем, – только нам и заботы, что хозяину служить. Работаем по силам, работаем с охотой, так, чтоб хозяину не убыток, а барыш был. Придем – обед есть, ужин есть, кумыс есть. Холодно – кизяк есть погреться и шуба есть. И есть, когда поговорить, и об душе подумать, и Богу

помолиться. Пятьдесят лет счастья искали, теперь только нашли.

Засмеялись гости.

А Ильяс сказал:

– Не смейтесь, братцы, не шутка это дело, а жизнь человеческая. И мы глупы были с старухой и плакали прежде, что богатство потеряли, а теперь Бог открыл нам правду, и мы не для своей утехи, а для вашего добра вам ее открываем.

И мулла сказал:

– Это умная речь, и все точную правду сказал Ильяс, это и в писании написано.

И перестали смеяться гости и задумались.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«ИЛЬЯС».

Варианты текста: «Сочинения гр. Л. Н. Толстого» часть двенадцатая. М. 1886, стр. 116–120.

Стр. 31, строка 24.

Вместо: сноха – в изд. 1886 г.: жена

Стр. 33, строка 33.

Вместо: Удивился гость, – в изд. 1886 г. и следующих: Удивились гости.

Стр. 34, строка 13.

Вместо: грешит и браниться – в изд. 1886 г. и след.: браниться, грешим.

Стр. 34, строка 17.

Слова: нам после: заботиться – в изд. 1886 г. и след. нет.

[1]

«ИЛЬЯС».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Рассказ «Ильяс» написан в марте 1885 г. в Крыму, куда Толстой сопровождал больного чахоткой Леонида Дмитриевича Урусова, своего близкого знакомого (ум. 23 сент. 1885 г.). Толстой и Урусов устроились в имении Серг. Ив. Мальцева Симеиз, вблизи (в 4 верстах) от известного Воронцовского дворца и парка Алупки (они приехали в Симеиз 14 марта). Толстой был увлечен Крымом, который не видел 30 лет со времени своей службы в Севастополе, так наслаждался природой Крыма и так интересовался жизнью тамошних жителей – татар, что, несмотря на свою привычку к ежедневным литературным занятиям, он «вышел из колеи работы», как он писал С. А. Толстой 15 марта, хотя «всё обдумывает» «Английского милорда», т. е. народные рассказы, долженствующие заменить прежние (то же письмо). Толстому было «слишком жалко потерять возможность увидеть» и он «работать не принимался», читаем в письме к С. А. Толстой от 16 марта. Но на следующий день, 17 марта, как он пишет жене, «пристыженный» тем, что «ничего не работает», он «сел за работу и написал для Черткова рассказец». На сохранившемся автографе кем-то (повидимому Л. Д. Урусовым) приписана дата: «Симеиз Южн. бер. Крыма. 16 марта 1885 г.»; судя по точным показаниям письма, эта последняя дата не верна, если только Толстой вообще не спутал тогда чисел месяца в письмах. Увлеченный Крымом, он перенес свое повествование в те места, которые тогда его так интересовали, – к татарам, хотя обстановка рассказа, им изображенного, не тамошняя – крымская, и он обдумывал свой замысел, еще едучи на козлах коляски по направлению к Байдарам до близкого знакомства с татарами в Симеизе. Уже на этом первоначальном автографе он переправил место действия рассказа, написав вместо «в татарской деревне» – «башкирской» и вместо «богатый татарин» – «башкирец». Следующая рукопись, вероятно, писанная на другой день, но с датой «Симеиз 17 марта 1885 г.» (зачеркнутой Толстым) – копия, рукой вероятно Л. Д. Урусова еще более уточняет место действия рассказа, относя его в Уфимскую губернию – «Жил в Уфимской губернии

башкирец Ильяс». Когда писана следующая рукопись – копия с немногими поправками (поправки в двух фразах) – неизвестно, может быть, уже после возвращения Толстого из Крыма. Таким образом мы имеем право сказать, что «Ильяс» был написан 17–18 марта 1885 г.

17 мая 1885 г. Толстой писал В. Г. Черткову, что текст рассказа находится у него (т. е. очевидно корректура издания) и что завтра он его поправит и пошлет. Картинку для большого издания «Посредника» (в открытый лист) Толстой в апреле 1885 г. сначала поручил сделать художнику Н. А. Философову (1839–1895); но так как Философов не исполнил картинку, В. Г. Чертков передал художнику А. Д. Кившенко; вероятно, отчасти это обстоятельство задержало выход в свет картинки больше чем на год – до сентября 1886 г. (дозволение цензуры 27 сентября.) Несколько ранее «Ильяс» был напечатан в сборничке «Посредника» «Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы». М. 1886), в котором напечатаны рассказы Толстого кроме «Ильяса» «Два брата и золото» и «Вражье лепко, а божье крепко» (все без имени) и пять рассказов других лиц. Сборник имеет три разрешения цензуры: 13 декабря 1885 г. на обороте титульного листа, 5 февраля 1886 г. в конце текста и 27 февраля 1886 г. на обложке.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ имеется в трех рукописях – автографе и двух копиях с поправками Толстого. Принадлежат к Архиву В. Г. Черткова, переданному в ГТМ, где хранятся в папке 9 под №№: 17, 18 и 19. Автограф под шифром: инв. № 33.

1) Автограф 4°, 4 л. нелинованной писчей бумаги. На л. 1 неизвестною рукою карандашом написано: «Рукопись «Ильяс». Рассказ Л. Н. Толстого, написанный в Симеизе. Март 1885 г.» Начало. «Въ одной Башкирской <Татарской> деревнѣ жилъ Башкирецъ <богатый Татаринъ> Ильясь»... В конце приписано не Толстым: «Симеизъ Южн. бер. Крыма. 16 марта 1885 г.» Жена Ильяса в автографе – Фатьма; в рукописи 17 имя её изменено на Шам-Шемаги (Шамс – солнце, Шемаги – название города).

2) Рукопись № 17. 4°, 5 л. нелинованной писчей бумаги. Копия с № 33, с поправками Толстого. Заглавие: «Ильяс». Начало: «Жиль въ Уфимской губерніи Башкирецъ Ильясь»... в конце дата: «Симеизъ 17 марта 1885 г.», зачеркнутая Толстым.

3) Рукопись № 18. F°, 4 л. линованной писчей бумаги. Копия с предыдущей, с поправками Толстого. Заглавие: «Ильяс». Начало. «Жиль въ Уфимской губернии башкирецъ Ильяс»... С этой копии печатался текст лубочного издания.

В основу настоящего издания кладется текст «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Часть двенадцатая. М. 1886, стр. 116–120.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев,

когда редактор сомневается, является ли данное написание опiskой.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после

смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

Лев Николаевич

Толстой

Искушение Господа нашего Иисуса Христа

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ИСКУШЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

Над картиной написано:

Евангелие от Матфея, гл. IV, ст. 1–11.

1. Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола.
2. и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.
3. И приступил к нему искуситель, и сказал: Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.
4. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Второзаконие, глава 8, стих 3).
5. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма,
6. и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: Ангелом Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Книга псалмов, псалом 90, стихи 11, 12).
7. Иисус сказал Ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего (Второзаконие, глава 6, стих 16).

8. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их.

9. И говорит ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне.

10. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи (Второзаконие, глава 6, стих 13).

11. Тогда оставляет Его диавол, и – се, Ангелы приступили и служили Ему.

Под картиной написано:

Так дьявол искушал Господа Иисуса Христа и так Господь отогнал дьявола и победил его. Так точно искушает и каждого из нас дьявол, и так же точно по учению Иисуса Христа мы можем отогнать его и спасти свою душу. Как только захочет человек жить по-Божьи, так тотчас враги его (часто они же домашние его) скажут ему: «Нынче нельзя жить по-Божьи – станешь свое отдавать, а от других не брать – умрешь с голоду. Пить, есть надо, а из камней хлеба не сделаешь». Так скажут человеку враги его. И когда они скажут это, пусть вспомнит тот человек, как на эти слова отвечал Христос дьяволу, и пусть скажет тем, кто смущает его, то же, пусть скажет, что человеку важнее исполнить волю Бога, чем заботиться о хлебе. А воля Бога не в том, чтобы брать, а в том, чтобы давать. – Жив Бог, жива душа моя. И если человек скажет это, то враги и на это скажут то же, что в другой раз говорил дьявол. Они скажут: «Если не будешь заботиться о жилище, еде и одежде, то умрешь с голода и холода. И если уж ты веришь, что Бог не оставит тебя, то не жалея свою жизнь, не заботься ни о чем, не береги себя, а прямо губи свое тело, душа твоя не умрет, а пойдет к Богу». Так скажут человеку враги. И когда они скажут это, пусть вспомнит он, как на эти слова ответил Христос дьяволу, и пусть скажет тем, кто смущает его, то же. Пусть скажет, что живет наша душа в теле не по своей воле, а по воле Бога, и что потому по своей воле заморить или погубить тело, значит не верить Богу и искушать Его. А надо беречь и душу и тело. И, может быть, на это враги скажут ему то же, что в третий раз говорил дьявол. Они нападут на того человека, как дьявол на Христа, и так же будут соблазнять его. Они скажут: «Ты о хлебе не хочешь заботиться, а тело свое бережешь, и погубить его не хочешь; так вот и делай же то, что мы все делаем – поклонись лжи и обману. Служи мамоне, и всё на свете будет у тебя». – Так скажут человеку враги его. И когда они скажут это, пусть вспомнит он, как на такие же слова отвечал Христос дьяволу, и пусть скажет тем, кто смущает его, то же. Пусть скажет, что первая его забота будет не хлеб, а исполнение воли Бога, что губить свое тело он тоже не будет, потому что душа его в теле по воле Бога, но что живя в теле служить он будет не лжи и обману, а единому Богу. Пусть скажет это и пусть живет так, и тогда спасет свою душу.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«ИСКУШЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Еще раньше, чем начать писать для «Посредника» народные рассказы, Толстой стал составлять объяснительные тексты к евангельским картинам, которые выбирал или сам или В. Г. Чертков. Первый задуманный Толстым текст к картине – было введение к Нагорной проповеди, начатое в апреле 1884 г., долго писавшееся и оставленное неоконченным. Вслед за Нагорной проповедью в конце 1884 г. Толстой начал объяснительный текст к полученной от В. Г. Черткова картине Бугро (W. A. Bouguereau, 1825–1905) Истязание Христа; вследствие разных причин, главным же образом, из-за препятствий со стороны цензуры и текст и картина задержались на несколько месяцев и вышли в октябре 1885 г. Третья евангельская картина – Искушение; начатый писаться, повидимому, несколько позже двух других, текст Толстого вышел раньше их. К сожалению, точных указаний, когда писался Толстым этот текст, нет. Известно только, что разрешение цензурой картины и текста было дано 4 марта 1885 г. Никакой подписи ни под текстом, ни под картиной не было. Картина эта представляет воспроизведение картины французского художника Ари Шеффера (1795–1858).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рукописей, заключающих в себе этот текст, сохранилось три. Все принадлежат к Архиву В. Г. Черткова, переданному в ГТМ и значатся в папке 9, под №№ 11, 12 и 13.

1) № 11. Автограф. Обрывок листа писчей бумаги фабрики Говарда, несколько больше 4°, писан с обеих сторон, с пометками и поправками. Без заглавия, со ссылкой на Евангелие от Матф. IV. I–II. Начало:

«Такъ дьявольъ искушалъ Господа I[исуса] X[риста]»...

2) Рукопись № 12. Копия с предыдущей, рукою В. Г. Черткова, F° – 2лл. линованной писчей бумаги. С небольшими поправками рукою В. Г. Черткова (зачеркнуто несколько строчек в двух местах). Эпиграф не выписан, только указан: Мф. IV. I–II. Заглавия нет. Начало: «Такъ дьявольъ искушалъ Господа Исуса Христа»...

3) Рукопись № 13. Копия с предыдущей, неизвестною рукою. С небольшими поправками (в буквах) рукою не Толстого. Эпиграф из Мф. IV. I–II выписан полностью. Заглавие другою рукою, но не Толстого: «Искушение Господа нашего Исуса Христа». Начало: «Такъ дьявольъ искушалъ Господа Исуса Христа»...

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий

учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатаваем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», подготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо

«который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

Лев Николаевич

Толстой

Как чертенок краюшку выкупал

(1886 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями АBBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYU

Подготовлено на основе электронной копии 25–го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание
90–томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25–му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90–томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей–усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей–усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте

readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

КАК ЧЕРТЕНОК КРАЮШКУ ВЫКУПАЛ.

Выехал бедный мужик пахать, не завтракавши, и взял с собой из дома краюшку хлеба. Перевернул мужик соху, отвязал сволока, положил под куст; тут же положил краюшку хлеба и накрыл кафтаном. Уморилась лошадь и проголодался мужик. Воткнул мужик соху, отпрёг лошадь, пустил ее кормиться, а сам пошел к кафтану пообедать. Поднял мужик кафтан – нет краюшки; поискал, поискал, повертел кафтан, потрёт – нет краюшки. Удивился мужик. «Чудное дело, – думает. – Не видал никого, а унес кто-то краюшку». А это чертенок, пока мужик пахал, утащил краюшку и сел за кустом послушать, как будет мужик ругаться, и его, чорта, поминать.

Потужил мужик.

– Ну, да, – говорит, – не умру с голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унес. Пускай ест на здоровье!

И пошел мужик к колодцу, напился воды, отдохнул, поймал лошадь, запряг и стал опять пахать.

Смутился чертенок, что не навел мужика на грех, и пошел сказаться на́большему чорту. Явился к на́большему и рассказал, как он у мужика краюшку унес, а мужик заместо того, чтобы выругаться, сказал: «на здоровье!» Рассердился на́больший дьявол.

– «Коли, – говорит, – мужик в этом деле верхà над тобою взял, ты сам в этом виноват: не умел. Если, – говорит, – мужики, а за ними и бабы такую повадку возьмут, нам уж нè при чем и жить станет. Нельзя этого дела так оставить! Ступай, – говорит, – опять к мужику, заслужи эту краюшку. Если ты в три года сроку не возьмешь верхà над мужиком, я тебя в святой воде выкупаю!

Испугался чертенок, побежал на землю, стал придумывать, как свою вину заслужить. Думал, думал и придумал. Обернулся чертенок добрым человеком и пошел к бедному мужику в работники. И научил он мужика в сухое лето посеять хлеб в болоте. Послушался мужик работника, посеял в болоте.

У других мужиков всё солнцем сожгло, а у бедного мужика вырос хлеб густой, высокий, колосистый. Прокормился мужик до нови, и осталось еще много хлеба. На лето научил работник мужика посеять хлеб на горах. И выпало дождливое лето.

У людей хлеб поваялся, попрел и зерна не налило, а у мужика на горах обломный хлеб уродился. Осталось у мужика еще больше лишнего хлеба.. И не знает мужик, что с ним делать.

И научил работник мужика затереть хлеб и вино курить. Накурил мужик вина, стал сам пить и других поить. Пришел чертенок к на́большему и стал хвалиться, что заслужил краюшку. Пошел на́больший посмотреть.

Пришел к мужику, видит – созвал мужик богачей, вином их угощает. Подносит хозяйка вино гостям. Только стала обходить, зацепилась за стол, пролила стакан. Рассердился мужик, разбил жену:

– Ишь, – говорит, – чортова дура! разве это помои, что ты, косолапая, такое добро на зель лъешь?

Толкнул чертенок на́большего локтем: Примечай, – говорит, – как он теперь не пожалеет краюшки.

Разбил хозяйка жену, стал сам подносить. Приходит с работы бедный мужик, незванный; поздоровался, присел, видит – люди вино пьют; захотелось и ему с устали винца выпить. Сидел–сидел, глотал–глотал слюни, – не поднес ему хозяйка; только про себя пробормотал: «Разве на всех вас вина напасешься!»

Понравилось и это на́большему чорту. А чертенок хвалится – «Погоди,

то ли еще будет».

Выпили богатые мужики, выпил и хозяин. Стали они все друг к дружке подольщаться, друг дружку хвалить и масляные облыжные речи говорить.

Послушал, послушал на́больший, – похвалил и за это. – Коли, –говорит, – от этого питья так лисить будут да друг дружку обманывать, они у нас все в руках будут. – Погоди, – говорит чертенок, – что дальше будет; дай они по другому стаканчику выпьют. Теперь они, как лисицы, друг перед дружкой хвостами виляют, друг дружку обмануть хотят, а погляди, сейчас как волки злые сделаются.

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у них речь погромче и поглубже. Вместо масляных речей стали они ругаться, стали друг на дружку обозляться, сцепились драться, исколупали друг дружке носы. Ввязался в драку и хозяин, избили и его.

Поглядел на́больший, и понравилось ему и это. Это, – говорит, – хорошо.

А чертенок говорит: «Погоди, то ли еще будет! Дай они выпьют по третьему. Теперь они как волки остервенились, а дай срок, по третьему выпьют, сейчас как свиньи сделаются».

Выпили мужики по третьему. Рассолодели совсем. Бормочат, кричат, сами не знают что́, и друг дружку не слушают. Пошли расходиться – кто порознь, кто по-двое, кто по-трое – повалялись все по улицам. Вышел провожать гостей хозяин, упал носом в лужу, измазался весь, лежит как боров, хрюкает.

Еще пуще понравилось это на́большему.

«Ну, – говорит, – хорошо питье ты выдумал, заслужил краюшку. Скажи ж ты мне, говорит, как ты это питье сделал? Не иначе ты сделал, как напустил туда сперва лисьей крови: от нее–то мужик хитрый как лисица сделался. А потом – волчьей крови: от нее–то он обозлился как волк. А под конец подпустил ты, видно, свиной крови: от нее–то он свиньей стал».

– Нет, – говорит чертенок, – я не так сделал. Я ему всего только и сделал, что хлеба лишнего зародил. Она, эта кровь звериная, всегда в нем живет, да ей ходу нет, когда хлеба с нужду рожается. Тогда он и последней краюшки не жалел, а как стали лишки от хлеба оставаться, стал он придумывать, как бы себя потешить. И научил я его потехе – вино пить. А как стал он Божий дар в вино курить для своей потехи, поднялась в нем и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пил, всегда зверем будет.

Похвалил на́больший чертенка, простил его за краюшку хлеба и у себя в старших поставил.

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

* [ВАРИАНТ СКАЗКИ «КАК ЧЕРТЕНОК КРАЮШКУ ВЫКУПАЛ».]

Пришелъ въ деревню и видитъ – гуляють мужики, вино пьютъ и говорятъ они всѣ рѣчи ласковыя и слова гладкія и масляныя и подольщуются всѣ другъ къ дружкѣ. Послушалъ наибольшій и говоритъ чертенку: что же ты хвалишься, что заслужилъ краюшку – говорятъ они слова лживыя, масляныя. Это они и безъ вина говорятъ. Только больше лисять. Тутъ еще заслуги большой нѣтъ. Погоди, говоритъ чертенокъ, что дальше будетъ. Дай они по другому выпьютъ. Выпили мужики по другому и стала у нихъ рѣчь погромче и поглубѣе. вмѣсто гладкихъ да сладкихъ стали ругаться, стали другъ на дружку обозляться, стали другъ дружкѣ носы колупать. Передрались мужики. Поглядѣлъ наибольшій и понравилось это ему. Это, говоритъ, хорошо. А чертенокъ говоритъ: погоди еще, что будетъ, дай они выпьютъ по 3 ей. Выпили мужики по 3 му. Дрались, дрались, ужъ и силы не стало, пошли расходиться – кто порознь, кто по двое, по трое, повалялись по улицамъ, рожами въ грязь. Еще пуще понравилось это наибольшему. Это, говоритъ, хорошее питье. И спросилъ наибольшій у чертенка, какъ онъ сдѣлалъ это дѣло. А вотъ, говоритъ, какъ: сперва я въ вино лисьей крови пустилъ, потомъ пустилъ волчьей, а потомъ свиной крови. Вотъ какъ они первую выпьютъ, сейчасъ стануть льстить другъ дружку, подольщаться другъ дружку, обманывать; какъ по другой выпьютъ, такъ стануть злиться какъ волки, а 3 ю выпьютъ, поваляются въ лужахъ, какъ свиньи. И похвалилъ наибольшій чертенка. – Теперь, говоритъ, заслужилъ мужикову краюшку.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«КАК ЧЕРТЕНОК КРАЮШКУ ВЫКУПАЛ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

В основу рассказа «Как чертенок краюшку выкупал» Толстой взял белорусскую легенду о происхождении хлебного вина, именно в том ее виде, как она изложена А. Н. Афанасьевым в его книге «Народные русские легенды», М. 1859 г., по сборнику И. П. Боричевского «Народные славянские рассказы». Спб., 1844. Конец рассказа заимствован из приведенного в том же издании Афанасьева рассказа о происхождении хлебного вина, который был записан от татар Нижегородской губернии. С изложением Афанасьева первая часть рассказа Толстого очень сходна, в некоторых местах даже дословна, как видно из следующего: «Жил-был бедный мужик; взял он чуть-ли не последнюю краюшку хлеба и поехал на пашню. Пока он работал, пришел чорт и утащил краюшку. Захотелось мужику пообедать; хватъ – хлеба нету! Чудное дело, сказал мужик; никого не видал, а краюшку кто-то унес. А, на здоровье ему! авось с голода не умру. Пришел чорт в пекло и рассказал обо всем на́большему дьяволу. Не понравилось сатане, что мужик не только не ругнул вора, а еще сказал ему на здоровье. И послал он назад чорта: ступай, заслужи мужикову краюшку. Обернулся чорт добрым человеком и пошел к мужику в работники: в сухое лето засеял ему целое болото – у других крестьян всё солнцем сожгло, а у этого мужика уродился чудный хлеб; в мокрое, дождливое лето засеял по отлогим горам – у других всё подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда девать хлеб. Чорт и принялся за работу: давай затирать да высиживать горькуху, и таки умудрился» (стр. 182).

Вторая часть рассказа, как сказано выше, взята из подобного же рассказа о происхождении хлебного вина, который существует среди нижегородских татар. В этом рассказе есть дополнение, очень кратко изложенное Афанасьевым, которым как основой воспользовался Толстой. В нем говорится, что «приготавливая вино, чорт подмешал туда сначала лисьей, потом волчьей, а наконец и свиной крови. Оттого, если человек немного выпьет – голос бывает у него гладенький, слова масляные, так лисой на тебя и смотрит; а много выпьет – сделается у него свирепый, волчий нрав; а еще больше выпьет – и как раз очутится в грязи, словно боров».

Как сказано выше, рассказ существует в двух редакциях. Назвать 2-й редакцией дает право вторая часть рассказа со слов: «пришел к мужику» (в 1 редакции «пришел в деревню»). См. в вариантах.

Писание рассказа «Как чертенок краюшку выкупал» относится не позже, чем к февралю 1886 г. Это видно из того, что одна из рукописей переделки этого рассказа в драматическую форму «Первый винокур или как чертенок краюшку заслужил» имеет дату 1-е марта 1886 г.

Цензурное разрешение текста рассказа для издания «Посредника» относится к 2 апреля 1886 г., обложки – 9 апреля.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рукописей, содержащих в себе этот рассказ, сохранилось три; все принадлежат к Архиву, переданному В. Г. Чертковым в ГТМ, где хранятся в папке 11 под №№: 7, 8 и 9 и корректурный оттиск в гранках – в БЛ, шифр – V, I, 1.

1) № 7, 4° 3 лл. нелинованной бумаги. Автограф. Первая редакция. Заглавия нет. С небольшими пометками и перечеркиваниями. Начало: «Выѣхаль бѣдный мужикъ пахать». Л. 2 содержит зачеркнутый отрывок, писанный рукою А. П. Иванова, начало: «...вслушивался в чтение Евангелия. Но с некоторого времени»... (4 строки). См. вариант. Первая редакция.

2) Рукопись № 8. 4°, 6 лл. + 2 лл. (на л. 1 –заглавие). Копия с предыдущей рукою В. Г. Черткова, с поправками и дополнениями Толстого. Заглавие: «Какъ чертенокъ краюшку выкупаль». Начало: «Выѣхаль бѣдный мужикъ пахать». Вторая редакция. Текст на 5 и 6 лл. очень перечеркнутый Толстым, переписан снова под заглавием: «Приложение».

3) Рукопись № 9, F°, 3 лл. линованной писчей бумаги. Копия рукою Н. Л. Озмидова, с поправками Толстого чернилами и карандашными поправками рукою переписчика; некоторые из этих поправок оставлены, другие зачеркнуты рукою Толстого. Заглавие: «Какъ чертенокъ краюшку выкупаль». Начало: «Выѣхаль бѣдный мужикъ пахать»... Вторая редакция с небольшими поправками.

4) Корректурный оттиск в гранках для изд. «Сочинения гр. Л. Н. Толстого, М. 1886» с поправками Толстого. 11/2 полосы. Принадлежит БЛ. 1.

В основу настоящего издания положен текст «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая, М. 1886, стр. 473–476.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник»,

задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без

каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест–на–крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

Лев Николаевич

Толстой

Кающийся грешник

(1886 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено
компаниями ABBYY и WEXLER
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:
Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей–усадьба «Ясная Поляна»
Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25–го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание
90–томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25–му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК.

И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в царствие Твое. – И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю (Лук. XXIII, 42, 43).

Жил на свете человек 70 лет, и прожил он всю жизнь в грехах. И заболел этот человек и не каялся. И когда пришла смерть, в последний час заплакал он и сказал: «Господи! как разбойнику на кресте, прости мне!» Только успел сказать – вышла душа. И возлюбила душа грешника Бога, и поверила в милость Его, и пришла к дверям рая.

И стал стучаться грешник и проситься в царство небесное.

И услышал он голос из-за двери:

– Какой человек стучится в двери райские? и какие дела совершил человек этот в жизни своей?

И отвечал голос обличителя, и перечислил все грешные дела человека этого и не назвал добрых дел никаких.

И отвечал голос из-за двери:

– Не могут грешники войти в царство небесное. Отойди отсюда.

И сказал человек:

– Господи! голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю.

И отвечал голос:

– Я – Петр апостол.

И сказал грешник:

– Пожалей меня, Петр апостол, вспомни слабость человеческую и

милость Божию. Не ты ли был ученик Христов, не ты ли из самих уст Его слышал учение Его и видел пример жизни Его? А вспомни, когда Он тосковал и скорбел душою и три раза просил тебя не спать, а молиться, и ты спал, потому глаза твои отяжелели, и три раза Он застал тебя спящим. Так же и я.

– А вспомни еще, как обещал Ему Самому до смерти не отречься от него и как ты три раза отрекся от Него, когда повели Его к Каиафе. Так же и я.

– И вспомни еще, как запел петух и ты вышел вон и заплакал горько. Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня.

И затих голос за дверьми райскими.

И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное.

И послышался из-за дверей другой голос и сказал:

– Кто человек этот? и как жил он на свете?

И отвечал голос обличителя, и опять повторил все худые дела грешника и не назвал добрых дел никаких.

И отвечал голос из-за двери:

– Отойди отсюда: не могут такие грешники жить с нами вместе в раю.

И сказал грешник:

– Господи, голос твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю.

И сказал ему голос:

– Я – царь и пророк Давид.

И не отчаялся грешник, не отошел от двери рая и стал говорить:

– Пожалей меня, царь Давид, и вспомни слабость человеческую и милость Божию. Бог любил тебя и возвеличил пред людьми. Всё было у тебя – и царство, и слава, и богатство, и жены, и дети, а увидел ты с крыши жену бедного человека, и грех вошел в тебя, и взял ты жену Урия и убил его самого мечом амонитян. Ты, богач, отнял у бедного последнюю овечку и погубил его самого. То же делал и я.

– И вспомни потом, как ты покаялся и говорил: «Я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грехе своем». Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня.

И затих голос за дверьми.

И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное. И послышался из-за дверей третий голос и сказал:

– Кто человек этот? и как прожил он на свете?

И отвечал голос обличителя, и в третий раз перечислил худые дела человека и не назвал добрых.

И отвечал голос из-за двери:

– Отойди отсюда: не могут грешники войти в царство небесное.

И отвечал грешник:

– Голос твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю.

И отвечал голос:

– Я – Иоанн Богослов, любимый ученик Христа.

И обрадовался грешник и сказал:

– Теперь нельзя не впустить меня: Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость Божию. А ты вступишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что Бог есть любовь и что кто не любит, тот не знает Бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: «Братья, любите друг друга!» Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня и впусти в царство небесное.

И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника и впустил его в царство небесное.

—

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

* [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ РАССКАЗА «КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК».]

Жиль <богатый и знатный> человекъ 70 лѣтъ. И прожилъ онъ всю свою жизнь въ грѣхахъ. Въ молодости пилъ и пьянствовалъ, въ карты игралъ и развратничалъ. Въ молодости женился, отъ жены распутничалъ. Жену въ гробъ загналъ. Дѣтей разогналъ и подъ старость жилъ съ любовницами. Никого не любилъ кромѣ своего тѣла и денегъ. Копилъ деньги и деньги въ ростъ давалъ, никого не жалѣлъ и съ бѣдной, съ

сироты, съ вдовы послѣднюю рубашку и крестъ съ шеи тянулъ. И заболѣлъ этотъ человѣкъ и на смертномъ одрѣ не простилъ никому ни одной копѣйки и никого не пожалѣлъ. Пришла смерть, и только когда послѣдній часъ пришелъ, ужаснулся передъ своей жизнью человѣкъ. И только успѣлъ сказать: Господи, какъ разбойнику на крестѣ, прости мнѣ. И только успѣлъ сказать и вышла душа.

И пришла душа человѣка къ дверямъ царства небеснаго. Только стала подходить, видить, сидить у воротъ на скамьѣ свѣтлый мужъ, волоса по плечамъ, на головѣ вѣнецъ царскій. А въ рукахъ держитъ мужъ гусли, играетъ и поетъ псалмы, хвалить Бога. И узналъ человѣкъ царя Давида и подошелъ къ нему, поклонился. Царь Давидъ посмотрѣлъ на человѣка и спросилъ: Чего тебѣ, человѣче, надо? Разказалъ [человѣкъ] свои дѣла и подалъ записъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Посмотрѣлъ царь Давидъ и сказалъ: нельзя тебѣ; жаль мнѣ тебя, человѣче, нельзя тебѣ вступить въ царство небесное – велики грѣхи твои. И показалъ ему царь Давидъ по записи всѣ грѣхи его – и пьянство, и блудъ, и жестокость, убійства, и лихоимства и сказалъ: нельзя такому великому грѣшнику войти въ царство небесное. Заплакалъ человѣкъ и сказалъ: Знаю я, что грѣхи мои велики, да велика милость Божія. Былъ ты и царемъ и пророкомъ и согрѣшилъ же ты съ Урією и женою его и простилъ же тебя Богъ. Воздохнулъ Давидъ, всталъ съ скамьи и ушелъ, скрылся отъ грѣшника.

Подошелъ грѣшникъ къ самымъ дверямъ и сталъ стучаться: и просить, чтобы пустили его. И на стукъ его явился свѣтлый старецъ съ ключами въ рукѣ. Подошелъ. Взялъ старецъ записъ изъ рукъ грѣшника и сталъ читать. И не прочелъ до конца, воздохнулъ и отдалъ назадъ записъ и сказалъ: Нельзя тебѣ, человѣче, по великимъ грѣхамъ твоимъ войти въ царство это. Опять огорчился грѣшникъ, заплакалъ и сказалъ: Петро, Петро, не ты ли обѣщаль самому Христу учителю, что не оставишь его. И пѣтель не прокричалъ трижды, а ты ужъ трижды отрекся отъ него. А все таки Богъ простилъ тебя. Помнишь, какъ ты плакалъ горько. Также и я плачу теперь. Отслушалъ эти слова Петръ и скрылся изъ глазъ грѣшника и остался онъ опять одинъ у дверей рая. И опять сталъ стучаться въ нихъ. И на стукъ его вышелъ свѣтлый юноша съ книгой въ рукахъ. И тотчасъ же узналъ грѣшникъ Иоанна богослова и поклонился ему. Чего хочешь, человѣче, и зачѣмъ приходишь въ царство блаженныхъ съ грѣхами своими. И не глядя на записъ, перечислилъ Иоаннъ богословъ грѣшнику всѣ худыя дѣла его. Пусти меня въ рай, сказалъ грѣшникъ. Я покаялся въ грѣхахъ своихъ. Нельзя, сказалъ Иоаннъ богословъ, слишкомъ велики грѣхи твои. Пуще прежняго огорчился грѣшникъ и сказалъ: такъ что же ты Иоаннъ богословъ писалъ въ книгѣ твоей. Развѣ не ты писалъ, что Богъ есть любовь, что онъ любитъ и прощаетъ насъ. И открылъ ему Иоаннъ Богословъ двери и впустилъ его.

[1]

«КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Тема рассказа «Кающийся грешник» взята Толстым из известной старинной русской повести, которая встречается в наших рукописях, начиная с XVII века, под заглавием: «Повесть» или «Притча о бражнике»; вероятно, этот рассказ перенесен в русскую литературу с запада. Ближайший источник рассказа Толстого – легенда в списке XVIII века, внесенная А. Н. Афанасьевым в его сборник «Народные русские легенды» (Москва 1859). Все действующие лица в рассказе Толстого те же, что и в повести, и разговоры их иногда дословно близки. Эта повесть только уточняет вину кающегося грешника, изображая его исключительно бражником, гулякой, участником пиров (ср. объяснение этого слова в примечании к изданию этого памятника в «Русской беседе» 1859, т. VI).

Рукописи рассказа «Кающийся грешник» распадаются на три редакции, из которых резко выделяется первая, остальные же по существу близки друг к другу. Текст первой редакции с трудом может быть только восстановлен, потому что он почти целиком был отброшен автором; Толстой зачеркнул его по строчкам и вписал между зачеркнутыми строками новый текст. В тексте первой редакции во 1-х дано довольно подробное описание жизни грешника, что во 2-й редакции ограничивается словами «прожил он всю жизнь в грехах». Во 2-х в первой редакции дан не тот порядок появления лиц, как во второй; царь Давид предшествует Петру апостолу. В 3-х, так как каждое из действующих лиц выходит из дверей, или сидит перед дверьми рая, оно изображено по внешности гораздо подробнее, чем в следующей редакции (особенно Давид), так что грешник, не спрашивая каждого, сам догадывается, с кем он ведет разговор. Отказавшись от первой редакции, Толстой решает приблизиться к своему первоисточнику, к «Повести о бражнике», и в отношении простоты в изложении, и краткости рассказа. Таким образом образовалась вторая редакция. Следующая редакция представляет собою, как сказано выше, развитие

речей грешника с указаниями необходимости его допущения в рай и общую стилистическую переработку рассказа; после нее происходит уже небольшая окончательная отделка.

Записи первой и второй редакции рассказа находятся в той тетради, в которой потом были записаны рассказы «Зерно с куриное яйцо» и «Много ли человеку земли нужно». Вероятно, эти три рассказа, судя по почерку и чернилам, записаны почти в одно время.

Начав писать рассказ, Толстой не дал ему заглавия, а только ссылку на эпиграф: Лук. XXIII, 42–43 и начало его текста: «И сказал Иисусу разбойник»... затем он вписал над началом рукописи мелким шрифтом «Кающийся грешник в раю», потом, всё еще на той же рукописи, он вычеркнул в заглавии два последних слова: в раю; после этого заглавие рассказа осталось уже без перемен.

Как можно предположить на основании письма Толстого

[2] к В. Г. Черткову, относящегося к началу июня (1–2) 1885 г., рассказ написан по всей вероятности в мае 1885 г. Что именно об этом рассказе идет речь в письме к Черткову, писанном в начале июня, видно из слов Толстого о поручении рисунков к рассказу Н. Н. Ге, потом нарисовавшему к нему «прекрасный эскиз углем», как говорит А. К. Черткова в примечании к письму; [3] небольшая картина Н. Н. Ге масляными красками на ту же тему была воспроизведена фототипией в посмертном альбоме картин и рисунков Н. Н. Ге в 1904 г. [4] В упомянутом письме Толстого между прочим говорится, что «он написал один рассказец, хороший, из записанных мною тем» и к нему он и хотел поручить сделать рисунки.

Рассказ «Кающийся грешник» был в первый раз напечатан в XII ч. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Произведения последних годов», М. 1886 г., стр. 477–479.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ имеется в трех рукописях, принадлежащих к Архиву, переданному В. Г. Чертковым в ГТМ, в папках 11, под № 10, 9 и 9 под №№ 32 и 33, – и корректурных гранках для издания «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», часть 12–я, М. 1886 г., с поправками Толстого; хранятся в БЛ под шифром: V. 12.

1) Автограф ГТМ, № 10. 4°. 11 лл. линованной бумаги, вырванной из тетради. Л. I – Отрывок одной из первых редакций гл. XL (по последнему счету) статьи: «Так что же нам делать?» Начало: <<только

та». Заботится о будущем, объ обеспеченіи впереди только та, которая»... Далее на 1-м же листе – «Кающійся грѣшникъ», с заглавием, вписанным после и ссылкой на Евангелие от Луки, XXIII, 42–43 в качестве эпиграфа. Почти весь первоначально написанный текст рассказа зачеркнут по строчкам как сказано выше, и между ними написан новый текст.

2) Рукопись ГТМ, № 32. Копия с предыдущей рукописи рукой В. Г. Черткова, 4°, 5 лл. нелинованной писчей бумаги фабр. Говарда. С дополнениями и поправками Толстого. Заглавие: «Кающійся грѣшникъ». Начало: «Жиль на свѣтъ чловѣкъ 70 лѣтъ»... Считаем этот текст третьей редакцией.

3) Рукопись ГТМ, № 33. Копия с предыдущей рукою В. Г. Черткова, с поправками и дополнениями Толстого, которых здесь немного. Относим этот список к третьей же редакции. Заглавие: «Кающійся грѣшникъ». Начало: «Жиль на свѣтъ чловѣкъ семьдесятъ лѣтъ»...

4) Корректурные гранки БЛ, с поправками Толстого.

В основу настоящего издания положен текст, напечатанный в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого», часть 12-я, М. 1886, стр. 477–479, проверенный по рукописям и корректуре.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гготовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного

написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

2

Том 85, стр. 211.

3

ТЕ 1913. 2, стр. 23.

4

«Альбом художественных произведений Н. Н. Ге», изд. Н. Н. Ге (сына) и «Посредник» М. 1904.

Лев Николаевич

Толстой

Крестник

(1886 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25–му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90–томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей–усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей–усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90–томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

КРЕСТНИК.

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб; а я говорю вам: не противься злому. (Матф. V, 38, 39).

Мне отмщение, Я воздам. (РИМЛ. XII, 19).

I.

Родился у бедного мужика сын. Обрадовался мужик, пошел к соседу звать в кумовья. Отказался сосед: не охота к бедному мужику в кумовья идти. Пошел бедный мужик к другому, и тот отказался.

Всю деревню исходил, нейдет никто в кумовья. Пошел мужик в иную деревню. И попадает ему навстречу прохожий человек. Остановился прохожий человек.

— Здравствуй, — говорит, — мужичок; куда Бог несет?

— Дал мне, — говорит мужик, — Господь детище: во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души; а по бедности моей никто в нашей деревне в кумовья нейдет. Иду кума искать.

И говорит прохожий человек:

— Возьми меня в кумовья.

Обрадовался мужик, поблагодарил прохожего человека и говорит:

– Кого же в кумы звать?

– А в кумы, – говорит прохожий человек, – позови купеческую дочь. Поди в город, на площади каменный дом с лавками, у входа в дом проси купца, чтоб отпустил дочь в крестные матери.

Усумнился мужик.

– Как мне, – говорит, – нареченный кум, к купцу–богачу идти? Побрезгает он мной, не отпустит дочь.

– Не твоя печаль. Ступай – проси. К завтраму, к утру, изготовься, – приду крестить.

Воротился бедный мужик домой, поехал в город к купцу. Поставил лошадь на дворе. Выходит сам купец.

– Чего надо? – говорит.

– Да вот, господин купец: дал мне Господь детище: во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Пожалуй, отпусти дочь свою в крестные.

– А когда у тебя крестины?

– Завтра утром.

– Ну, хорошо, ступай с Богом, завтра к обедне приедет.

На другой день приехала кума, пришел и кум, окрестили младенца. Только окрестили младенца, вышел кум, и не узнали, кто он; и не видали с тех пор.

II.

Стал младенец возрастать на радость родителям: и силен, и работающ, и умен, и смирен. Стал мальчик десяти годов. Отдали его родители грамоте учиться. Чему другие пять лет учатся, в один год выучился мальчик. И нечего ему учить стало.

Пришла Святая неделя. Сходил мальчик к крестной матери, похристосовался, воротился домой и спрашивает:

– Батюшка и матушка, где живет мой крестный? Я бы к нему пошел, похристосовался.

И говорит ему отец:

– Не знаем мы, сынок любезный, где твой крестный живет. Мы сами о том тужим. Не видали его с тех пор, как он тебя окрестил. И не слышали про него, и не знаем, где живет, не знаем, и жив ли он.

Поклонился сын отцу, матери.

– Отпусти меня, – говорит, – батюшка с матушкой, моего крестного искать. Хочу его найти, с ним похристосоваться.

Отпустили сына отец с матерью. И пошел мальчик искать своего крестного.

III.

Вышел мальчик из дому и пошел путем-дорогой. Прошел половину дня, встречается ему прохожий человек.

Остановился прохожий.

– Здравствуй, – говорит, – мальчик, куда Бог несет?

И сказал мальчик:

– Ходил я, – говорит, – к матушке крестной христосоваться, пришел домой, спросил у родителей: где живет мой крестный? хотел с ним похристосоваться. Сказали мне родители: не знаем мы, сынок, где живет твой крестный. С тех пор как окрестили тебя, ушел он от нас, и ничего мы про него не знаем и не знаем, жив ли он. И захотелось мне повидать своего крестного; так вот иду искать его.

И сказал прохожий человек:

– Я твой крестный.

Обрадовался мальчик, похристосовался с крестным.

– Куда ж ты, – говорит, – батюшка крестный, теперь путь держишь? Если в нашу сторону, так приходи в наш дом, а если к себе домой, так я с тобой пойду.

И сказал крестный:

– Недосуг мне теперь в твой дом идти: мне по деревням дело есть. А к себе домой я на завтра буду. Тогда приходи ко мне.

– Как же я тебя, батюшка, найду?

– А вот иди всё на восход солнца, всё прямо, придешь в лес, увидишь среди леса – полянка. Сядь на этой полянке, отдохни и гляди, что там будет. Выйдешь из лесу, увидишь сад, а в саду палаты с золотой крышей. Это мой дом. Подойди к воротам. Я тебя сам там встречу.

Сказал так крестный и пропал из глаз крестника.

IV.

Шел мальчик, как велел ему крестный. Шел, шел, приходит в лес. Вышел на полянку и видит, среди полянки сосна, а на сосне укреплена на суку веревка, а на веревке привешен чурбан дубовый, пуда в три. А под чурбаном корыто с медом. Только подумал мальчик, зачем тут мед поставлен и чурбан привешен, затрещало в лесу, и видит, идут медведи: впереди медведица, за ней пестун годовалый и позади еще трое медвежат маленьких. Потянула медведица в себя носом и пошла прямо к корыту, а медвежата за ней. Сунула медведица морду в мед, позвала медвежат, подскочили медвежата, припали к корыту.

Откачнулся чурбан недалеко, вернулся назад, толкнул медвежат. Увидела это медведица, оттолкнула чурбан лапой. Откачнулся подальше чурбан, опять назад пришел, ударил в середину медвежат – кого по спине, кого по голове. Заревели медвежата, отскочили прочь. Рывнула медведица, ухватила обеими лапами чурбан над головой, махнула его от себя прочь. Улетел высоко чурбан, подскочил пестун к корыту, уткнул морду в мед, чавкает, стали и другие подходить. Не успели подойти, прилетел чурбан назад, ударил пестуна по голове, убил его до смерти. Заревела пуще прежнего медведица, как схватит чурбан да пустит его изо всех сил вверх, – взлетел чурбан выше сука, даже веревка ослабла. Подошла медведица к корыту, и все медвежата за ней. Летел, летел чурбан кверху, остановился, пошел книзу. Что ниже, то шибче расходится. Разошелся шибко, налетел на медведицу, как чебурахнет ее по башке, – перевернулась медведица, подергала ногами и издохла. Разбежались медвежата.

V.

Подивился мальчик и пошел дальше. Приходит к большому саду, а в саду высокие палаты с золотой крышей. И у ворот стоит крестный, улыбается. Поздоровался с сыном крестным, ввел его в ворота и повел по саду. И во сне не снилось мальчику такой красоты и радости, какая в этом саду была.

Ввел крестный мальчика в палаты. Палаты еще лучше. Провел крестный

мальчика по всем горницам: одна другой лучше, одна другой веселее, и привел его к запечатанной двери.

– Видишь ли, – говорит, – эту дверь? Замка на ней нет, только печати. Отворить ее можно, да не велю я тебе. Живи ты и гуляй, где хочешь и как хочешь; всеми радостями радуйся, только один тебе заказ: в эту дверь не входи. А если и войдешь, так попомни, что ты в лесу видел.

Сказал это крестный и ушел. Остался крестник один и стал жить. И так ему весело и радостно было, что думалось ему, что прожил он тут только три часа, а прожил он тут тридцать лет. И как прошло тридцать лет, подошел крестник к запечатанной двери и подумал: «Отчего не велел мне крестный входить в эту горницу? Дай пойду посмотрю, что там такое?»

Толкнул дверь, отскочили печати, отворилась дверь. Вошел крестник и видит – палаты больше всех и лучше всех, и в середине палат стоит золотой престол. Походил, походил крестник по палатам и подошел к престолу, вошел по ступеням и сел. Сел и видит – у престола жезл стоит. Взял крестник в руки жезл. Только что взял в руки жезл, вдруг отвалились все четыре стены в палатах. Поглядел кругом себя крестник и видит весь мир и всё, что в миру люди делают. Посмотрел прямо – видит море, корабли плавают. Посмотрел вправо – видит чужие, не христианские народы живут. Посмотрел в левую сторону – христианские да не русские живут. Посмотрел в четвертую сторону – наши русские живут. «Дай, – говорит, – посмотрю, что у нас дома делается, хорошо ли у нас хлеб родился?» Посмотрел на поле на свое, видит, крестцы стоят. Стал он считать крестцы, много ли хлеба, и видит, едет на поле телега и сидит в ней мужик. Думал крестник, что родитель его едет ночью снопы поднимать. Смотрит: это Василий Кудряшов, вор, едет. Подъехал к копнам, стал накладывать. Досадно стало крестнику. Закричал он: «Батюшка, снопы с поля крадут!»

Проснулся отец в ночном. «Приснилось мне, – говорит, – что снопы крадут: дай поеду посмотрю». Сел на лошадь – поехал.

Приезжает на поле, увидел Василия, скричал мужиков. Избили Василия. Связали, повели в острог.

Поглядел еще крестник на город, где его крестная жила. Видит, замужем она за купцом. И лежит она, спит, а муж ее встал, идет к любовнице. Закричал крестник купчихе: «Вставай, твой муж худыми делами занялся».

Вскочила крестная, оделась, разыскала, где ее муж, иссрамила, избила любовницу и мужа от себя прогнала.

Поглядел еще крестник на свою мать и видит, лежит она в избе, и влез в избу разбойник и стал сундук ломать.

Проснулась мать, закричала. Увидел разбойник, схватил топор, замахнулся на мать, хочет ее убить.

Не сдержался крестник, как пустит жезлом в разбойника, прямо в висок ему попал, убил на месте.

VI.

Только убил крестник разбойника, опять затворились стены, стали опять палаты, как были.

Отворилась дверь, входит крестный. Подошел крестный к сыну своему, взял его за руку, свел с престола и говорит:

– Не послушал ты моего приказания: одно худое дело сделал – отворил запрещенную дверь; другое худое дело сделал – на престол взошел и в руки мой жезл взял; третье худое дело сделал – много зла на свете прибавил. Коли бы ты еще час посидел, ты бы половину людей перепортил.

И ввел крестный опять крестника на престол, взял в руки жезл. И опять отвалились стены, и всё видно стало.

И сказал крестный:

– Смотри теперь, что ты своему отцу сделал: Василий теперь год в остроге просидел, всем злодействам научился и остервенел совсем. Смотри, вон он у отца твоего двух лошадей угнал и, видишь, ему уж и двор запаливает. Вот что ты своему отцу сделал.

Только увидал крестник, что загорелся отцов двор, закрыл от него это крестный, велел смотреть в другую сторону.

– Вот, – говорит, – муж твоей крестной уж год теперь, как бросил жену, с другими на стороне гуляет, а она с горя пить стала, а любовница его прежняя совсем пропала. Вот что ты с своей крестной сделал.

Закрыл и это крестный, показал на его дом. И увидал он свою мать: плачет она о своих грехах, кается, говорит: «лучше бы меня тогда разбойник убил, – не наделала бы я столько грехов».

– Вот что ты своей матери сделал.

Закрыл и это крестный и показал вниз. И увидал крестник разбойника: держат разбойника два стража перед темницей. И сказал ему крестный: – Этот человек девять душ загубил. Ему бы надо самому свои грехи выкупать, а ты его убил, все грехи его на себя снял. Теперь тебе за все его грехи отвечать. Вот что ты сам себе сделал. Медведица раз чурбан толконула – медвежат потревожила; другой раз толконула – пестуна убила, а третий раз толконула – сама себя погубила. То же и ты сделал. Даю тебе теперь сроку на тридцать лет. Иди в мир выкупай

разбойниковы грехи. Если не выкупишь, тебе на его место идти.

И сказал крестник:

– Как же мне его грехи выкупить?

И сказал крестный:

– Когда в мире столько же зла изведешь, сколько завел, тогда и свои и разбойниковы грехи выкупишь.

И спросил крестник:

– Как же в мире зло изводить?

Сказал крестный:

– Иди ты прямо на восход солнца, придет поле, на поле люди. Примечай, что люди делают, и научи их тому, что знаешь. Потом иди дальше, примечай то, что увидишь; придешь на четвертый день к лесу, в лесу келья, в келье старец живет, расскажи ему все, что было. Он тебя научит. Когда всё сделаешь, что тебе старец велит, тогда свои и разбойниковы грехи выкупишь.

Сказал так крестный и выпустил крестника за ворота.

VII.

Пошел крестник. Идет и думает: «Как мне на свете зло изводить? Изводят на свете зло тем, что злых людей в ссылки ссылают, в тюрьмы сажают и казнями казнят. Как же мне делать, чтобы зло изводить, а на себя чужих грехов не снимать?» Думал, думал крестник, не мог придумать.

Шел, шел, приходит к полю. На поле хлеб вырос – хороший, густой, и жать пора. Видит крестник, зашла в этот хлеб телушка, и увидели люди, посели верхами, гоняют по хлебу телушку из стороны в сторону. Только хочет телушка из хлеба выскочить, наедет другой, испугается телушка, опять в хлеб; опять за ней скачут по хлебу. А на дороге стоит баба, плачет: «загоняют они, – говорит, – мою телушку».

И стал крестник говорить мужикам:

– Зачем вы так делаете? Вы выезжайте все вон из хлеба. Пусть хозяйка свою телушку покличет.

Послушались люди. Подошла баба к краю, начала кликать: «тпруси, тпруси, буреночка, тпруси, тпруси!...» Насторожила телушка уши, послушала, послушала, побежала к бабе, прямо ей под подол мордой, –

чуть с ног не сбила. И мужики рады, и баба рада, и телушка рада.

Пошел крестник дальше и думает: «Вижу я теперь, что зло от зла умножается. Чтò больше гоняют люди зло, то больше зла разводят. Нельзя, значит, зло злом изводить. А чем его изводить – не знаю. Хорошо, как телушка хозяйку послушала, а то как не послушает, как ее вызвать?»

Думал, думал крестник, ничего не придумал, пошел дальше.

VIII.

Шел, шел, приходит к деревне. Попросился в крайней избе ночевать. Пустила хозяйка. В избе никого нет, только одна хозяйка моет.

Вошел крестник, влез на печку и стал глядеть, чтò хозяйка делает; видит – вымыла хозяйка избу, стала стол мыть. Вымыла стол, стала вытирать грязным ручником. Станет в одну сторону стирать – не вытирается стол. От грязного ручника полосами грязь по столу. Станет в другую сторону стирать – одни полосы сотрет, другие сделает. Станет опять вдоль вытирать – опять то же. Пачкает грязным ручником; одну грязь сотрет, другую наклепит. Поглядел, поглядел крестник, говорит:

– Что ж ты это, хозяйшкa, делаешь?

– Разве не видишь, говорит: к празднику мою. Да вот никак стол не домою, всё грязно, измучилась совсем.

– Да ты бы, – говорит, – ручник выполоскала, а тогда б стирала.

Сделала так хозяйка, живо вымыла стол.

– Спасибо, – говорит, – что научил.

На утро распрощался крестник с хозяйкой, пошел дальше. Шел, шел, пришел в лес. Видит – гнут мужики ободья. Подошел крестник, видит – кружатся мужики, а обод не загибается.

Поглядел крестник, видит – кружится у мужиков стуло, нет в нем державы. Посмотрел крестник и говорит:

– Что это вы, братцы, делаете?

– Да вот ободья гнем. И два раза парили, измучились совсем, – не загибаются.

– Да вы, братцы, стуло–то укрепите, а то вы с ним вместе кружитесь.

Послушались мужики, укрепили стуло, пошло у них дело на лад.

Переночевал у них крестник, пошел дальше. Весь день и ночь шел, перед зарей подошел к гуртовщикам, прилег он около них. И видит: оставили гуртовщики скотину и разводят огонь. Взяли сухих веток, зажгли, не дали разгореться, наложили на огонь сырого хворосту. Зашипел хворост, затух огонь. Взяли гуртовщики еще суши, зажгли, опять навалили хворосту сырого, – опять затушили. Долго бились, не разожгли огня.

И сказал крестник:

– Вы не спешите хворост накладывать, а прежде разожгите хорошенько огонь. Когда жарко разгорится, тогда уж накладывайте.

Сделали так гуртовщики; разожгли сильно, наложили хворост. Занялся хворост, разгорелся костер. Побыл с ними крестник и пошел дальше. Думал, думал крестник, к чему он эти три дела видел, – не мог понять.

IX.

Шел, шел крестник, прошел день. Приходит в лес, в лесу – келья. Подходит крестник к келье, стучится. Спрашивает из кельи голос:

– Кто там?

– Грешник великий, иду чужие грехи выкупать.

Вышел старец и спрашивает:

– Какие такие чужие грехи на тебе?

Рассказал ему всё крестник: и про отца крестного, и про медведицу с медвежатами, и про престол в запечатанной палате, и про то, что ему крестный велел, и про то, как он на поле мужиков видел, как они весь хлеб стоптали и как телушка к хозяйке сама вышла.

– Понял я, – говорит, – что нельзя зло злом изводить, а не могу понять, как его изводить надо. Научи меня.

И сказал старец:

– А скажи мне, что ты еще по дороге видел?

Рассказал ему крестник про бабу, как она мыла и про мужиков, как они ободья гнули, и про пастухов, как они огонь разводили.

Выслушал старец, вернулся в келью, вынес топорик щербатый.

– Пойдем, – говорит.

Отошел старец на поприще от кельи, показал на дерево.

– Руби, – говорит.

Срубил крестник, упало дерево.

– Руби теперь на–трое.

Разрубил крестник на–трое. Зашел опять в келью старец, принес огня.

– Сожги, – говорит, – эти три чурака.

Развел крестник огонь, сжег три чурака, остались три головешки.

– Зарой в землю наполовину. Вот так.

Зарыл крестник.

– Видишь, под горой река, носи оттуда воду во рту, поливай. Эту головешку поливай так, как ты бабу учил. Эту поливай, как ты ободчиков научил. А эту поливай, как ты пастухов научил. Когда прорастут все три и из головешек три яблони вырастут, тогда узнаешь, как в людях зло изводить, тогда и грехи выкупишь.

Сказал это старец и ушел в свою келью. Думал, думал крестник, не мог понять, что ему сказал старец. А стал делать, как ему велено.

Х.

Пошел крестник к реке, набрал полон рот воды, вылил на головешку, пошел еще и еще: сто раз сходил, пока землю около одной головешки смочил. Потом еще: полил и другие две. Уморился крестник, захотелось ему есть. Пошел в келью у старца пищи попросить. Отворил дверь, а старец мертвый на лавочке лежит. Осмотрелся крестник, нашел сухариков, поел; нашел и заступ и стал старцу могилку копать. Ночью воду носил, поливал, а днем могилу копал. Только выкопал могилу, хотел хоронить, пришли из деревни люди, старцу пищи принесли.

Узнали люди, что старец помер и благословил крестника на свое место. Похоронили люди старца, оставили крестнику хлеба; обещались принести еще и ушли.

И остался крестник на старцевом месте жить. Живет крестник, кормится тем, что ему люди носят, и повеленное дело делает – во рту из реки воду носит, головешки поливает.

Прожил так крестник год, и стало к нему много людей ходить. Прошла про него слава, что живет в лесу святой человек, спасается, ртом из-под горы воду носит, горелые пни поливает. Стало к нему много народу ходить. Стали и богатые купцы ездить, ему подарки возить. Не брал ничего себе крестник, кроме нужды, а что ему давали, то другим бедным раздавал.

И стал так жить крестник: половину дня воду во рту носит, головешки поливает, а другую половину отдыхает и народ принимает.

И стал думать крестник, что так ему велено жить, этим самым зло изводить и грехи выкупать.

Прожил так крестник и другой год, ни одного дня не пропустил, чтобы не полить, а все не проросла ни одна головешка.

Сидит он раз в келье, слышит – едет мимо него человек верхом и песни поет. Вышел крестник, посмотрел что за человек. Видит – человек сильный, молодой. Одежда на нем хорошая, и лошадь и седло под ним дорогие.

Остановил его крестник и спросил, что он за человек и куда едет.

Остановился человек.

– Я, – говорит, – разбойник, езу по дорогам, людей убиваю: что больше людей убью, то веселей песни пою.

Ужаснулся крестник, думает: «Как в таком человеке зло извести? Хорошо мне тем говорить, которые ко мне ходят, сами каются. А этот злом хвалится». Ничего не сказал крестник, пошел прочь да подумал: «Как теперь быть, повадится этот разбойник здесь ездить, напугает он народ, перестанут ко мне люди ходить. И им пользы не будет, да и мне тогда как жить будет?»

И остановился крестник. И стал разбойнику говорить:

– Сюда, – говорит, – ко мне люди ходят не злом хвалиться, а каяться и грехи отмаливать. Покайся и ты, если Бога боишься; а не хочешь каяться, так уезжай отсюда и не приезжай никогда, меня не смущай и народ от меня не отпугивай. А если не послушаешь, покарает тебя Бог.

Засмеялся разбойник.

– Не боюсь, – говорит, – я Бога и тебя не послушаю. Ты мне не хозяин. Ты, – говорит, – своим богомольством кормишься, а я разбоем кормлюсь. Всем кормиться надо. Ты баб, что к тебе ходят, учи, а меня учить нечего. А за то, что ты мне про Бога помянул, я завтра лишних двух людей убью. И тебя бы нынче убил, да не хочется рук марать. А впредь не попадайся.

Погрозил так разбойник и уехал. И не проезжал больше разбойник, и жил крестник попрежнему спокойно. Прожил так крестник восемь лет и скучно ему стало.

XI.

Полил раз ночью крестник свои головешки, пришел в келью отдохнуть и сидит, глядит на тропочку, скоро ли народ придет. И не пришел в этот день ни один человек. Просидел крестник один до вечера, и скучно ему стало, и раздумался он о своей жизни. Вспомнил он, как разбойник его укорил за то, что он своим богомольством кормится. И оглянулся крестник на свою жизнь. «Не так, – думает, – я живу, как мне старец велел. Старец мне епитимию наложил, а я из нее хлеб да славу людскую сделал. И так соблазнился на нее, что скучно мне, когда ко мне народ не ходит. А когда ходит народ, то я только и радуюсь тому, как они мою святость прославляют. Не так жить надо. Запутался я славой людской. Прежних грехов не выкупил, а новые нажил. Уйду я в лес, в другое место, чтоб меня народ не нашел. Стану один жить так, чтобы старые грехи выкупать, а новых не наживать».

Подумал так крестник и взял мешочек сухарей и заступ и пошел прочь от кельи к оврагу, чтобы в глухом месте себе земляночку выкопать – от людей укрыться.

Идет крестник с мешочком и с заступом, наезжает на него разбойник. Испугался крестник, хотел бежать, да догнал его разбойник.

– Куда идешь? – говорит.

Рассказал ему крестник, что хочет он от народа уйти в такое место, чтобы никто к нему не ходил. Удивился разбойник.

– Чем же ты, – говорит, – теперь кормиться будешь, когда к тебе люди ходить не будут?

И не подумал об этом прежде крестник, а как спросил его разбойник, вспомнил он и про пищу.

– А чем Бог даст, – говорит.

Ничего не сказал разбойник, поехал дальше.

«Что ж, – думает крестник, – я ему ничего про его жизнь не сказал! Может, он теперь покается. Нынче он как будто помягче и не грозитесь убить». И прокричал крестник вслед разбойнику:

– А все ж тебе покаяться надо. От Бога не уйдешь.

Повернул лошадь разбойник. Выхватил нож из-за пояса, замахнулся на крестника. Испугался крестник, убежал в лес.

Не стал его догонять разбойник, только сказал:

– Два раза простил тебя, старик, в третий не попадайся – убью!

Сказал так и уехал. Пошел вечером крестник головешки поливать, глядь – одна ростки пустила. Яблонька из нее растет.

XII.

Скрылся от людей крестник и стал один жить. Вышли у него сухари. «Ну, – думает, – теперь корешков поищу». Только пошел искать, видит – на суку мешочек с сухарями висит. Взял его крестник и стал кормиться.

Только вышли сухари, опять другой мешочек на том же суку нашел. И жил так крестник. Только одно у него горе было – разбойника боялся. Как услышит разбойника, так спрячется, думает: «Убьет он меня, так и не успеешь грехов выкупить».

Прожил так еще десять лет. Яблонька одна росла, а две головешки, как были головешками, так и оставались.

Встал раз рано крестник, пошел свое дело исполнять, смочил землю у головешек, уморился и присел отдохнуть. Сидит, отдыхает и думает: «Согрешил я – стал смерти бояться. Захочет Бог, так и смертью грехи выкуплю». Только подумал так, вдруг слышит – едет разбойник, ругается. Услыхал крестник и думает: «Кроме Бога ни худого, ни доброго ни от кого мне не будет», и пошел к разбойнику навстречу. Видит, едет разбойник не один, а везет за собой на седле человека. А у человека и руки и рот завязаны. Молчит человек, а разбойник на него ругается. Подошел крестник к разбойнику, стал пред лошадью.

– Куда ты, – говорит, – этого человека везешь?

– А везу в лес. Это купцов сын. Не сказывает он, где отцовские деньги спрятаны. Буду я его до тех пор пороть, пока он скажет.

И хотел разбойник проехать. Да не пустил крестник, схватил лошадь за узду.

– Отпусти, – говорит, – этого человека.

Рассердился разбойник на крестника, замахнулся на него.

– Иль, – говорит, – и тебе того же хочется? Я тебе обещал, что убью. Пусти.

Не испугался крестник.

– Не пуцу, – говорит. – Не боюсь я тебя, я только Бога боюсь. А Бог

не велит пускать. Отпусти человека.

Нахмурился разбойник, выхватил нож, перерезал веревки, пустил купцова сына.

– Убирайтесь, – говорит, – вы оба, не попадайтесь в другой раз.

Соскочил купцов сын, побежал. Хотел разбойник проехать, да остановил его еще крестник; стал ему еще говорить, чтобы бросил он свою дурную жизнь. Постоял разбойник, выслушал всё, ничего не сказал и уехал.

На утро пошел крестник поливать головешки. Глядь, и другая проросла, – тоже яблонька растет.

XIII.

Прошло еще десять лет. Сидит раз крестник, ничего ему не хочется, ничего не боится, и радуется в нем сердце. И думает себе крестник: «Какая людям от Бога благодать! А мучают они себя понапрасну. Жить бы да жить им в радости». И вспомнил он про всё зло людское, как они себя мучают. И жалко ему стало людей. «Напрасно, – думает, – я так живу; пойти надо сказать людям, что я знаю».

Только подумал он и слышит – едет разбойник. Пропустил он его и думает: «С этим что и говорить, не поймет».

Подумал сперва так, а потом передумал, вышел на дорогу. Едет разбойник пасмурный, в землю смотрит. Поглядел на него крестник, и жалко ему стало, подбежал к нему, ухватил его за колено.

– Брат милый, – говорит, – пожалей свою душу! Ведь в тебе дух Божий. Мучаешься ты, и других мучаешь, и еще хуже мучаться будешь. А Бог тебя как любит, какую тебе благодать припас! Не губи ты себя, братец. Перемени свою жизнь.

Нахмурился разбойник, отвернулся. – Отстань, – говорит.

Обхватил крестник еще крепче разбойника за колено и слезами заплакал.

Поднял глаза разбойник на крестника. Смотрел, смотрел, слез с лошади и пал перед крестником на колена.

– Победил, – говорит, – ты меня, старик. Двадцать лет я с тобой боролся. Осилит ты меня. Не властен я теперь над собой. Делай со мной, что хочешь. Когда ты меня, – говорит, – в первый раз уговаривал, я только больше озлился.

А задумался я, – говорит, – над твоими речами только тогда, когда ты

от людей уходил и узнал, что тебе самому от людей ничего не нужно.

И вспомнил крестник, что тогда только баба стол вымыла, когда ручник выполоскала: перестал он о себе заботиться, очистил сердце и стал другие сердца очищать.

И сказал разбойник:

– А повернулось во мне сердце тогда, когда ты смерти не побоялся.

И вспомнил крестник, что тогда только ободчики ободья 10 загибать стали, когда стуло утвердили: перестал он смерти бояться, утвердил свою жизнь в Боге и покорилося непокорное сердце.

И сказал разбойник.

– А растаяло во мне вовсе сердце, только когда ты пожалел меня и заплакал передо мною.

Обрадовался крестник, повел с собой разбойника к тому месту, где головешки были. Подошли они, а из последней головешки тоже яблоня выросла. И вспомнил крестник, что тогда загорелись сырые дрова у пастухов, когда разжегся большой огонь. Разгорелось в нем сердце и разожгло другое.

И обрадовался крестник тому, что он теперь грехи выкупил.

Сказал это всё разбойнику и помер. Похоронил его разбойник, стал жить, как велел ему крестник, и так людей учить.

—

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

КРЕСТНИК.

Варианты журнала «Книжки недели» 1886, апрель, стр. 121–141.

Стр. 147, строка 11.

После: Пошел – в «Кн. нед.»: он

Стр. 148, строка 5.

После: домой – в «Кн. нед.»: запрет

Стр. 148, строка 14.

Вместо: окрестили – в «Кн. нед.»: и окрестили

Стр. 148, строка 18.

После: возрастать – в «Кн. нед.»: и выросал

Стр. 148, строка 26.

Вместо: И говорит ему отец: – в «Кн. нед.»: И говорит ему отец с матерью

Стр. 148, строка 32.

Вместо: Отпусти – в «Кн. нед.»: Отпустите

Стр. 149, строка 22.

После: прямо – в «Кн. нед.»: да прямо

Стр. 149, строка 25.

Вместо: палаты – в изд. 1886 г. ошибочно: палатка

Стр. 149, строки 30–31.

Вместо: Вышел на полянку и видит – среди полянки сосна, а на сосне – в «Кн. нед.»: Увидел мальчик полянку и среди полянки сосна.

Стр. 149, строка 30.

После: среди полянки сосна – в «Кн. нед.»: Пришел мальчик и стал смотреть. Видит мальчик

Стр. 149, строки 31.

После: укреплена – в «Кн. нед.»: высоко

Стр. 149 строка 31–32.

Вместо: чурбан – в «Кн. нед.»: чурбак; вместо: чурбаном – чурбаком

Стр. 149–150, строки 32, 33, 1, 2, 3 и 6.

Вместо: чурбан – в «Кн. нед.»: чурбак

Стр. 150, строка 9.

Вместо: чурбан назад – в «Кн. нед.»: назад чурбак

Стр. 150, строка 10.

Вместо: чурбан – в «Кн. нед.»: чурбак

Стр. 150, строка 11.

Слов: да пустит его... кончая: вверх – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 150, строка 13.

Вместо: чурбан – в «Кн. нед.»: чурбак

Стр. 150, строка 15.

Вместо: налетел – в «Кн. нед.»: полетел

Стр. 150, строка 15.

После: по башке – в «Кн. нед.»: череп разбил

Стр. 150, строка 29.

Вместо: печати – в «Кн. нед.»: печать

Стр. 150, строка 29.

Вместо: не велю я тебе – в «Кн. нед.»: не надо тебе в эту дверь ходить

Стр. 150, строка 29.

После: Живи ты – в «Кн. нед.»: здесь сколько хочешь

Стр. 150, строка 31.

Вместо: заказ: – в «Кн. нед.» ошибочно: закон

Стр. 150, строка 33.

После: и ушел. – в «Кн. нед.»: от крестника

Стр. 150, строка 33.

Слова: один – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 151, строка 1.

Вместо: Толкнул – в «Кн. нед.»: Толкнул

Стр. 151, строка 1.

После: отворилась дверь. – в «Кн. нед.»: легко

Стр. 151, строки 1–2.

После: Вошел крестник – в «Кн. нед.»: в двери

Стр. 151, строка 6.

Вместо: вдруг – в «Кн. нед.»: и вдруг

Стр. 151, строка 8.

После: что в миру люди делают. – в «Кн. нед.»: И подумал крестник: дай посмотрю, что у нас дома делается.

Стр. 151, строка 13.

Слов: что у нас дома делается. – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 151, строка 14.

После: крестцы стоят – в «Кн. нед.»: не все сложены

Стр. 151, строка 16.

Перед: родитель – в «Кн. нед.»: это

Стр. 151, строка 21.

Вместо: поеду – в «Кн. нед.»: пойду

Стр. 151, строка 28.

После: разыскала – в «Кн. нед.»: дом

Стр. 152, строка 6.

Вместо: много зла на свете прибавил. – в «Кн. нед.»: стал людей судить

Стр. 152, строки 6–7.

Вместо: Коли бы ты еще час посидел, ты бы половину людей перепортил. – в «Кн. нед.»: Медведица раз толкнула чурбак – медвежат потревожила, другой раз толкнула – пестуна убила, а третий раз толкнула – сама себя убила. То же и ты сделал.

Стр. 152, строки 18–19.

Вместо: уж год теперь, как бросил – в «Кн. нед.»: уж год теперь бросил

Стр. 152, строки 19–20.

Вместо: а она с горя пить стала, – в «Кн. нед.»: крепилась, крепилась, да своего завела.

Стр. 152, строка 20.

Слòва: прежняя – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 152, строка 31.

Вместо: Теперь тебе – в «Кн. нед.»: Тебе теперь

Стр. 152, строка 35.

Слòва: теперь – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 152, строка 36.

После: разбойниковы грехи. – в «Кн. нед.»: Если выкупишь, так оба свободны будете. А

Стр. 153, строка 6.

Вместо: Иди ты – в «Кн. нед.»: Иди всё

Стр. 153, строка 13.

Вместо: и выпустил – в «Кн. нед.»: вывел

Стр. 153, строка 13.

После: за ворота. – в «Кн. нед.»: и затворил дверь

Стр. 153, строки 17–18.

Вместо: Как же мне делать... кончая: не снимать. – в «Кн. нед.»: Как же мне это делать, чтобы на себя зла не брать, чужих грехов не снимать?

Стр. 153, строка 25.

Слов: А на дороге – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 153, строка 28.

После: Зачем вы так делаете? – в «Кн. нед.»: Вы так никогда не выгоните.

Стр. 153, строки 32–33.

После: побежала к бабе – в «Кн. нед.»: вышла

Стр. 153, строка 34.

Вместо: и баба рада, и телушка рада. – в «Кн. нед.»: и баба и телушка рады.

Стр. 153, строки 35–36.

Вместо: то больше зла – в «Кн. нед.»: больше зла

Стр. 154, строки 10–14.

Вместо: избу, стала стол мыть... кончая: опять тоже в «Кн. нед.»: все столы и лавки и вытирает их грязными ручниками. Начнет вытирать стол; от грязного ручника полосами грязь по столу. Станет эту грязь в другую сторону стирать. Эту сотрет, новая налипнет. Бросит стол, станет лавку вытирать.

Стр. 154, строка 14.

Вместо: грязным ручником; – в «Кн. нед.»: грязными ручниками

Стр. 154, строка 15.

Вместо: говорит: – в «Кн. нед.»: и говорит

Стр. 154, строка 19.

Вместо: ручник – в «Кн. нед.»: ручники

Стр. 154, строка 19.

Вместо: тогда б – в «Кн. нед.»: тогда бы

Стр. 154, строка 21.

После: вымыла – в «Кн. нед.»: столы, лавки, всё чисто стало

Стр. 154, строка 25.

После: а обод не загибается – в «Кн. нед.»: Помогай Бог, говорит. – Спаси Христос, говорят.

Стр. 154, строка 31.

Вместо: Да вы, братцы, стуло-то укрепите, – в «Кн. нед.»: Да вы бы, братцы, стуло-то укрепили.

Стр. 154, строка 35.

Вместо: гуртовщикам – в «Кн. нед.»: пастухам

Стр. 154, строка 36.

После: разводят – в «Кн. нед.»: они

Стр. 154, строка 37.

После: зажгли – в «Кн. нед.»: и

Стр. 155, строка 1.

Вместо: сырого хворосту. – в «Кн. нед.»: сырой хворост

Стр. 155, строка 2.

Вместо: гуртовщики – в «Кн. нед.»: пастухи

Стр. 155, строка 3.

После: Долго бились – в «Кн. нед.»: так пастухи

Стр. 155, строка 25.

Вместо: гуртовщики – в «Кн. нед.»: пастухи

Стр. 155, строка 26.

Вместо: Занялся хворост, разгорелся костер. – в «Кн. нед.»: Занялись дрова, затрещали

Стр. 155, строка 19.

Вместо: старец – в «Кн. нед.»: старик

Стр. 155, строка 24.

После: как они – в «Кн. нед.»: телушку гоняют и

Стр. 155, строки 30–31.

Вместо: и про мужиков – в «Кн. нед.»: про мужиков

Стр. 155, строка 33.

Вместо: Выслушал старец, вернулся – в «Кн. нед.»: Выслушал старец. Вернулся.

Стр. 156, строка 3.

Слов: три чудака – «в Кн. нед.» нет.

Стр. 156, строка 15.

После: А стал – в «Кн. нед.»: так;

Стр. 156, строка 22–23.

Вместо: мертвый на лавочке – в «Кн. нед.»: на лавочке мертвый

Стр. 156, строка 25.

После: Только выкопал – в «Кн. нед.»: на третий день

Стр. 156, строка 28.

Вместо: старец помер – в «Кн. нед.»: помер старец.

Стр. 156, строка 29.

Похоронили люди – в «Кн. нед.»: с крестником вместе

Стр. 156, строка 29.

Вместо: крестнику – в «Кн. нед.»: ему

Стр. 156, строки 32–33.

Вместо: делает – в «Кн. нед.»: исполняет.

Стр. 156, строка 34.

Вместо: Стало к нему много народу ходить – в «Кн. нед.»: Стали к нему ходить, с ним советоваться, наставленья просить.

Стр. 156, строка 37.

Вместо: И стал так жить крестник – в «Кн. нед.»: И хорошо стало жить крестнику.

Стр. 157, строка 20.

После: А этот злом хвалится. – в «Кн. нед.»: хотел крестник прочь уйти, да подумал.

Стр. 157, строка 20.

Слов: Ничего не сказал в «Кн. нед.» нет.

Стр. 157, строка 32.

Вместо: не послушаю. – в «Кн. нед.»: не слушаю

Стр. 157, строка 37.

Вместо: И тебя бы нынче – в «Кн. нед.»: И сейчас бы тебя

Стр. 157, строка 38.

Вместо: уехал. – в «Кн. нед.»: поехал прочь

Стр. 157, строка 38.

Вместо: И не проезжал больше разбойник – в «Кн. нед.»: С тех пор стал крестник бояться разбойника. Но не проезжал

Стр. 157, строка 40.

Слов: восемь лет – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 158, строка 2.

В «Кн. нед.» глава XI начинается словами: Прожил так крестник еще восемь лет и скучно ему стало.

Стр. 158, строка 3.

Вместо: отдохнуть – в «Кн. нед.» позавтракал

Стр. 158, строка 5.

Слов: и скучно ему стало – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 158, строка 5.

После: раздумался – в «Кн. нед.» нет слова: он

Стр. 158, строка 7.

После: кормится. – в «Кн. нед.»: и обещался 2-х лишних человек убить, за то, что он ему про Бога помянул.

Стр. 158, строка 7.

Вместо: И оглянулся крестник – в «Кн. нед.»: Раздумался крестник, оглянулся.

Стр. 158, строка 15.

Слов: так, чтобы – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 158, строка 16.

Вместо: а новых – в «Кн. нед.»: новых

Стр. 158, строка 10.

Слов: от людей укрыться. – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 158, строки 24–25.

Слов: что хочет он от народа уйти в такое место, чтобы никто к нему не ходил – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 121, строка 29.

Вместо: и про пищу. – в «Кн. нед.»: про пищу.

Стр. 158, строка 40.

После: Не стал его догонять разбойник в «Кн. нед.»: обругался и уехал

Стр. 158–159, строки 40–2.

Слов: только сказал: Два раза простил тебя, старик, в третий не попадайся – убью! Сказал так и уехал. – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 159, строка 3.

Перед: Пошел вечером – в «Кн. нед.»: Перешел крестник на новое место.

Стр. 159, строка 3.

После: Пошел вечером – в «Кн. нед.» нет слова: крестник.

Стр. 159, строка 12.

После: И жил так крестник. – в «Кн. нед.»: хорошо

Стр. 159, строки 12–14.

Слов: Только одно у него горе... кончая: не успеешь грехов выкупить. – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 159, строка 17.

Вместо: свое дело исполнять – в «Кн. нед.»: к реке, набрал в рот воды, полил на головешку, пошел еще; сходил сто раз и

Стр. 159, строка 27.

Вместо: смочил – в «Кн. нед.»: мочил

Стр. 159, строка 18.

Вместо: у головешек – в «Кн. нед.»: у головешки

Стр. 159, строки 19–20.

Слов: и думает... кончая: только подумал так – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 159, строка 21.

Вместо: и думает – в «Кн. нед.»: думает

Стр. 159, строка 21.

Перед: Кроме Бога ни худого, – в «Кн. нед.»: надо схорониться за дерево. А то убьет ни за что, так не успеешь грехов выкупить. Только начал за дерево заходить, да и думает

Стр. 159, строка 21–22.

После слов: ни от кого мне не будет – в «Кн. нед.»: А куда же от него спрячешься. Вышел из-за дерева крестник, не стал прятаться

Стр. 159, строка 22.

Слов: и пошел к разбойнику навстречу – в «Кн. нед.» нет

Стр. 159, строка 25.

После: стал перед лошадью – в «Кн. нед.»: Сказал разбойник: Жив еще? или тебе смерти хочется? – Сказал крестник: (Куда ты...).

Стр. 159, строка 26.

Слòва: говорит – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 159, строка 30.

Вместо: Да не пустил крестник.... кончая: Отпусти, – говорит, – этого человека. – в «Кн. нед.»: Ухватил крестник лошадь за узду, не пускает и просит, чтобы он купцова сына пустил

Стр. 159, строка 33.

Слов: на него – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 159, строки 34–35.

Вместо: Иль, говорит... кончая: убью. Пусти. – в «Кн. нед.»: Пусти, говорит, а то и тебе то же будет. Я на твою святость не посмотрю.

Стр. 159, строка 37.

После: Не боюсь – в «Кн. нед.»: говорит

Стр. 159, строка 40.

Вместо: Отпусти человека. – в «Кн. нед.»: Не пущу, говорит.

Стр. 160, строка 6.

Слòва: еще (после: стал ему) – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 160, строка 16.

После: как они себя мучают. – в «Кн. нед.»: оттого, что Бога не знают

Стр. 160, строка 20.

Вместо: и думает: – в «Кн. нед.»: думает

Стр. 160, строка 20.

После: не поймет. – в «Кн. нед.»: А всё сказать надо – тоже человек

Стр. 160, строка 21.

Вместо: Подумал сперва так, а потом передумал. – в «Кн. нед.»: подумал так и

Стр. 160, строка 21.

После: вышел – в «Кн. нед.»: к нему

Стр. 160, строка 22.

Вместо: Едет разбойник... кончая: Поглядел на него крестник – в «Кн. нед.»: Только увидал разбойника

Стр. 160, строка 24.

Вместо: его за колена. – в «Кн. нед.»: лошадь за повод, остановил его

Стр. 160, строка 28.

Вместо: братец. Перемени – в «Кн. нед.»: понапрасну. Брось.

Стр. 160, строка 29.

Слова: отвернулся – в «Кн. нед.» нет.

Стр. 160, строка 30.

Вместо: Отстань, в «Кн. нед.»: Пусти

Стр. 160, строки 31–32.

Вместо: Обхватил... кончая: и слезами заплакал. – в «Кн. нед.»: Не пускает крестник и слезами обливается – плачет. Братец, говорит, пожалей себя.

Стр. 160, строка 34.

После: перед крестником на колена. – в «Кн. нед.»: и тоже заплакал.

Стр. 161, строка 2.

Вместо: ты от людей уходил и узнал, – в «Кн. нед.»: увидал

Стр. 161, строка 3.

После: ничего ненужно. – в «Кн. нед.»: И стал я с тех пор тебе сухарей на сук вешать

Стр. 161, строки 8–9.

Перед: смерти не побоялся. – в «Кн. нед.»: за купцова сына послал и

Стр. 161, строка 15.

Вместо: А растаяло – в «Кн. нед.»: И растаяло

Стр. 161, строка 18.

Вместо: головешки были. – в «Кн. нед.»: две яблони были и одна головешка.

Стр. 161, строка 18.

После: Подошли они. – в «Кн. нед.»: нет головешки

Стр. 161, строки 18–19.

Вместо: а из последней головешки тоже – в «Кн. нед.»: а из нее уж третья большая

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«КРЕСТНИК».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Основную тему «Крестника» Толстой взял из общеизвестной и чрезвычайно распространенной легенды, которая встречается в русской и иноязычной литературе и говорит или о Христе – крестном отце сына бедного мужика или о крестнице пресвятой девы. Известен также кроме народных повестей, сказаний и сказок и апокриф, излагающий ту же легенду; в старой русской литературе этот апокриф носит название «Повесть о сыне крестном, како Господь крестил младенца убогого человека».

Начало работы Толстого представляет собою отметки извлечений из книги «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым» (М. 1859), книги, которой он часто пользовался при писании своих народных рассказов, и две соединительные вставки, написанные Толстым

для связи и для цельности рассказа. Эти две вставки (всего 3 страницы) и есть собственно первая черновая будущей легенды – рассказа Толстого. В ней выписки из легенд Афанасьева Толстой обозначает просто цифрами страниц, не указывая, что значат эти цифры, именно: 99, 100, 101, и дальше 95–96, 97. На основании этих цифр, очевидно, по указанию Толстого, переписчик сделал копию выписок из книги Афанасьева и Толстовских соединительных вставок. Выписки из Афанасьева представляют собою части легенды «Крестный отец» и части легенды «Грех и покаяние» (вариант б). В приложении помещаем образец выборки выписок и самые выписки, дополненные связующими вставками (первой черновой). Следующая (2-я) редакция легенды дает решительную переработку всего текста при некоторых дополнениях под влиянием других вариантов тех же легенд, внесенных в книгу Афанасьева. В новой (3-й) редакции (две рукописи) встречаем несколько новых привходящих (сказочные сюжеты) эпизодов. За сим следовали еще три обработки постепенно более и более легкие.

Рассказ у Толстого сначала не имел названия; затем «Как крестник искупал чужие грехи», далее «Крестник, как человек снял на себя чужие грехи и как искупал их», потом то же название с заменой нескольких слов его: «Как человек на себя чужие грехи снял и как их выкупил», наконец просто «Крестник». В «Книжках недели» к названию прибавлено: «Народное сказание».

Судя по отметке С. А. Толстой на одной из рукописей «Крестника» «февраль 1886», работа шла в феврале 1886 г. Ту же, но только более точную дату работы дает одно из писем Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову – 22 февраля 1886 г.; здесь Толстой говорит: «сейчас – утро – хочу дописывать сказку о крестнике».

[2] Но конечно здесь говорится не об окончательной обработке, а об одной из средних редакций, скорее всего, самой крупной, 2-й. Предпоследняя (5-я) обработка рассказа (копия рукой В. Г. Черткова с многими поправками и переделками Толстого) относится, нужно думать, к марту 1886 г. Это выводим из того, что 6 апреля Чертков пишет Толстому, как шло дело с цензурой рассказа. «Крестник – пишет он – как рискованный рассказ я отдал в неподцензурное издание Книжки недели». «Там – читаем дальше – пропустили и теперь рассчитываю, что пропустят и для отдельной книжки». В «Книжке недели» рассказ напечатан в 4-м номере 1886 г. Последняя копия рассказа, принадлежащая С. А. Толстой, была лишь слегка пройдена Толстым перед сдачей в набор для XII т. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Произведения последних годов». 1886. Следующие поправки, уже незначительные, были сделаны в корректуре.

Дальнейшие затруднения в издании «Крестника» заключались в препятствиях со стороны цензуры на отдельное издание «Крестника». В. Г. Чертков писал Толстому в декабре 1886 г., что «Крестника» безусловно запретили в отдельной книжке, несмотря на наше изменение и на то, что я... говорил о нем и с председателем комитета и с

секретарем, который там всем заправляет». «Петербургская цензура – читаем там же – получила сильные выговоры за выпущенные наши книжки и приказание относиться как можно строже. А потому всё, что имеет духовный оттенок, они пересылают для справки и снятия с себя ответственности в духовную цензуру, а это равносильно для наших изданий запрещению. Так и было с Крестником. Духовная цензура дала отзыв, что не знает «книги безбожнее этой».

[3] Таким образом «Посреднику», несмотря на все старания, тогда не удалось напечатать «Крестника»; он добился напечатания только в 1906 г.

Приложение.

Крестный отец.

Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. М. 1859. 30, стр. 99–101

Рассказ Толстого.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был бедной мужик с женою; детей у них не было. Стали они просить бога, чтобы дал им детище во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Создал им господь детище. Обрадовался мужик, пошел к соседу и начал просить в кумовья: «Пожалуй, говорит, приведи младенца в крещеную веру». Сосед отказался, за тем, что мужик-то был очень беден. Пошел он к другому, и тот отказался. Всю деревню исходил, никто к нему не идет в кумовья. Что делать? Пошел мужик в иную деревню. Идет путем-дорогою и попадаетея ему навстречу незнакомый старец. «Здорово, добрый человек! Куда идешь, куда путь держишь?» – Здорово, дедушка! Дал мне господь детище: во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души; да вот прилучилось какое горе: человек я бедной, никто и не идет ко мне привести младенца в крещеную веру. – «Возьми меня». Мужик несказанно тому обрадовался и благодарствовал старику. «Ну, говорит старец, ступай теперь к богатому купцу, проси дочь его в крестные матери». – Ах, нареченный кум! Как мне к купцу идти? Он мною побрезгает. – «Не твоя печаль! Ступай и проси. Да смотри, чтоб к завтраму к утру всё было готово». Бедный мужик воротился домой, запрёг лошадь и поехал в

город к богатому купцу. «Что надеть?» спрашивает купец. – Да вот, господин купец! Дал мне Господь детище во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Пожалуй, отпусти свою дочь в крёсные –. «А когда у тебя кстины?» – Завтра утром». – «Ну хорошо; ступай с богом, она приедет». На другой день по утру приехала кума, пришел и кум, и окстили младенца. Распрощались и пошли по своим местам.

Жил был бедный мужик с женою; детей у них не было. Стали они просить Бога, чтобы дал им детище во младости на посмотрение, под старость на утешение, а по смерти на помин души. Создал им Господь детище.....

Стал младенец возрастать, да такой умной да доброй, всем соседям на зависть. Отдали его учиться грамоте; которые учатся лет по пяти, а он всю науку в год окончал, всех перегнал. Пришла святая неделя. Отслушал мальчик заутреню и раннюю обедню, ходил к крёсной матери, похристосовался, воротился домой и спрашивает: «Батюшка и матушка! где живет мой крёсной? Я бы к нему пошел похристосовался». «Любезный сын, говорят они, мы и сами не знаем; как окрестил он тебя – с той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слыхали». «Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крёсного».

И пошел он куда глаза глядят. Шел, шел, вышел в чистое поле и повстречался ему старец. «Здравствуй, говорит старец, куда идешь, куда путь держишь?»

«Здорово, дедушка, иду искать крёсного». «Я твой крёсной, говорит старик; пойдем со мною».

..... Здорово, дедушка, иду искать крёсного.

А старик–то был сам господь и повел он своего крестника в царство небесное; привел и приказывает:

Я твой крёстный... Приходи ко мне через три дня. Хотел старец дальше идти, да остановил его крестник. Какже я тебя, батюшка, найду. А вот иди всё на восход солнца. Всё прямо иди. Придет тебе село. Примечай,

что там люди делают, пройди село насквозь, прямо иди, пройдешь день, придет гора, в камнях вся. Найдешь людей, примечай, что там люди делают. Иди прямо на гору, пройдешь еще день, придет степь. Увидишь в степи пожар, примечай, как люди пожар тушат. Пройдешь пожар, иди прямо, пройдешь день, увидишь палаты. Это мой дом. Я тебя сам там встречу.

Сказал это старец и ушел от крестника.

Пошел крестник, как велел ему старец. Шел, шел, пришел к селу. Видит мужики стоят по пояс в земле, заступами землю с места на место перекидывают; что, говорит, вы делаете. Колодцы копаем. Да вы бы землю в сторону кидали. Стали мужики так делать. Спасибо сказали. Пришел мужик в село, видит – бабы моют к празднику, грязными ветошками столы обтирают. Что больше трут, то грязнее, а ветошек не переменяют. Да вы бы ветошки переменяли, чистые бы брали. Спасибо сказали бабы. Прошел дальше, пришел к горе. Видит – очищают люди от камней поле под горой. Возьмут камень и покатают на гору. Докотят до половины, ослабнут, бросят. Камень скатится назад, да еще с горы камни собьет, всё больше и больше камней прибавляется. Научил их мальчик. Да вы бы камни не на гору, а по ровному убирали. Спасибо сказали, стали так делать. Пошел дальше, пришел в степь. Видит – горит степь и народ бегаёт тушит, раскидывает по степи, а то ухватит с огнем бурьяну и несет в степь, бросает. А степь дальше загорается. Научил и их мальчик. Да вы бы не раскидывали, а кафтанами да ногами заминали, где горит. Скорее бы потух[ло]. Спасибо сказали люди, стали так делать. Пошел дальше мальчик, пришел к палатам. Стоит старец у дверей. Ввел его в палаты и сказал: Смотри и т. д.

«Смотри, крестник, по всем палатам гуляй, не входи только в эту дверь». Сказал и ушел от него; остался мальчик один. Вот он ходил, ходил по всем палатам и вздумал себе: от чего так не велел мне крёсной входить в эту комнату? Дай пойду, посмотрю – что там такое? Вошел и увидел там разбойника, а теперь перед ним на коленях стоит человек; жалко ему стало того человека, ухватил он камень и убил разбойника. Вдруг является господь. «Не послушал, говорит, ты моего приказания! Этот разбойник убил в свою жизнь девять человек, а ты его грехи теперь на себя снял. Ступай же на землю и трудись, пока грехов своих не замолишь.

Вдруг является старец и т. д.

Пошел мальчик грехи замаливать.

Из легенды «Грех и покаяние». Шел он, шел и пришел в большой дремучий лес; увидел тропинку, пустился по этой тропинке и пришел к келье; начал стучаться, пустынник его и спрашивает: «Кто там?» – Грешник, святой отче! – «Подожди, молитву окончу». Окончил молитву, вышел из кельи и спрашивает: «Куда бог несет? и что надобно?» Рассказал ему странник. «Это грех великой! не ведаю, можно ли отмолить его. Ступай-ка ты по этой дорожке и дойдешь до другой кельи – там живет пустынник старей меня вдвое; может, он тебе и скажет...» Пошел странник дальше и дальше, приходит к келье и опять стучится. Пустынник стоял тогда на молитве. «Кто там?» – спрашивает он. – Грешник, святой отче! – «Подожди, молитву окончу». Окончил молитву, вышел и спрашивает: что за грешник такой? Странник рассказал про всё. «Коли хочешь отмаливать свои грехи, сказал ему пустынник, так пойдем со мною». Дал ему топор и привел к толстой березе: «Свали-ка эту березу и разруби ее на три части». Тот свалил березу с корня и разрубил на три части. Пустынник зажег эти три бревна; вот они горели, горели, и остались только три малые головешки. «Закопай ты эти головешки в землю, и день и ночь поливай их водою!» – сказал пустынник и ушел. Грешник зарыл три головешки в землю и начал поливать их и день и ночь; год поливал, и другой, и третий... долго-долго трудился: две головешки уж пустили отростки, а третья нет как нет! Пришел к нему пустынник, видит: выросло две березки, и говорит: «Бог простил тебе два греха – с матерью и сестрою, а третьего – с кумою ты еще не замолил у Господа. Вот стал мимо его по заре ездить какой-то человек: едет себе и всякой раз распевает веселые песни. «Дай спрошу, думает грешник, что это за человек ездит?» Вышел на дорогу, подождал немножко и видит: подъезжает тот самый человек и поет песню. Он сейчас схватил его лошадь за узду, остановил и спрашивает: «Кто ты таков и зачем поешь едакие песни?» Я разбойник, езжу по дорогам и убиваю людей; чем больше убью за ночь, тем веселее песню пою.

Шел он, шел и т. д.

рассказал ему мальчик. И сказал ему старик. «Ступай.... и т. д.

мальчик

Мальчик

А ты, говорит, что тут делаешь? «А я, говорит, вот грехи замаливаю, что я разбойника убил. Удивился разбойник, слез с лошади, посидел с ним. Поговорили они. Уехал разбойник, приехал другой раз. Стал чаще ездить.

И полюбил его мальчик и пожалел его, и бросить дурные дела уговаривал его. А разбойник стал его уговаривать с ним жить. И подумал мальчик: «Не так мне сказал пустынный, или не так я понял его. Вот уж двадцать лет живу, не прорастает головешка. Пойду с разбойником. Может остановлю его и бросит он, меня полюбив, свои плохие дела.

И что про меня худое скажут, так мне все одно. И пошел он последний раз посмотреть на свою головешку – глядь, а уж из головешки яблоня выросла, и цветы цветут.

Увидел это разбойник, покаялся, бросил свои худые дела и пошел с мальчиком вместе жить, людям служить.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ сохранился в восьми рукописях, корректурном оттиске в гранках и в корректуре в листах. Четыре рукописи и корректура принадлежат к Архиву, переданному В. Г. Чертковым в ГТМ, и хранятся в папке № 9, под №№ 27, 28, 29, 29а и 30.

Четыре остальных рукописи хранятся в АТБ, под шифрами: V. 514.

Корректура в листах хранится в ГЛМ.

1) Рукопись ГТМ, №27. 4°, 2 л. нелинованной писчей бумаги. Автограф. Отрывки первоначальной черновой со ссылками на страницы «Русских народных легенд» Афанасьева, указывающими на те места, которые нужно было выписать: 99, 100, 101 и 95–96.

2) Рукопись АТБ 51. Копия рукою В. Г. Черткова с поправками и дополнениями Толстого. Тетрадь линованной бумаги в синей обложке, 14 лл. (лл. 11–14 чистые). Половина л. 13 об. и л. 14 целиком писаны Толстым. Заглавие рукою Толстого: «Какъ крестникъ искупаль чужіе грѣхи». Дальше – эпиграф его же рукою: «Вамъ сказано: око за око и зубъ за зубъ, а я говорю вамъ не противься злему. Мф. V. 38, 39... Вы слышали (и пр. [неразобр.] и еще выписать 43, 44)». Начало: «Жиль–быль бѣдный мужикъ съ женою»... На обложке рукою С. А. Толстой: «Как крестник искупал чужие грехи. Февраль 1886. Гр. Л. Т.»

3) Рукопись 52. Копия с предыдущей рукою С. А. Толстой, с авторскими поправками, дополнениями и перестановками текста. 4°, 17 лл. (л. 14, 8° – вкладной). Заглавие переделано рукою Толстого так: «Крестникъ. Какъ человекъ на себя чужіе грѣхи снялъ и какъ ихъ выкупилъ». Эпиграф из Евангелия от Матф. V. 38, 39. Другой эпиграф – Матф. V. 43, 44 выписан, но рукою Толстого зачеркнут. Начало: «Жиль былъ бѣдный мужикъ съ женою» – зачеркнуто и написано: «Родила баба бѣдному мужику сына»; это зачеркнуто и написано: «Рожались у бѣдного мужика все одни дѣвочки и» – и тоже зачеркнуто и оставлено написанное дальше с переправкой малой буквы на большую: «Родился у бѣдного мужика сынъ»... На л. 5 на полях приписано С. А. Толстой: «С 5–го вторично переписано».

4) Рукопись 53. 4°, 12 лл. нелинованной писчей бумаги. Копия рукою С. А. Толстой с поправками и дополнениями Толстого. Рукопись неполная и представляет собою остатки от предыдущей рукописи. Здесь имеются: л. 5, дополнение к нему рукою Толстого на двух отдельных листах, л. 6, 7, 8, 13, 14, 15, 16 и 17–й. Все они в переписанном виде вошли в рукопись 52 (о чем в этой рукописи и сделана отметка на л. 5) за исключением лл. 1–4, которые вторично не переписывались. Заглавие рукою С. А. Толстой: «Крестникъ». Начало словами: «Замка на ней нѣтъ, только печати». На л. 1 под заглавием рукою Толстого вкось написано

«Поле затопталь Медвѣдица съ медвѣжатами.

Поле затопталь

Деревню съ – [два слова зачеркнуты]

Свой домъ сжегъ».

Приписки эти относятся к предыдущей рукописи. На л. 4 об. – отдельные мысли к «Смерти Ивана Ильича», начало: «Онъ лежалъ и пр[осилъ] чтобы пожалѣли, но он сѣдой – предсѣдатель»... и черновик начала письма, предназначенного для перевода на английский язык. Начало: «Dear Sir. Я получилъ ваше письмо и книгу»...

5) Рукопись 54. Копия с рукописи 52. 4°, 20 л. нелинованной писчей бумаги фабрики Говарда. Л. 1–5 – рукою неизвестного, а с половины л. 5 об. – рукою С. А. Толстой. С поправками и дополнениями Толстого. Заглавие сначала было написано полностью, как в рукописи V. 52, но подзаголовок вычеркнут рукою Толстого, оставлено только «Крестникъ». Начало: «Родился у бѣднаго мужика сынъ»... На обложке (л. 1) под заглавием карандашом рукою М. А. Стаховича написано: «соч. Л. Н. Толстой, исправил Мих. Стахович». Эпиграф из Матф. V. 38, 39 написан рукою переписчика, а рукою Толстого еще эпиграф: «Мнѣ отмщеніе и Азь воздамъ».

6) Рукопись ГТМ, № 29. Расшитая тетрадь в синей обложке, 4°, 20 л. Содержит полный текст рассказа в копии рукою В. Г. Черткова с рукописи 54. С поправками Толстого. Заглавие: «Крестникъ». Эпиграф: «Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злomu». Матф. V. 38, 39. «Мнѣ отмщеніе и Азь воздамъ». Посл. к Евр. X, 30. Начало: «Родился у бѣднаго мужика сынъ»... Текст рукописи совпадает с напечатанным в «Книжках Недели» 1886 г., апрель, стр. 121–141.

7) Рукопись № 28. Копия частью рукою Т. Л. Сухотиной, частью другим почерком. 4°, 6 л. (л. 3 пустой; л. 4 чистый с лицевой стороны; л. 2 – чистый с оборота). Это копия страниц: 9, 10, 13, 14, 19 опять 10-й рукописи № 29 страница в страницу. Без авторских поправок. Заключает в себе:

1. Отрывок главы 5-й, начиная со слов: «Подивился мальчикъ и пошелъ дальше»..., кончая словами: «Походиль, походиль крестникъ по палатамъ и подошелъ».

2. Отрывок той же 5-й главы со слов: «деѣлами занялся. Вскочила крестная» – до конца, – и всю 6-ю главу.

3. Отрывок 8-й главы со слов: «столы, лавки, все чисто стало. На утро распрощался крестникъ» – до конца.

4. Начало 9-й главы, кончая словами: «какие такие чужие грехи на тебе?»

8) Рукопись № 30-а. 4°, 19 л. Копия с рукописи 29. С поправками Толстого. Писана рукою С. А. Толстой, с типографскими пометками, буквою Ч на каждой странице и фамилиями наборщиков на полях. Заглавие: «Крестникъ». Эпиграфы те же, что и в рукописи № 29. Начало: «Родился у бѣднаго мужика сынъ»... Текст совпадает с напечатанным в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого, ч. 12. Произведения последних годов. М. 1886 г., стр. 499–518. Поправки, сделанные в этой рукописи, не вошли в текст, напечатанный в «Книжках Недели».

9) Корректурa № 30. Корректурные гранки текста, напечатанного в «Книжках Недели», 7 полос. Поправки только в типографских знаках и сделаны рукою не Толстого. Заглавие: «Крестник («Народное сказание»)».

10) В ГЛМ (шифр 2457/2) хранится верстка, очевидно, предпоследней корректуры, стр. 500–518, начиная с конца 5 главы, со слов: жила. Видит замужем она за купцом и до конца сноски. В конце корректуры надпись: «Исправив прислать к вечеру. Гр. С. Толстая». На полях страниц значительное количество стилистических правок рукой Толстого, которые все вошли в текст издания 1886 г.

В настоящем издании текст рассказа печатается по «Сочинениям гр. Л. Н. Толстого», ч. 12. М. 1886 г., стр. 499–518, с исправлениями по рукописям.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий

учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатаваем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», подготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо

«который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

2

Том 85, стр. 324.

3

См. т. 85, стр. 422.

Лев Николаевич

Толстой

Два старика

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYУ

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ДВА СТАРИКА.

Иоан. IV, 19. – Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк.

20. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.

21. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться отцу.

22. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев.

23. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе.

I.

Собрались два старика Богу молиться в старый Иерусалим. Один был богатый мужик, звали его Ефим Тарасыч Шевелев. Другой был небогатый человек Елисей Бодров.

Ефим был мужик степенный, водки не пил, табаку не курил и не нюхал, черным словом весь век не ругался, и человек был строгий и твердый. Два срока проходил Ефим Тарасыч в старостах и высадился без начета. Семья у него была большая: два сына и внук женатый, и все жили вместе. Из себя он был мужик здоровый, бородастый и прямой, и на седьмом десятке только стала седина в бороде пробивать. Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, хаживал прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и водил пчел. Один сын в добычу ходил, другой – дома. Человек был Елисей добродушный и веселый. Пивал и водку, и табак нюхал, и любил песни петь, но человек был смиренный, с домашними и с соседями жил дружно.

Из себя Елисей был мужичок невысокий, черноватенький, с курчавой бородкой и, по своему святому – Елисею пророку, с лысиной во всю голову.

Давно пообещались старики и сговорились вместе идти, да всё Тарасычу недосуг было: не переমেжались у него дела. Только одно кончается, другое затевается: то внука женит, то из солдатства сына меньшого поджидает, а то избу затеял новую класть.

Сошлись раз старики праздником, сели на бревнах.

– Что ж, – говорит Елисей, – когда оброк отбивать пойдем? Поморщился Ефим.

– Да погодить, – говорит, – надо, год нынче мне трудный вышел. Затеял я эту избу класть, думал, что-нибудь на сотню накинута, а она уж в третью лезет. И то всё не довел. Видно, уж до лета. На лето, коли Бог даст, непременно пойдём.

– На мой разум, – говорит Елисей, – откладывать нечего, идти надо нынче. Самое время – весна.

– Время-то время, да дело расчато, как его бросить?

– Разве у тебя некому? Сын дела поделает.

– Как поделает-то! Большак-то у меня не надежен – зашибает.

– Помрем, кум, будут жить и без нас. Надо и сыну поучиться.

– Так-то так, да всё хочется при своем глазе дело свершить.

– Эх, милый человек! Дел всех никогда не перевершишь. Вот намердись у меня бабы к празднику моют, убираются. И то надо и другое, всех дел не захватят. Старшая сноха, баба умная, и говорит: «Спасибо, – говорит, – праздник приходит, нас не дожидается, а то, – говорит, – сколько б ни делали, всего бы не переделали».

Задумался Тарасыч.

– Денег, – говорит, – много извел я в эту постройку; а в поход тоже не с пустыми руками идти. Деньги немалые – 100 рублей.

Засмеялся Елисей.

– Не грехи, – говорит, – кум. Твой достаток против моего в 10 раз, а ты про деньги толкуешь. Только скажи, когда выходить – у меня и нет, да будут.

Ухмыльнулся и Тарасыч.

– Вишь богач какой объявился, – говорит, – где ж возьмешь-то?

– Да дома поскребу – наберу сколько-нибудь; а чего не хватит – ульев с десяток с выставки соседу отдам. Давно уж просит.

– Роевщина хорошая будет, тужить будешь.

– Тужить?! Нет, кум! В жизнь ни о чем, кроме о грехах, не тужил. Дороже души ничего нет.

– Оно так, да всё неладно, как по дому неуправка.

– А как у нас по душе-то неуправка будет, тогда хуже. А обрелись – пойдём! Право, пойдём.

II.

И уговорил Елисей товарища. Подумал, подумал Ефим, на утро приходит к Елисею.

– Что ж, пойдём, – говорит, – правду ты говоришь. В смерти да в животе Бог волен. Пока живы да силы есть, идти надо.

Через недельку собрались старики.

У Тарасыча были деньги дома. Взял он себе 100 рублей на дорогу, 200 рублей старухе оставил.

Собрался и Елисей; продал соседу 10 ульев с выставки, и приплод, сколько будет от 10 колодок, тоже соседу. Взял за все 70 рублей. Остальные 30 рублей по дому под метелочку у всех обобрал. Старуха свои последние отдала, на похоронки берегла; сноха свои дала.

Приказал Ефим Тарасыч все дела старшему сыну: и где сколько покосов взять, и куда навоз вывезти, и как избу выделать и покрыть. Всякое дело обдумал – всё приказал. А Елисей только наказал старухе, чтоб от проданных ульев молодых особо сажать и соседу без обмана отдать, а про домашние дела и говорить не стал: само дело, мол, покажет, что и как делать надо. Сами хозяева, для себя сделаете как лучше.

Собрались старики. Напекли домашних лепешек, пошили сумки, отрезали онуч новых, обули бахилки новые, взяли запасных лаптей и пошли. Проводили домашние их за околицу, распрощались, и пошли старики в путь–дорогу.

Вышел Елисей с веселым духом и как отошел от деревни, так все дела свои забыл. Только и думки у него, как бы дорогой товарищу угодить, как бы кому грубого слова не сказать, как бы в мире и любви до места дойти и домой вернуться. Идет Елисей дорогой и всё сам про себя либо молитву шепчет, либо жития, какие знает, на память твердит. А сойдется на пути с человеком или на ночлег придет, со всяким норовит как бы поласковее обойтись да по-Божьи слово сказать. Идет – радуется. Одного дела не мог сделать Елисей. Хотел бросить табак нюхать и тавлинку дома оставил, да скучно стало. Дорогой дал ему человек. И нет–нет, отстанет от товарища, чтоб его в грех не вводить, и понюхает.

Идет и Ефим Тарасыч хорошо, твердо, худого не делает и пустого не говорит, да нет у него легости на душе. Не выходит у него из головы забота про домашнее. Всё поминает, что дома делается. Не забыл ли чего сыну приказать и так ли сын делает? Увидит по дороге – картофель сажать или навоз везут, и думает: так ли по приказу его сын делает. Так бы, кажется, вернулся и всё бы показал и сам сделал.

III.

Шли пять недель старики, домашние лапти избили, уж новые покупать стали и пришли в хохлатчину. От дома шли, за ночлег и за обед платили, а пришли к хохлам, стали их на перебой к себе люди зазывать. И пустят, и покормят, и денег не берут, а еще на дорогу в сумки им хлеба, а то и лепешек накладывают. Прошли так вольно старики сот семь; прошли еще губернию и пришли в неурожайное место. Пускать пускали и денег за ночлег не брали, а кормить перестали. И хлеба не везде давали, другой раз и за деньги не добьются. Прошлый год, рассказывал народ, не родилось ничего. Которые богаты были, разорились, всё распродали; которые средственно жили – на-нет сошли; а бедняки – так или уехали совсем, или по-миру ходят, или дома кое-как перебиваются. Зимой мякину или лебеду ели.

Ночевали раз старики в местечке, купили хлеба фунтов 15, переночевали и вышли до зорьки, чтоб подальше до жару уйти. Прошли верст 10 и дошли до речки, сели, зачерпнули воды в чашку, помочили хлебца, поели и переобулись. Посидели, отдохнули. Достал Елисей рожок. Покачал на него головой Ефим Тарасыч.

– Как, – говорит, – такую пакость не бросить!

Махнул рукой Елисей.

– Пересилил, – говорит, – меня грех, что сделаешь!

Поднялись, пошли дальше. Прошли еще верст десяток. Пришли в большое село, прошли всё насквозь. И уж жарко стало. Уморился Елисей, захотелось ему и отдохнуть и напиться да не останавливается Тарасыч. Тарасыч в ходьбе крепче был, и трудненько было Елисею за ним тянуться.

– Напиться бы, – говорит.

– Что ж, напейся. Я не хочу.

Остановился Елисей.

– Ты, – говорит, – не жди, я только забегу вон в хатку, напьюсь. Живой рукой догоню.

– Ладно, – говорит. – И пошел Ефим Тарасыч один вперед по дороге, а Елисей повернул к хатке.

Подошел Елисей к хатке. Хатка небольшая, мазаная; низ черный, верх белый, да облупилась уж глина, давно, видно, не мазана, и крыша с одного бока раскрыта. Ход в хатку со двора. Вошел Елисей на двор; видит – у завалинки человек лежит безбородый, худой, рубаха в портки – по-хохлацки. Человек, видно, лег в холодок, да солнце вышло прямо

на него. А он лежит и не спит. Окликнул его Елисей, спросил напиться – не отозвался человек. «Либо хворый, либо неласковый», подумал Елисей и подошел к двери. Слышит – в хате дитя плачет. Постучал Елисей кольцом. «Хозяева!» Не откликаются. Постучал еще посошком в дверь. «Крещеные!» Не шевелятся. «Рабы Божии!» Не отзываются. Хотел Елисей уж и прочь идти, да слышит – из-за двери ровно охает кто-то. «Уж не беда ли какая-нибудь с людьми? Поглядеть надо!» И пошел Елисей в хату.

IV.

Повернул Елисей кольцо – не заперто. Отложил дверь, прошел через сенцы. Дверь в хату отперта. Налево печь; прямо передний угол; в углу божница, стол; за столом – лавка; на лавке в одной рубахе старуха простоволосая сидит, голову на стол положила, а подле ней мальчишка худой, как восковой весь, а брюхо толстое, старуху за рукав дергает, а сам ревмя-ревет, чего-то просит. Вошел Елисей в хату. В хате дух тяжелый. Смотрит – за печью на кровати женщина лежит. Лежит ничком и не глядит, только хрипит и ногу то вытянет, то подтянет. И швыряет ее с боку на бок, и от нее-то дух тяжкий, – видно под себя ходит и убрать ее некому. Подняла голову старуха, увидала человека.

– Чого, – говорит, – тобі треба? чого треба? Нема, чоловіче, нічого.

Понял Елисей, что она говорит, подошел к ней.

– Я, – говорит, – раба Божия, напиться зашел.

– Нема, кажу, нема. Нема чого й взяти. Іди собі.

Стал Елисей спрашивать. – Что ж, и здорового у вас али никого нет женщину убрать?

– Та нема нікого; чоловік на дворі помира, а ми туточки.

Замолчал было мальчик – чужого увидал, да как заговорила старуха, опять ухватил ее за рукав: «Хліба, бабусю! хліба» – и опять заплакал.

Только хотел спросить Елисей старуху, ввалился мужик в хату, прошел по стенке и хотел на лавку сесть, да не дошел и повалился в угол у порога. И не стал подыматься, стал говорить. По одному слову отрывает, скажет – отдышится, другое скажет.

– І болість, – говорит, – напала, голодні. Ось з голоду помирають! – показал мужик головой на мальчику и заплакал.

Встряхнул Елисей сумку за плечами, выпростал руки, скинул сумку

наземь, потом поднял на лавку и стал развязывать. Развязал, достал хлеб, ножик, отрезал ломоть, подал мужику. Не взял мужик, а показал на мальчика и на девочку, – им, мол, дай. Подал Елисей мальчику. Почуял мальчик хлеб, потянулся, ухватил ломоть обеими ручонками, с носом в ломоть ушел. Вылезла из-за печки еще девочка, уставилась на хлеб. Подал и ей Елисей. Отрезал еще кусок и старухе дал. Взяла и старуха, стала жевать.

– Воды бы, – говорит, – принести, уста запеклись. Хотела, говорит, я – вчера ли, сегодня, уж и не помню – принести, упала, не дошла, и ведро там осталось, коли не взял кто.

Спросил Елисей, где колодезь у них. Растволковала старуха. Пошел Елисей, нашел ведро, принес воды, напоил людей. Поели ребята еще хлеба с водой, и старуха поела, а мужик не стал есть. «Не принимает, – говорит, – душа». Баба – та вовсе не поднималась и в себя не приходила, только металась на кровати. Пошел Елисей на село в лавку, купил пшена, соли, муки, масла. Разыскал топоришко, нарубил дров, стал печку топить. Стала ему девочка помогать. Сварил Елисей похлебку и кашу, накормил людей.

V.

Поел мужик немножко, и старуха поела, а девочка с малышом и чашку всю вылизали и завалились обнявшись спать.

Стали мужик с старухой рассказывать, как всё это с ними случилось.

– Жили мы, говорят, и допрежь того небогато, а тут не родилось ничего, стали с осени проедать, что было. Проели всё – стали у соседей и добрых людей просить. Сперва давали, а потом отказывать стали. Которые бы и рады дать, да нечего. Да и просить–то совестно стало: всем должны – и деньгами, и мукой, и хлебом. Искал, – говорит мужик, – я себе работы – работы нет. Народ везде из-за корму в работу набивается. День поработаешь, да два так ходишь – работы ищешь. Стали старуха с девчонкой ходить в даль побираться. Подаяние плохое, ни у кого хлеба нет. Всё–таки кормились кое–как, думали, – пробьемся так до новины. Да с весны совсем подавать перестали, а тут и болезнь напала. Пришло совсем плохо. День едим, а два нет. Стали траву есть. Да с травы ли, али так, напала на бабу болезнь. Слегла баба, и у меня, – говорит мужик, – силы нет. И поправиться не с чего.

– Одна я, – говорит старуха, – билась, да из сил выбилась без еды и ослабла. Ослабла и девчонка, да и заробела. Посылали ее к соседям – не пошла. Забилась в угол и нейдет. Заходила соседка позавчера, да увидала, что голодные да больные, повернулась да и ушла. У ней у самой муж ушел, а малых детей кормить нечем. Так вот и лежали – смерти ждали.

Отслушал их речи Елисей да и раздумал в тот же день идти догонять товарища и заночевал тут. На утро встал Елисей, взялся по дому за работу, как будто сам он и хозяин. Замесил с старухой хлеба, истопил печку. Пошел с девчонкой по соседям добывать, что нужно. Чего ни хватится – ничего нет, всё проедено: ни по хозяйству, ни из одежды. И стал Елисей припасать то, что нужно: что сам сделает, а что купит. Пробыл так Елисей один день, пробыл другой, пробыл и третий. Справился малыш, ходить стал по лавке, к Елисею ластится. А девочка совсем повеселела, во всех делах помогает. Все за Елисеем бегают: «дїду! дїдусю!» Поднялась и старуха, к соседочке прошла. Стал и мужик по стенке ходить. Лежала только баба, да и та на третий день очнулась и стала есть просить. «Ну, – думает Елисей, – не чаял я столько времени прогулять, теперь пойду».

VI.

На четвертый день подошли розговены, и думает Елисей: «дай уж разговюсь с людьми, куплю им кое-чего для праздника, а на вечер и пойду». Пошел Елисей опять на село, купил молока, муки белой, сала. Наварили, напекли они, с старухой, а на утро сходил Елисей к обедне, пришел, разговелся с людьми. Встала в этот день и баба, стала бродить. А мужик побрился, чистую рубаху надел – старуха выстирала, – пошел на село к богатому мужику милости просить. Заложены были богатому мужику и покос и пашня, – так пошел просить, не отдаст ли покоса и пашни до новины. Вернулся к вечеру хозяин скучный и заплакал. Не помиловал богатый мужик, говорит: «принеси деньги».

Задумался опять Елисей. «Как им, – думает, – теперь жить? Люди косить пойдут, им нечего: покос заложен. Поспеет рожь – люди убирать примутся (да и родилась же она хорошо, матушка!), а им и приждать нечего: продана у них десятина ихняя богатому мужику. Уйду я, они опять так же собьются». И разбился Елисей мыслями и не пошел с вечера – отложил до утра. Пошел спать на двор. Помолился, лег и не может заснуть: и идти-то надо – уж и так и денег и времени много провел, и людей жалко. «Всех, видно, не оделишь. Хотел им водицы принести да хлебца по ломтю подать, а она вишь куда хватила. Теперь уж – покос да пашню выкупи. А пашню выкупи, – корову ребятам купи да лошадь мужику снопы возить. Видно, запутлялся ты, брат Елисей Кузьмич. Разъякорился и толков не найдешь!» Поднялся Елисей, взял кафтан из-под головы, развернул, достал рожок, понюхал, думал мысли прочистить, ан нет: думал, думал, ничего не придумал. И идти надо и людей жалко. А как быть не знает. Свернул кафтан под голову и опять лег. Лежал, лежал, уж и петухи пропели, и совсем засыпать стал. Вдруг ровно разбудил его кто. Видит он, будто одет он совсем, и с сумкой и с посохом, и надо ему в ворота пройти, а отложены ворота, только чтоб пролезть одному. И идет он в ворота и зацепил с одной стороны сумкой; хотел отцепить, зацепился с другой стороны онучей, и онуча развязалась. Стал отцеплять, ан зацепился не за плетень, а это

девчонка держит, кричит: «діду, дідусю, хліба!» Поглядел на ногу, а за онучу мальшок держит, из окна старуха и мужик глядят. Проснулся Елисей, заговорил с собой в голос. «Выкуплю, – говорит, – завтра пашню и покос, и лошадь куплю и муки до новины, и корову ребятам куплю. А то пойдешь за морем Христа искать, а в самом себе потеряешь. Надо справить людей!» И заснул Елисей до утра. Проснулся Елисей рано. Пошел к богатому мужику – рожь выкупил, отдал деньги и за покос. Купил косу, – и та продана была, – принес домой. Послал мужика косить, а сам пошел по мужикам: отыскал у кабачника продажную лошадь с телегой. Сторговался, купил, купил и муки мешок, на телегу положил и пошел корову покупать. Идет Елисей и нагоняет двух хохлушек. Идут бабы, промеж себя балакают. И слышит Елисей, что говорят бабы по-своему, а разбирает, что про него говорят.

– Бач, оце його значала не пізнали, така думка: простий чоловік. Зайшов, кажуть, напиться, та і там і зажив. Чого, чого не накупав він ім. Сама бачила, як свого дні у шинкаря коняку з возом купив. Ні мабуть таки э люди на світі. Треба піти подивиться.

Услыхал это Елисей, понял, что его хвалят, и не пошел корову покупать. Вернулся к кабачнику, отдал деньги за лошадь. Запрёг и поехал с мукой к хате. Подъехал к воротам, остановился и слез с телеги. Увидали хозяева лошадь – подивились. И думается им, что для них он лошадь купил, да не смеют сказать. Вышел хозяин, отворил ворота.

– Откуда, – говорит, – конь у тебя, дедушка?

– А купил, – говорит. – Дешево попалась. Накоси, мол, в ящик травки ей на ночь положить. Да и мешок сними.

Отпрёг хозяин лошадь, снес мешок в амбар, накосил беремя травы, положил в ящик. Легли спать. Елисей лег на улице и туда с вечера свою сумку вынес. Заснул весь народ. Поднялся Елисей, увязал сумку, обулся, одел кафтан и пошел в путь за Ефимом.

VII.

Отошел Елисей верст 5. Стало светать. Сел он под дерево, развязал сумку, стал считать. Сосчитал, осталось денег 17 р. 20 копеек. «Ну, – думает, – с этим за море не переедешь! А Христовым именем собирать – как бы греха больше не было. Кум Ефим и один дойдет, за меня свечку поставит. А на мне, видно, оброк до смерти останется. Спасибо, Хозяин милостивый – потерпит».

Поднялся Елисей, встряхнул сумой за плечами и пошел назад. Только село то обошел кругом, чтоб его люди не видали. И домой скоро дошел Елисей. Туда шел – трудно казалось, через силу другой раз тянулся за Ефимом; а назад пошел, так ему Бог дал, что идет и устали не знает.

Идет играючи, посошком помахивает, по 70 верст в день уходит.

Пришел Елисей домой. Уж с поля убрались. Обрадовались домашние своему старику, стали расспрашивать: как и что, отчего от товарища отстал, отчего не дошел, домой вернулся? Не стал рассказывать Елисей.

– Да не привел, – говорит, – Бог; растерял дорогой деньги и отстал от товарища. Так и не пошел. Простите ради Христа!

И отдал старухе остальные деньги. Расспросил Елисей про домашние дела: всё хорошо, все дела переделали, упущенья в хозяйстве нет, и живут все в мире и согласии.

Услыхали тем же днем и Ефимовы, что вернулся Елисей, пришли спрашивать про своего старика. И им то же сказал Елисей.

– Ваш, – говорит, – старик здорово пошел, разошлись мы, – говорит, – за три дня до Петрова дни; хотел я было догонять, да тут такие дела подошли: растерял я деньги и не с чем стало идти, так и вернулся.

Подивился народ: как так человек умный да так глупо сделал, – пошел и не дошел, только деньги провел? Подивились и забыли. И Елисей забыл. Взялся за работу по дому: заготовил с сыном дров на зиму, обмолотил с бабами хлеб, прикрыл сараи, убрал пчел, отдал 10 колодок пчел с приплодом соседу. Хотела его старуха утаить, сколько от проданных колодок отроилось, да Елисей сам знал, какие холостые, какие роились, и соседу вместо десяти семнадцать отдал. Убрался Елисей, уснул сына на заработки, а сам засел на зиму лапти плести и колодки долбить.

VIII.

Весь тот день, как остался Елисей в хате у больных людей, ждал Ефим товарища. Отошел он недалеко и сел. Ждал, ждал, соснул, проснулся, еще посидел – нет товарища. Все глаза проглядел. Уж солнце за дерево зашло, – нет Елисея. «Уж не прошел ли, – думает, – мимо меня, или не проехал ли (подвез кто), не приметил меня, пока я спал. Да нельзя же не видеть ему. В степи далеко видно. Пойти назад, – думает – а он вперед уйдет. Расстрянемся с ним, еще того хуже. Пойду вперед, на ночлеге сойдемся». Пришел в деревню, попросил десятского, чтобы если придет такой старичок, отвести его в ту же хату. Не пришел на ночлег Елисей. Пошел дальше Ефим, спрашивал всех: не видали ли старичка лысенького? Никто не видал. Подивился Ефим и пошел один. «Сойдемся, – думает, – где-нибудь в Одессе и на корабле», и перестал думать.

Сошелся дорогой с странником. Странник в скуфье, в подряснике и с длинными волосами, был и на Афоне и в другой раз идет в Иерусалим. Сошлись на ночлеге, разговорились и пошли вместе.

Дошли до Одессы хорошо. Трое суток прождали корабля. Богомольцев много дождалось. Были с разных сторон. Опять порасспросил Ефим про Елисея – никто не видал.

Выправил Ефим билет заграничный – 5 рублей стало. Отдал 40 целковых за проезд туда и обратно, закупил хлеба, селедок на дорогу. Погрузили корабль, перевезли богомольцев, сел и Тарасыч с странником. Подняли якоря, отчалили, поплыли морем. День хорошо плыли; к вечеру поднялся ветер, пошел дождь, стало качать и корабль заливать. Взметался народ, стали бабы голосить, и из мужчин, которые послабее, стали по кораблю бегать, места искать. Нашел и на Ефима страх, только виду не показал: как где сел с прихода па полу, рядом с тамбовскими стариками, так и сидел всю ночь и день другой весь; только свои сумки держали и ничего не говорили. Затихло на третий день. На пятый день пристали к Царьграду. Которые странники высаживались на берег, ходили смотреть храм Софии–Премудрости, где теперь турки владеют; Тарасыч не высаживался, на корабле просидел. Только булки белой купил. Простояли сутки, опять поплыли морем. Остановивались еще у Смирны города, у другого города Александрии и доплыли благополучно до Яфы города. В Яфе высадка всем богомольцам: 70 верст пешеходу до Иерусалима. Тоже при высадке набрался страху народ: корабль высокий и с корабля вниз на лодки народ кидают, а лодку качает, того и гляди не угодит в лодку, а мимо; человек двух замочило, а высадились все благополучно. Высадились, пошли пеши; на третий день к обеду дошли до Иерусалима. Стали за городом, на Русском подворье, билеты прописали, пообедали, пошли с странником по святыням. К самому гробу Господню еще впуску не было. Пошли в патриарший монастырь, собрали туда всех поклонников, посадили женский пол и мужской пол особо. Велели разуться и сесть кругом. Вышел монах с полотенцем и стал всем ноги умывать; умоет, утрет и поцелует, и так всех обошел. Ефиму ноги обтер и поцеловал. Отстояли вечерню, заутреню, помолились, свечи поставили и подали поминанья за родителей. Тут и покормили и вино подносили. На утро пошли в келью Марии Египетской, где она спасалась. Поставили свечи, молебен отслужили. Оттуда в Авраамов монастырь ходили. Видели Савеков сад – место, где Авраам сына заколоть хотел Богу. Потом ходили на то место, где Христос явился Марии Магдалине, и в церковь Якова, брата Господня. Все места показывал странник и везде сказывал, сколько где денег подавать надо. К обеду вернулись на подворье, поели. И только стали укладываться спать, взмахался странник, стал свою одежду перебирать – шарить.

Вытащили, – говорит, – у меня портмонеет с деньгами, 23 рубля, – говорит, – было: две десятирублевые и три мелочью.

Потужил, потужил странник, делать нечего – легли спать.

IX.

Лег Ефим спать, и напало на него искушение. «Не вытаскивали, – думает, – у странника денег; у него, думается, их не было. Нигде он не подавал. Мне приказывал подавать, а сам не давал, да и у меня рубль взял».

Подумает так Ефим и начнет сам себя укорять: «Что, – говорит, – мне человека судить, грешу я. Не стану думать». Только забудется, опять станет поминать, как странник на деньги приметлив и как он непохоже говорит, что у него портмоне вытащили. «И не было, – думает, – у него денег. Один отвод».

На утро встали и пошли к ранней обедне в большой храм Воскресенья – к гробу Господню. Не отстают странник от Ефима, с ним вместе идет.

Пришли к храму. Народу – странников–богомольцев, и русских, и всяких народов, и греков, и армян, и турок, и сириян – собралось много. Пришел Ефим в Святые ворота с народом. Повел их монахи. Провел их мимо стражи турецкой к тому месту, где снят с креста Спаситель и помазан и где 9 подсвечников больших горят. Всё показывал и рассказывал. Поставил там свечку Ефим. Потом повели монахи Ефима на правую руку вверх по ступенькам на Голгофу, на то место, где крест стоял; там помолился Ефим. Потом показали Ефиму скважину, где земля до преисподней проселась; потом показывали то место, где прибывали руки и ноги Христа к кресту гвоздями; потом показали гроб Адама, где кровь Христа лилась на кости его. Потом пришли к камню, где сидел Христос, когда надевали на Него терновый венец; потом – к столбу, к которому привязывали Христа, когда били Его. Потом видел Ефим камень с двумя дырами для ног Христа. Хотели еще что-то показать, да заторопился народ: заспешили все к самой пещере гроба Господня. Отошла там чужая, началась православная обедня. Пошел Ефим с народом к пещере.

Хотел он отбиться от странника – всё в мыслях грешит он на странника – да не отстают от него странник, с ним вместе и к обедне ко гробу Господню пошел. Хотели они поближе стать, не успели. Стеснился народ так, что ни вперед, ни назад продора нет. Стоит Ефим, смотрит вперед, молится, а нет-нет и ощупает, тут ли кошель. Двоится у него в мыслях: первое думает – обманывает его странник; второе думает – коли не обманул, а вправду вытащили, так как бы и со мной того же не было.

Х.

Стоит так Ефим, молится и смотрит вперед, в часовню, где самый гроб и над гробом 36 лампад горят. Стоит Ефим, через головы смотрит, что за чудо! Под самыми лампадами, где благодатный огонь горит, впереди всех, видит, стоит старичок в кафтане сермяжном, блестит лысина во всю голову, как у Елисея Бодрова. «Похож, – думает, – на Елисея. Да

нельзя же ему быть! Нельзя ему прежде меня поспеть. Корабль до нас за неделю отходил. Нельзя ему было упредить. А на нашем корабле не было. Я всех богомольцев видел».

Только подумал так Ефим, стал молиться старичок и поклонился три раза: раз наперед Богу, а потом миру православному на обе стороны. И как повернул голову старичок на правую сторону, так и признал его Ефим. Самый он, Бодров, и есть – и борода черноватая, курчавая, и проседь на щеках, и брови, и глаза, и нос, и всё обличье его. Самый он, Елисей Бодров.

Обрадовался Ефим, что товарища нашел, и подивился, как так Елисей наперед его поспел.

– Ай да Бодров, – думает, – куда наперед пролез! Видно, с человеком таким сошелся, что провел его. Дай на выходе найду его, своего странника в скуфье брошу и с ним стану ходить, авось и он меня проведет наперед.

И всё смотрел Ефим, как бы не упустить ему Елисея. Да отошли обедни, зашатался народ, пошли прикладываться, затеснились, отдавили в сторону Ефима. Опять напал на него страх, как бы, думает, кошель не вытащили? Прижал рукой кошель Ефим и стал продираться, только бы на простор выбраться. Выбрался на простор, ходил-ходил, искал-искал Елисея тут и в храме. Тут же в храме по кельям всякого народа много видел: которые тут же и едят, и пьют вино, и спят, и читают. И нет нигде Елисея. Вернулся Ефим на подворье, – не нашел товарища. В этот вечер странник не приходил. Пропал, и рубля не отдал. Остался Ефим один.

На другой день пошел опять Ефим к гробу Господню с тамбовским стариком, на корабле с ним ехал. Хотел пролезть наперед, да опять отдавили его, и стал он у столба и молится. Поглядел наперед, – опять под лампадами у самого гроба Господня на переднем месте стоит Елисей, руки развел, как священник у алтаря, и блестит лысина во всю голову. «Ну, – думает Ефим, – теперь уж не упущу его». Полез продираться наперед. Продрался – нет Елисея. Видно, ушел. И на третий день опять у гроба Господня смотрит – в самом святом месте стоит Елисей на самом на виду, руки развел и глядит кверху, точно видит что над собой. И светится его лысина во всю голову. «Ну, – думает Ефим, – теперь уж не упущу его, пойду к выходу стану. Там уж не разминемся». Вышел Ефим, стоял-стоял, полдён простоял: весь народ прошел – нет Елисея.

Пробыл шесть недель Ефим в Иерусалиме и побывал везде: и в Вифлееме, и в Вифании, и на Иордане, и на новую рубаху печать у гроба Господня наложил, чтобы похорониться в ней, и воды из Иордана в стклянку взял, и земли и свечей с благодатным огнем взял, и в восьми местах поминанья записал, извел все деньги, только бы домой дойти. И пошел Ефим назад к дому. Дошел до Яфы, сел на корабль, приплыл в Одессу и пошел пешеходом домой.

XI.

Едет Ефим один тем же путем. Стал к дому приближаться, опять напала на него забота, как без него дома живут. «В год, – думает, – воды много утечет. Дом целый век собираешь, а разорить дом недолго. Как-то без него сын дела повел, как весна вскрылась, как скотина перезимовала, так ли избу выделали?» Дошел Ефим до того места, где он запрошлый год расстался с Елисеем. Народу и узнать нельзя. Где запрошлый год бедствовал народ, нынче все достаточно живут. Родилось хорошо в поле. Поправился народ и прежнее горе забыли. Подходит вечером Ефим к тому самому селу, где запрошлый год Елисей отстал. Только вошел в село, выскочила из-за хатки девочка в белой рубахе.

– Дід! дідко! до нас заходи.

Хотел Ефим пройти, да не пускает девочка, ухватила за полу, тащит к хате, а сама смеется.

Вышла на крыльцо и женщина с мальчиком, тоже манит:

– Заходи, мол, дедушка, поужинать – переночуешь.

Зашел Ефим. «Кстати, – думает, – про Елисея спрошу: никак в эту самую хатку он тогда и напиток заходил».

Вошел Ефим, сняла с него женщина сумку, умыться подала, посадила за стол. Молока достала, вареников, каши – поставила на стол. Поблагодарил Тарасыч, похвалил людей за то, что они странников привечают. Покачала головой женщина.

– Нам, – говорит, – нельзя странников не привечать. Мы от странника жизнь узнали. Жили мы, Бога забыли, и наказал нас Бог так, что все только смерти ждали. Дошли летось до того, что все лежали – и есть нечего и больны. И помереть бы нам, да наслал нам Бог такого же, вот как ты, старичка. Зашел он среди дня напиток, да увидел нас, пожалел, да и остался с нами. И поил, и кормил, и на ноги поставил, и землю выкупил, и лошадь с телегой купил, у нас кинул.

Вошла в хату старуха, перебила речь женщины.

– И сами мы не знаем, – говорит, – человек ли был или ангел Божий. Всех-то любил, всех-то жалел, и ушел – не сказался, и молить за кого Бога – не знаем. Как теперь вижу: лежу я, смерти жду, смотрю – вошел старичок, немудрененький, так лысенький, воды напиток. Еще я подумала, грешная: что шляются? А он вон что сделал! Как увидел нас, сейчас сумочку долой, вот на этом месте поставил, развязал.

Вступилась и девочка.

– Нет, – говорит, – бабушка, он прежде сюда посередь хаты поставил сумку, а потом на лавку убрал.

И стали они спорить и все его слова и дела поминать: и где он сидел, и где спал, и что делал, и что кому сказал.

На ночь приехал и мужик-хозяин на лошади, тоже стал про Елисея рассказывать, как он у них жил.

– Не приди он к нам, – говорит, – мы бы все в грехах померли. Помиралы мы в отчаянии, на Бога и на людей роптали. А он нас и на ноги поставил, и через него мы и Бога узнали, и в добрых людей уверовали. Спаси его Христос! Прежде как скоты жили, он нас людьми сделал.

Накормили, напоили люди Ефима, положили спать и сами легли.

Лежит Ефим и не спит, и не выходит у него из головы Елисей, как он видел его в Иерусалиме три раза в переднем месте.

«Так вот он где, – думает, – опередил меня! Мои труды приняты, нет ли, а его-то принял Господь».

На утро распрощались люди с Ефимом, наклали ему пирожков на дорогу и пошли на работу, а Ефим – в путь-дорогу.

XII.

Ровно год проходил Ефим. На весну вернулся домой.

Пришел он домой к вечеру. Сына дома не было: в кабаке был. Пришел сын выпивши, стал его Ефим спрашивать. По всему увидал, что замотался без него малый. Деньги все провел дурно, дела упустил. Стал его отец шунять. Стал сын грубиянить.

– Ты бы, – говорит, – сам поворочал, а то ты ушел ходить да еще деньги с собой унес все, а с меня спрашиваешь.

Рассерчал старик, побил сына.

На утро вышел Ефим Тарасыч к старосте о сыне поговорить, идет мимо Елисеева двора. Стоит старуха Елисеева на крылечке, здороваётся:

– Здорово, кум, – говорит; – здорово ли, касатик, сходил?

Остановился Ефим Тарасыч.

– Слава Богу, – говорит, – сходил; твоего старика потерял, да, слышу, он домой вернулся.

И заговорила старуха – охотница была покалякать.

– Вернулся, – говорит, – кормилец, давно вернулся. Вскоре после Успенья никак. Уж и рады же мы были, что его Бог принес! Скучно нам без него. Работа уж от него какая, – года его ушли. А всё голова, и нам веселей. Уж и парень–то как радовался! Без него, – говорит, – как без света в глазу. Скучно нам без него, желанный, любим мы его, уж как жалеем.

– Что ж, дома, что ль, он теперь?

– Дома, родной, на пчельнике, рои огребают. Хороша, – баит, – роевщина. Такую Бог дал силу пчеле, что старик и не запомнит. Не по грехам, – баит, – Бог дает. Заходи, желанный, уж как рад–то будет.

Пошел Ефим через сени, через двор на пчельник к Елисею. Вошел на пчельник, смотрит – стоит Елисей без сетки, без рукавиц, в кафтане сером под березкой, руки развел и глядит кверху, и лысина блестит во всю голову, как он в Иерусалиме у гроба Господня стоял, а над ним, как в Иерусалиме, сквозь березку, как жар горит, играет солнце, а вокруг головы золотые пчелки в венец свились, вьются, а не жалят его. Остановился Ефим.

Окликнула старуха Елисеева мужа.

– Кум, – говорит, – пришел!

Оглянулся Елисей, обрадовался, пошел куму навстречу, полегонечку пчел из бороды выбирает.

– Здорово, кум, здорово, милый человек... Хорошо сходил?

– Ноги сходили, и водицы тебе с Иордана реки принес. Заходи, возьми, да принял ли Господь труды...

– Ну и слава Богу, спаси Христос.

Помолчал Ефим.

– Ногами был, да душой–то был ли, али другой кто...

– Божье дело, кум, Божье дело.

– Заходил тоже я на обратном в хату, где ты отстал...

Испугался Елисей, заторопился.

– Божье дело, кум, Божье дело. Что ж, заходи, что ли, в избу – медку принесу.

И замаял Елисей речь, заговорил про домашнее.

Воздохнул Ефим и не стал поминать Елисею про людей в хате и про то, что он видел его в Иерусалиме. II понял он, что на миру по смерти велел Бог отбывать каждому свой оброк – любовью и добрыми делами.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«ДВА СТАРИКА».

Варианты издания «Посредника» 1886 г. и «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая. М. 1886, стр. 65–90. В изд. 1886 г. указания на стихи Евангелия от Иоанна помещены перед началом каждого стиха; в изд. «Посредн.» – в конце всей цитаты. Сохраняем порядок изд. 1886 г. Украинские фразы вместо русских, помещенные в изд. 1886 г. и изд. «Посредник» и отсутствующие в рукописях, очевидно введенные в корректуре, сохраняются.

Стр. 83, строка 35.

Вместо: 100 рублей – в изд. «Посредн.»: 190 рублей

Стр. 86, строка 40.

Слова: на кровати – в изд. «Посредн.»: на полатях – в изд. 1886 г.: на полу

Стр. 87, строка 40.

Вместо: на кровати в изд. «Посредн.» и изд. 1886 г. – на полатях

Стр. 88, строка 8.

Вместо: а 4-х малых – в изд. «Посредн.» и изд. 1886 г.: а малых

Стр. 90, строка 31.

Вместо: отворил – в изд. 1886 г.: отворить

Стр. 91, строка 27.

Вместо: Петрова дни, – в изд. «Посредн.» и изд. 1886 г.: Петрова дня,

Стр. 92, строка 2.

Слов: или в Иерусалиме – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 92, строка 22.

После: никто не видал. – в изд. «Посредн.»: Научал странник Ефима, как без денег на корабле проехать да не послушал его Ефим Тарасыч. Я, – говорит, – лучше денежки отдам: на то и припасал.

Стр. 92, строки 23–25.

Слов: Выправил Ефим билет заграничный... кончая: селедок на дорогу. – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 92, строки 37–38.

Слов: Только булки белой купил – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 93, строка 6.

Вместо: на третий – в изд. «Посредн.»: на четвертый

Стр. 93, строка 6.

Вместо: по святыням – в изд. «Посредн.» и изд. 1886 г.: по святым.

Стр. 93, строки 9–16.

После: Пошли сначала... кончая: пошли в келью – в изд. «Посредн.» к утрени в патриарший монастырь, помолились, свечи поставили. Поглядели снаружи на храм Воскресения, где самый гроб Господень. Застроен весь храм так, что и не видать его. Только побывали в первый день в келье Марии Египетской, где она спасалась.

Стр. 93, строка 11.

После: молебен отслужили. – в изд. «Посредн.»: Хотели к обедни поспеть к гробу Господню, да опоздали.

Стр. 93, строка 18.

Вместо: Оттуда в Авраамов монастырь ходили – в изд. «Посредн.»: Пошли в монастырь Авраама.

Стр. 93, строка 22.

После: сколько где денег подавать надо. – в изд. «Посредн.»: и где свечи ставить

Стр. 93, строка 22.

Вместо: К обеду – в изд. «Посредн.»: Опять

Стр. 93, строка 23.

Слова: поели – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 93, строка 38.

Вместо: На утро встали – в изд. 1886 г.: Встали перед вечером

Стр. 94, строка 5.

Вместо: собралось много – в изд. «Посредн.»: видимо–невидимо

Стр. 94, строка 6.

Вместо: Провел их – в изд.: «Посредн.»: прошел

Стр. 94, строка 8.

Слов: Всё показывал и рассказывал. – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 94, строки 16–17.

Вместо: привязывали – в изд.: «Посредн.» привязали

Стр. 94, строки 34–35.

Слов: где благодатный огонь горит – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 95, строка 39.

Слов: полдён – в изд. «Посредн.» нет. Вместо: полдён – в изд. 1886 г. полдень

Стр. 95, строки 4–5.

Вместо: с благодатным огнем – в изд. «Посредн.»: в святом месте

Стр. 96, строка 5.

Слов: и в восьми местах поминанья записал, – в изд. «Посредн.» нет.

Стр. 96, строка 24.

Вместо: а сама – в изд. «Посредн.»: и сама

Стр. 97, строка 28.

Вместо: упредил – в изд. «Посредн.»: упредил

Стр. 97, строка 36.

Вместо: малый. – в изд. «Посредн.»: сын

Стр. 97, строка 37.

После: дела – в изд. «Посредн.»: всё

Стр. 98, строка 4.

Вместо: о сыне поговорить, – в изд. «Посредн.»: билет отдать

Стр. 98, строка 6.

Вместо: здорововоается – в изданиях: здоровкается:

Стр. 99, строка 10.

Вместо: по смерть велел Бог – в изд. «Посредника»: велел Бог по смерть

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«ДВА СТАРИКА».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Мысль притчи о двух стариках, давших обет посетить святую землю и двойко, различно исполнивших этот обет, Толстой заимствовал из рассказа, слышанного им в 1879–1880 г. от известного олонецкого прионежского сказителя легенд и былин В. П. Щеголёнка (см. о нем в комментарии к рассказу «Чем люди живы»). Толстой записал рассказ Щеголёнка очень сокращенно для памяти, только иногда с сохранением точных слов. В рассказе Щеголёнка так излагается эта притча:

«Два странника собрались в Иерусалим. Собрали денег. Пришел день. Один не пошел. Один пошел. Только пошел и видит: товарищ идет впереди и свечи ставит впереди, и путем не может догнать. И едут они к Царьграду на корабле. Идет материком человек и просится: возьмите. Возьмите его на лодку. Приехали – взяли. Лодка под воду идет как чугунина. Ну – я дар пошлю. И с даром ко дну. Вдруг погода сделалась. Все паруса поломало. И старичек слышал, что, кто ходит 3[жды] в Иерусалим, может Бога увидеть. Приходит домой, товарищ дома. Ты ходил? Нет. А я видел ты свечи ставил. Нет, я дома был,

семейство бедного кормил. Старичек пошел 2-й раз. Пошел 3-й раз. Попадает ему старичек. Разговорились. Рассказал. Попутный старичек сказал: это был демон. Приходит в храм, стоит. Крыши нет. Вдруг выпала звезда. Встрету солнцу пала на лампаду. И в 3-й пала звезда и опять пошла. Странник видит. И видит в затворе старичек еле жив. Надо заговорить. Отец святой. Мне бы поговорить, присел. Сказывают за 3 раза увидишь Бога. То Бог был. А что значит звезда. Истинна вера отпадает, а будет новая».

Из приведенных слов очевидно, что у Щеголёнка в рассказе соединилось несколько сюжетов. Толстой взял одну основную мысль. Главная мысль рассказа Толстого – это идея превышения желания сделать добро другому над стремлением к личному благу: «видит товарищ идет впереди, и свечи ставит впереди, и путем не может догнать». И потом: «приходит домой, товарищ дома. Ты ходил. Нет. А я видел ты свечи ставил. Нет, я дома был, семейство бедного кормил».

Другой подобный Щеголёнковскому рассказу напечатан в «Душеполезном чтении» 1871 г. мало известным писателем А. Ф. Ковалевским и назван им «Подвиг паломничества и подвиг человеколюбия». В этом рассказе повествуется про двух крестьян-украинцев, уговорившихся о своем путешествии в Иерусалим, из которых один внезапно отказался от общего намерения и остался дома. Когда другой добрался до святой земли, к удивлению его сосед, оставшийся дома, был уже там. Везде, где он ни был, он видел его не вдалеке; но всякий раз толпа народа отделяла его от него и он не мог добраться до товарища. Вернувшись домой, он узнал, что сосед его и не думал путешествовать, узнал, что в то время, когда они готовились в путь, умер знакомый крестьянин, оставив после себя долги и малолетних сирот. На них он истратил свои деньги, которые собрал на путь, и должен был остаться дома. Тогда путник понял видение, бывшее ему в Иерусалиме.

Весьма возможно, что захваченный первой мыслью Щеголёнковского рассказа, Толстой многим воспользовался из рассказа Ковалевского. Ковалевский, очевидно, слышал легенду, которой части были знакомы Щеголёнку, но слышал в лучшей передаче.

Мысль, которую Толстой взял в основу своего рассказа, встречается в нашей литературе и относится к ее отдаленнейшему времени, к началу XII века: первый русский путешественник знаменитый Даниил игумен в введении к описанию своего путешествия говорит, что достижение той страны, которая прославлена подвигами и жизнью святых людей, как оно ни трудно, не может быть названо добрым делом, если человек, дойдя до святой земли «вознесется умом своим, яко нечто добро створит»; эти люди только губят «мзду труда своего». Но многие хорошие люди и находясь дома своими добрыми поступками достигают «мест сих святых»; они «большую мзду примут от Бога». Как видно эта мысль игумена Даниила совершенно та же, как та, которую проводит Толстой в изображении Елисея.

Уже после разрешения «Двух стариков» цензурой в письме к В. Г. Черткову 17 октября 1885 г. в ответ на его просьбу в письме 12 октября, Толстой послал распространенное заглавие своего рассказа: «Два старика или притча о том, что спастись можно во всяком месте».

Как пишет В. Г. Чертков, он просил Толстого так сделать, чтобы придать этому и другим рассказам «самую подходящую форму для лубочных изданий», и «значение в глазах покупателей». Но кроме того таким путем самим Толстым дается характеристика рассказа и определяется его смысл.

Толстой обработал свой рассказ перед июнем 1885 г. Н. Н. Страхов, бывший в июне в Ясной поляне, прочитал его по рукописи и тогда же в восторге от рассказа, написал Н. Я. Данилевскому, что «Свечка» и «Два старика» удивительны по своей художественности и чудесному смыслу» (18 июня 1885 г.).

[2] Но и после июня Толстой продолжал работать над рассказом и только, вероятно, в сентябре рассказ был представлен в цензуру от фирмы «Посредник». В. Г. Чертков и П. И. Бирюков еще в июле 1885 г. сделали некоторые замечания по поводу речей Елисея и употребления украинского языка, а А. М. Калмыкова относительно некоторых неточностей в изображении местного украинского быта.

4 октября 1885 г. получил разрешение текст рассказа, 17 октября – обложка. На обложке, спереди и сзади книжки, были помещены рисунки работы А. Д. Кившенка (1851–1895).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ сохранился в четырех рукописях и одном корректурном оттиске. Рукописи все принадлежат к Архиву, переданному В. Г. Чертковым ГТМ. Хранятся в папке 8 под №№: 15, 16, 17, 18 и 19.

1) № 15. Автограф, 4°, 7 листов нелинованной писчей бумаги фабрики Говарда, писана крупным почерком, с большими помарками, перечеркиваниями, перестановками и дополнениями на полях. Заглавие: «Два старика». Начало: «Собрались два старика Богу молиться»... Судя по чернилам, равномерно бледным на всех листах, рассказ написан очень быстро, может быть, в один прием. Имена стариков: Ермил Шевелев и Анисим Бодров.

Рассказ здесь еще краток, без подробностей. Ермил назван просто богатым мужиком, а Анисим – небогатым человеком; никаких подробностей о морском переезде Ермила нет; нет и странника в скуфье – спутника Ермила. Эпизода о заходе Ермила в хату, где помогал Анисим, тоже нет.

2) Рукопись № 16. Копия с предыдущей. 4°. 10 лл. писчей бумаги, фабрики Говарда. Писана рукою С. А. Толстой, с поправками и

дополнениями Толстого между строчками и на полях. Заглавие: «Два старика». Начало: «Собрались два старика Богу молиться»...

В дополнениях Толстого дано описание наружности стариков, их имущественного состояния и общественного положения. О Ермиле сказано, что он был мужик хозяйственный, водки не пил и дурным словом не ругался. Из себя он был худой, длинный, как шалаш, называли его бескишечным. Имя Анисима в одних местах изменено на Елисея, в других оставлено, и даже в дополнениях рукою Толстого попадает имя Анисим. Здесь значительно расширен и обработан эпизод о помощи Анисима (Елисея) голодным.

3) Рукопись № 17. Копия с рукописи № 16. 4°, на 19 лл. нелинованной писчей бумаги. Писана неизвестной рукою. Заглавие: «Два старика». Начало: «Собрались 2 старика Богу молиться»... Поправки и дополнения Толстого значительны и касаются, главным образом, подробностей внешнего описания действующих лиц. О Ермиле приписано, что он «два срока высидел в старшинах и высадился без начета», что он был человек хозяйственный и строгий. Семья была большая и все боялись его. Елисей (здесь так) на слова Ермила о ненадежности старшего сына возражает: «Были и мы молоды. Не безгрешные тоже. Надо и сыну поучиться».

Подробности того, что видел в Иерусалиме Ермил, здесь занимают больше страницы отдельно вставленного листа, писанного Толстым (л. 14), и большие вставки в тексте копии, преимущественно на полях. О том, как Ермил видел Елисея и разыскивал его, тоже рассказано в дополнениях Толстого на полях и в тексте. Эпизод о заходе Ермила на обратном пути в ту хату, где останавливался Елисей, и рассказ крестьян, из которого Ермил понял, что они говорят о Елисее, тоже вставлен на отдельном листе (л. 17). Конец – описание встречи и разговора Ермила с Елисеем по возвращении Ермила – несколько раз переделывался, зачеркивался, но в главном остался мало измененным сравнительно с первым наброском. На л. 1 сверху рукою Толстого написано: «Васил говор». Дальше написано карандашом его же рукою: Урус[ову], Панаев[у], Сытину. На том же листе рукою переписчика: № 1. Два старика. Черновая под № 1. Свечка под № 2.

4) Рукопись № 18. Копия рукою А. П. Иванова. 4°. 28 лл. С небольшими поправками рукою Толстого, но с большими отличиями от предыдущей; несомненно, что она скопирована не с № 17 рукописи, а с другой, следующей за ней и не сохранившейся, тоже, видимо, подвергшейся большим исправлениям и изменениям. Заглавие: Два старика. Начало (после эпитафии из ев. Иоанна IV. 19–23): «Собрались два старика Богу молиться»...

Рукопись № 18 носит следы пребывания в типографии и совпадает в общем с корректурными гранками № 19, представляющими, по всей вероятности, первую корректуру рассказа для издания «Посредник». Только в этой рукописи имеется эпитафия – выписка из Евангелия от Иоанна, глава IV, 19–23.

Имя Ермила изменено, повидимому, в предыдущей копии (не имеющейся в нашем распоряжении) на Ефима, и в поправках самого Толстого в

рукописи № 18 уже Ефим, а не Ермил.

5) № 19. Корректурные гранки для изд. «Посредник», 12 полос. Текст здесь, как уже сказано, совпадает с рукописью № 18 и сильно расходится с изданием «Посредник», цензурное разрешение для которого помечено: С–Петербург. 4 октября 1885 г.

В основу настоящего издания положен текст «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Часть 12. Произведения последних годов». М. 1886, стр. 63–83, проверенный и исправленный по рукописям, корректуре и изданию «Посредник». Разница в тексте между корректурой № 19 и изд. 1886 г. объясняется тем, что для изд. 1886 г. текст исправлялся, но корректуры не сохранились.

В эпиграфе указания на стихи Евангелия от Иоанна в рукописи № 18, корректуре и изд. 1886 г. поставлены перед началом каждого стиха; в изд. «Посредник» – после всей цитаты. Сохраняем порядок рукописи, корректуры и издания 1886 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и

Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек,

сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе.
М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

2

«Русский вестник» 1901 г. № 3, стр. 137.

Лев Николаевич

Толстой

Где любовь, там и Бог

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYU

Подготовлено на основе электронной копии 25–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90–томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25–му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYU, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYU FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ.

Жил в городе сапожник Мартын Авдеич. Жил он в подвале, в горенке об одном окне. Окно было на улице. В окно видно было, как проходили люди; хоть видны были только ноги, но Мартын Авдеич по сапогам узнавал людей. Мартын Авдеич жил давно на одном месте, и знакомства много было. Редкая пара сапог в околodge не побывала и раз и два у него в руках. На какие подметки подкинет, на какие латки положит, какие обошьет, а другой раз и новые головки сделает. И часто в окно он видал свою работу. Работы было много, потому что работал Авдеич прочно, товар ставил хороший, лишнего не брал и слово держал. Если может к сроку сделать – возьмется, а нет, так и обманывать не станет, вперед говорит. И знали все Авдеича, и у него не переводилась работа. Авдеич и всегда был человек хороший, но под старость стал он больше о душе своей думать и больше к Богу приближаться. Еще когда Мартын у хозяина жил, померла у него жена. И остался после жены один мальчик – трех годов. Дети у них не жили. Старшие все прежде померли. Хотел сначала Мартын сынишку сестре в деревню отдать, потом пожалел – подумал: тяжело будет Капитошке моему в чужой семье расти, оставлю его при себе. И отошел Авдеич от хозяина и стал с сынишкой на квартире жить. Да не дал Бог Авдеичу в детях счастья. Только подрос мальчик, стал отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болезнь, слег мальчик, погорел недельку и помер. Схоронил Мартын сына и отчаялся. Так отчаялся, что стал на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не раз просил у Бога смерти и укорял Бога за то, что Он не его, старика, прибрал, а любимого единственного сына. Перестал Авдеич и в церковь ходить. И вот зашел раз к Авдеичу от Троицы земляк–старичек – уж восьмой год странствовал. Разговорился с ним Авдеич и стал ему на свое горе жаловаться:

– И жить, – говорит, – Божий человек, больше не охота. Только бы помереть. Об одном Бога прошу. Безнадежный я остался теперь человек.

И сказал ему старичек:

– Не хорошо ты говоришь, Мартын, нам нельзя Божьи дела судить. Не нашим умом, а Божьим судом. Твоему сыну судил Бог помереть, а тебе – жить. Значит так лучше. А что отчаиваешься, так это оттого, что ты для своей радости жить хочешь.

– А для чего же жить–то? – спросил Мартын.

И старичек сказал:

– Для Бога, Мартын, жить надо. Он тебе жизнь дает, для Него и жить надо. Когда для Него жить станешь, ни о чем тужить не станешь, и всё тебе легко покажется.

Помолчал Мартын и говорит:

– А как же для Бога жить–то?

И сказал старичек:

– А жить как для Бога, то нам Христос показал. Ты грамоте знаешь?

Купи Евангелие и читай, там узнаешь, как для Бога жить. Там все показано.

И запали эти слова в сердце Авдеичу. И пошел он в тот же день, купил себе Новый Завет крупной печати и стал читать.

Хотел Авдеич читать только по праздникам, да как начал читать, так ему на душе хорошо стало, что стал каждый день читать. Другой раз так зачитается, что в лампе весь керосин выгорит, и всё от книги оторваться не может. И стал так читать Авдеич каждый вечер. И что больше читал, то яснее понимал, чего от него Бог хочет и как надо для Бога жить; и всё легче и легче ему становилось на сердце. Бывало, прежде, спать ложится, охает он и крехчет и всё про Капитошку вспоминает, а теперь только приговаривает: «Слава Тебе, слава Тебе Господи! Твоя воля». И с той поры переменялась вся жизнь Авдеича. Бывало прежде, праздничным делом захаживал и он в трактир, чайку попить, да и от водочки не отказывался. Выпьет бывало с знакомым человеком и хоть не пьян, а все-таки выходил из трактира навеселе и говаривал пустое: и окрикет и оговорит человека. Теперь всё это само отошло от него. Жизнь стала его тихая и радостная. С утра садится за работу, отработает свое время, снимет лампочку с крючка, поставит на стол, достанет с полки книгу, разложит и сядет читать. И что больше читает, то больше понимает и то яснее и веселее на сердце.

Случилось раз, поздно зачитался Мартын. Читал он Евангелие от Луки. Прочел он главу шестую, прочел он стихи: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними».

Прочел и дальше те стихи, где Господь говорит:

«Что вы зовете Меня: Господи, Господи! и не делаете того, что Я говорю? Всякий приходящий ко Мне, слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое».

Прочел эти слова Авдеич, и радостно ему стало на душе. Снял он очки, положил на книгу, облокотился на стол и задумался. И стал он примерять свою жизнь к словам этим. И думает сам с собой:

— Что, мой дом на камне или на песке? Хорошо, как на камне. И легко так-то, один сидишь, кажется всё и сделал, как Бог велит, а рассеешься и опять согрешишь. Всё ж буду тянуться. Уж хорошо очень. Помогите мне Господи!

Подумал он так, хотел ложиться, да жаль было оторваться от книги. И

стал читать еще 7-ю главу. Прочел он про сотника, прочел про сына вдовы, прочел про ответ ученикам Иоанновым и дошел до того места, где богатый фарисей позвал Господа к себе в гости, и прочел о том, как женщина грешница помазала Ему ноги и омывала их слезами, и как Он оправдал ее. И дошел он до 44-го стиха и стал читать:

«И обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты сию женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал, а ода с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги». Прочел он эти стихи и думает: «Воды на ноги не дал, целования не дал, головы маслом не помазал»...

И опять снял очки Авдеич, положил на книгу и опять задумался.

«Такой же видно, как я, фарисей-то был. Тоже, я чай, только об себе помнил. Как бы чайку выпить, да в тепле, да в холе, а нет того, чтобы об госте подумать. Об себе помнил, а об госте и заботушки нет. А гость-то кто? Сам Господь. Кабы ко мне пришел, разве я так бы сделал?»

И облокотился на обе руки Авдеич и не видал, как задремал.

– Мартын! вдруг как задышало что-то у него над ухом.

Встрепенулся Мартын с просонок:

– Кто тут?

Повернулся он, взглянул на дверь – никого. Прикурнул он опять. Вдруг явственно слышит:

– Мартын, а Мартын! смотри завтра на улицу, приду.

Очнулся Мартын, поднялся со стула, стал протирать глаза. И не знает сам, – во сне или наяву слышал он слова эти. Завернул он лампу и лег спать.

На утро до света поднялся Авдеич, помолился Богу, истопил печку, поставил щи, кашу, развел самовар, надел фартук и сел к окну работать. Сидит Авдеич, работает, а сам все про вчерашнее думает. И думает на двое: то думает – померещилось, а то думает, что и вправду слышал он голос. – Что ж, думает, бывало и это.

Сидит Мартын у окна, и столько не работает, сколько в окно смотрит, и как пройдет кто в незнакомых сапогах, изогнется даже, выглядывает из окна, чтобы не одни ноги, а и лицо увидеть. Прошел дворник в новых валенках, прошел водовоз, потом поровнялся с окном старый солдат Николаевский в обшитых старых валенках с лопатой в руках. По валенкам узнал его Авдеич. Старика звали Степанычем, и жил он у соседнего купца из милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Стал против Авдеичева окна Степаныч счищать снег. Посмотрел на него Авдеич и опять взялся за работу.

– Вишь, одурел видно я со старости, – сам на себя посмеялся Авдеич.
– Степаныч снег чистит, а я думаю Христос ко мне идет. Совсем одурел, старый хрыч.

Однако стежков десяток сделал Авдеич, и опять тянет его в окно посмотреть. Посмотрел опять в окно, видит Степаныч прислонил лопату к стене, и сам не то греется, не то отдыхает.

Человек старый, ломаный, видно и снег–то сгребать силы нет. Подумал Авдеич: напоить его разве чайком, кстати и самовар ухотить хочет. Воткнул Авдеич шило, встал, поставил на стол самовар, залил чай и постучал пальцем в стекло. Степаныч обернулся и подошел к окну. Авдеич поманил его и пошел отворить дверь.

– Войди, погрейся, что–ль, сказал он. Озяб, чай.

– Спаси Христос и то – кости ломают, – сказал Степаныч.

Вошел Степаныч, отряхнулся от снега, стал ноги вытирать, чтобы не наследить на полу, а сам шатается.

– Не трудись вытирать. Я подотру, наше дело такое, проходи, садись, – сказал Авдеич. – Вот чайку выпей.

И Авдеич налил два стакана и подвинул один гостю, а сам вылил свой на блюдечко и стал дуть.

Выпил Степаныч свой стакан, перевернул дном кверху, и на него положил огрызок, и стал благодарить. А самому видно еще хочется.

– Кушай еще, – сказал Авдеич и налил еще стакан и себе и гостю.

Пьет Авдеич свой чай, а сам нет, нет на улицу поглядывает.

– Али ждешь кого? – спросил гость.

– Жду кого? И сказать совестно, кого жду: жду не жду, а запало мне в сердце слово одно. Виденье или так, сам не знаю. Видишь ли, братец ты мой; читал я вчера Евангелие про Христа Батюшку, как Он страдал, как по земле ходил. Слыхал ты, я чай?

– Слышать слыхал, отвечал Степаныч, да мы люди темные, грамоте не знаем.

– Ну вот, читал я про самое то, как Он по земле ходил, читаю я, знаешь, как Он к фарисею пришел, а тот Ему встречи не сделал. Ну так вот, читал, братец ты мой, я вчера про это самое и подумал: как Христа Батюшку честь честью не принял. Доведись, к примеру, мне или кому, думаю, и не знал бы, как принял. А он и приему не сделал. Вот подумал я так–то и задремал. Задремал я, братец ты мой, и слышу по имени кличет: поднялся я, голос, ровно шепчет кто–то, жди, говорит, завтра приду.

Да до двух раз. Ну вот, веришь ли, запало мне это в голову – сам себя браню, и всё жду Его, Батюшку.

Степаныч покачал головой и ничего не сказал, а допил свой стакан и положил его боком, но Авдеич опять поднял стакан и налил еще.

– Кушай на здоровье. Ведь тоже думаю, когда Он, Батюшка, по земле ходил, не брезговал никем, а с простым народом больше водился. Всё по простым ходил, учеников–то набирал всё больше из нашего брата, таких же, как мы грешные, из рабочих. Кто, говорит, возвышается, тот унижится, а кто унижается, тот возвысится. Вы Меня, говорит, Господом называете, а Я, говорит, вам ноги умою. Кто хочет, говорит, быть первым, тот будь всем слуга. Потому что, говорит, блаженны нищие, смиренные, кроткие, милостивые.

Забыл свой чай Степаныч, человек он был старый и мягкослезый. Сидит, слушает, а по лицу слезы катятся.

– Ну, кушай еще, – сказал Авдеич. Но Степаныч перекрестился, поблагодарил, отодвинул стакан и встал.

– Спасибо тебе, – говорит, – Мартын Авдеич, угостил ты меня, и душу, и тело насытил.

– Милости просим, заходи другой раз, рад гостю, – сказал Авдеич.

Степаныч ушел, а Мартын слил последний чай, допил, убрал посуду и опять сел к окну за работу – строчить задник. Строчит, а сам всё поглядывает в окно – Христа ждет, всё о Нем и об Его делах думает. И в голове у него всё Христовы речи разные.

Прошли мимо два солдата, один в казенных, другой в своих сапогах, прошел потом в чищенных калошах хозяин из соседнего дома, прошел булочник с корзиной. Все мимо прошли, и вот поровнялась еще с окном женщина в шерстяных чулках и в деревенских башмаках. Прошла она мимо окна и остановилась у простенка. Заглянул на нее из под окна Авдеич, видит женщина чужая, одета плохо и с ребенком, стала у стены к ветру спиной и укутывает ребенка, а укутывать не во что. Одежда на женщине летняя да и плохая. И из-за рамы слышит Авдеич, ребенок кричит, и она его уговаривает, никак уговорить не может. Встал Авдеич, вышел в дверь и на лестницу и кликнул:

– Умница! а умница! Женщина услышала и обернулась.

– Что же так на холоду с ребеночком стоишь? Заходи в горницу, в тепле–то лучше уберешь его. Сюда вот.

Удивилась женщина. Видит старик старый в фартуке, очки на носу, зовет к себе. Пошла за ним.

Спустились под лестницу, вошли в горницу, провел старик женщину к кровати.

– Сюда, – говорит, – садись умница, к печке ближе – погреешься и

покормишь младенца–то.

– Молока–то в грудях нет, сама с утра не ела, – сказала женщина, а всё–таки взяла к груди ребенка.

Покачал головой Авдеич, пошел к столу, достал хлеб, чашку, открыл в печи заслонку, налил в чашку щей, вынул горшок с кашей, да не упрела еще, налил одних щей и поставил на стол. Достал хлеба, снял с крючка утирку и на стол положил.

– Садись, – говорит, – покушай, умница, а с младенцем я посижу, ведь у меня свои дети были – умею с ними нянчиться.

Перекрестилась женщина, села к столу и стала есть, а Авдеич присел на кровать к ребенку. Чмокал, чмокал ему Авдеич губами, да плохо чмокается, зубов нету. Всё кричит ребеночек. И придумал Авдеич его пальцем пугать, замахнется–замахнется на него пальцем прямо ко рту и прочь отнимет. В рот не дает, потому палец черный, в вару запачкан. И засмотрелся ребеночек на палец и затих, а потом и смеяться стал. И обрадовался и Авдеич. А женщина ест, а сама рассказывает, кто она и куда ходила.

– Я, – говорит, – солдатка, мужа 8–й месяц угнали далеко, и слуха нет. Жила в кухарках, родила. С ребенком не стали держать. Вот третий месяц бьюсь без места. Проела всё с себя. Хотела в кормилицы – не берут – худа, говорят. Ходила вот к купчихе, там наша бабочка живет, так обещала взять. Я думала совсем. А она велела на той неделе приходить. А живет далеко. Изморилась и его сердечного замучила. Спасибо, хозяйка жалеет нас за ради Христа на квартире. А то бы и не знала, как прожить.

Воздохнул Авдеич и говорит:

– А одежи–то теплой али нет?

– Пора тут, родной, теплой одеже быть. Вчера платок последний за двугривенный заложила.

Подошла женщина к кровати и взяла ребенка, а Авдеич встал, пошел к стенке, порылся, принес старую поддевку.

– На, – говорит, – хоть и плохая штука, а всё пригодится завернуть.

Посмотрела женщина на поддевку, посмотрела на старика, взяла поддевку и заплакала. Отвернулся и Авдеич; полез под кровать, выдвинул сундучек, покопался в нем и сел опять против женщины.

И сказала женщина:

– Спаси тебя Христос, дедушка, наслал, видно Он меня под твоё окно. Заморозила бы я детище. Вышла я, тепло было, а теперь вот как студено завернуло. И наставил же Он, Батюшко, тебя в окно поглядеть, и меня горькую пожалеть.

Усмехнулся Авдеич и говорит:

– И то Он наставил. В окно–то я, умница, не спроста гляжу.

И рассказал Мартын и солдатке свой сон, и как он голос слышал, что обещался нынешний день Господь придти к нему.

– Всё может быть, – сказала женщина, – встала, накинула поддевку, завернула в нее детище и стала кланяться и опять благодарить Авдеича.

– Прими, ради Христа, – сказал Авдеич и подал ей двугривенный – платок выкупить. Перекрестилась женщина, перекрестился Авдеич и проводил женщину.

Ушла женщина; поел Авдеич щей, убрался и сел опять работать. Сам работает, а окно помнит, как потемнеет в окне, сейчас и взглядывает, кто прошел. Проходили и знакомые, проходили и чужие, и не было никого особенного.

И вот, видит Авдеич против самого его окна остановилась старуха, торговка. Несет лукошко с яблоками. Немного уж осталось, видно все распродала, а через плечо держит мешок щепок. Набрала, должно быть, где на постройке, к дому идет.

Да видно оттянул ей плечо мешок; захотела на другое плечо переложить, спустила она мешок на панель, поставила лукошко с яблоками на столбике, и стала щепки в мешке утрясать. И пока утрясала она мешок, откуда ни возьмись, вывернулся мальчишка в картузе рваном, схватил из лукошка яблоко и хотел проскользнуть, да сметила старуха, повернулась и сцапала малого за рукав. Забился мальчишка, хотел вырваться, да старуха ухватила его обеими руками, сбила с него картуз и поймала за волосы. Кричит мальчишка, ругается старуха. Не поспел Авдеич шила воткнуть, бросил на пол, выскочил в дверь, даже на лестницу спотыкнулся и очки уронил. Выбежал Авдеич на улицу: старуха малого треплет за вихры и ругает, к городскому вести хочет; малый отбивается и отпирается:

– Я, – говорит, – не брал, за что бьешь, пусти.

Стал их Авдеич разнимать, взял мальчика за руку и говорит:

– Пусти его, бабушка, прости его, ради Христа!

– Я его так прошу, что он до новых веников не забудет. В полицию шельмеца сведу.

Стал Авдеич упрашивать старуху:

– Пусти, – говорит, – бабушка, он вперед не будет. Пусти ради Христа!

Пустила его старуха, хотел мальчик бежать, но Авдеич придержал его.

– Проси, – говорит, – у бабушки прощенья. И вперед не делай, я видел, как ты взял.

Заплакал мальчик, стал просить прощенья.

– Ну, вот так. А теперь яблоко на, вот тебе.

И Авдеич взял из лукошка и дал мальчику.

– Заплачу, бабушка, – сказал он старухе.

– Набалуешь ты их так, мерзавцев, – сказала старуха. – Его так наградить надо, чтобы он неделю на задницу не садился.

– Эх, бабушка, бабушка, – сказал Авдеич. – По нашему-то так, а по Божьему не так. Коли его за яблоко высечь надо, так с нами то за наши грехи что сделать надо?

Замолчала старуха.

И рассказал Авдеич старухе притчу о том, как хозяин простил оброчнику весь большой долг его, а оброчник пошел и стал душить своего должника. Выслушала старуха, и мальчик стоял слушал.

– Бог велел прощать, – сказал Авдеич, – а то и нам не простится. Всем прощать, а несмысленному-то и поготово.

Покачала головой старуха и вздохнула.

– Так-то так, – сказала старуха, – да уж очень набаловались они.

– Так нам, старикам, и учить их, – сказал Авдеич.

– Так и я говорю, – сказала старуха. – У меня самой их семеро было, – одна дочь осталась.

И стала старуха рассказывать, где и как она живет у дочери, и сколько у ней внучат.

– Вот, – говорит, – сила моя уж какая, а всё тружусь. Ребят, внучат жалко, да и хороши внучата-то; никто меня не встретит, как они. Аксютка, так та ни к кому и не пойдет от меня. Бабушка, милая бабушка, сердечная... И совсем размякла старуха.

– Известно дело ребячье. Бог с ним, – сказала старуха на мальчика.

Только хотела старуха поднимать мешок на плечи, подскочил мальчик, и говорит:

– Дай я снесу, бабушка, мне по дороге. – Старуха покачала головой и взвалила мешок на мальчика.

И пошли они рядом по улице. И забыла старуха спросить у Авдеича деньги за яблоко. Авдеич стоял и всё смотрел на них и слушал, как

они шли и что-то всё говорили.

Проводил их Авдеич и вернулся к себе, нашел очки на лестнице, и не разбились, поднял шило и сел опять за работу. Поработал немного, да уж стал щетинкой не попадать и видит фонарщик прошел фонари зажигать. «Видно надо огонь засвечать», подумал он, заправил лампочку, повесил и опять принялся работать. Докончил один сапог совсем; повертел, посмотрел: хорошо. Сложил струмент, смел обрезки, убрал щетинки и концы и шилья, снял лампу, поставил ее на стол и достал с полки Евангелие. Хотел он раскрыть книгу на том месте, где он вчера обрезком сафьяна заложил, да раскрылась в другом месте. И как раскрыл Авдеич Евангелие, так вспомнился ему вчерашний сон. И только он вспомнил, как вдруг послышалось ему, как будто кто-то шевелится, ногами переступает сзади его. Оглянулся Авдеич и видит: стоят точно люди в темном углу – стоят люди, а не может разобрать, кто такие. И шепчет ему на ухо голос:

– Мартын! А Мартын. Или ты не узнал меня?

– Кого? – проговорил Авдеич.

– Меня, – сказал голос. – Ведь это Я.

И выступил из темного угла Степаныч, улыбнулся, и как облачко разошелся, и не стало его...

– И это Я, – сказал голос.

И выступила из темного угла женщина с ребеночком, и улыбнулась женщина, и засмеялся ребеночек, и тоже пропали.

– И это я, – сказал голос.

И выступила старуха и мальчик с яблоком, и оба улыбнулись, и тоже пропали.

И радостно стало на душе Авдеича, перекрестился он, надел очки и стал читать Евангелие, там где открылось. И наверху страницы он прочел:

– И взалкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня...

И внизу страницы прочел еще:

– Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих, меньших, то сделали Мне (Матфея 25 глава).

И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что точно он принял его.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ».

Варианты текстов: «Сочинения гр. Л. Н. Толстого», часть двенадцатая, М. 1886, стр. 91–104.

Стр. 35, строка 9.

Вместо: другой раз – в изд. 1886 г.: в другой раз

Стр. 35, строка 13:

Вместо: и обманывать – в изд. 1886 г.: обманывать

Стр. 37, строка 22.

Вместо: Прочел – в изд. 1886 г.: прочитал

Стр. 37, строка 40.

Вместо: Ты целования Мне не дал, а она с тех пор, – в изд. 1886 г. случайный пропуск строчки.

Стр. 38, строка 30.

Слова: даже – в изд. 1886 г. этого слова нет.

Стр. 40, строка 3.

Слова: свой – в изд. 1886 г. нет.

Стр. 41, строка 40.

Вместо: стенке – в изд. 1886 г. стене

Стр. 42, строка 17.

Вместо: и опять – в изд. 1886 г.: стала опять

Стр. 42, строки 20–21.

Вместо: Перекрестилась женщина, перекрестился Авдѣичь – в изд. 1886: перекрестился.

Стр. 43, строка 30.

Слова: и – в изд. 1886 г. нет.

Стр. 10, строка 17.

Слѡва: всё – в изд. 1886 г. нет.

Стр. 44, строка 20.

Вместо: снял – в изд. 1886 г.: взял

Стр. 44, строка 30.

Вместо: И выступила – в изд. 1886 г.: выступила

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

* [ПЕРВЫЙ ЧЕРНОВИК РАССКАЗА «ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ»]

Дядя Мартынь.

[1] Жиль сапожникъ Мартынь Авдѣичъ въ подвальномъ этажѣ стараго, каменнаго дома, въ одномъ изъ глухихъ переулковъ большого города. [2]

Горенка дяди Мартына выходила на улицу, такъ что онъ могъ [3] наблюдать за прохожими, главное, изучать ихъ обувь, что особенно занимало старика; да только та бѣда, что прохожихъ было очень мало.

На бѣдность дядя Мартынь не жаловался, концы съ концами сводилъ. Кварталь былъ хоть и бѣдень, а все таки каждая пара [4] сапогъ, въ околѡдкѣ, перебивала хоть по три раза въ рукахъ Авдѣича, для починки, и всякій разъ хоть нѣсколько копѣекъ съ собой приносила.

Было время, когда Авдѣичъ былъ [5] сапожникъ ученый, работаль всякую щегольскую обувь, но старость пришла, [6] глаза ослабѣли, и теперь ужъ онъ доволенъ и тѣмъ, что можетъ [7] на чужую работу ставить латки и заплаты. [8] Закашиковъ было сколько угодно и всѣ его работу хвалили. Изъ ближайшаго народнаго училища ему то и дѣло носили истоптанные, дѣтскіе сапоги; кухарки, рыночныя торговки, ни за что къ другому башмачнику не пойдуть. «Ужъ нечего говорить, мастеръ своего дѣла, говорили [9] онѣ, его подошвы не скоро изобьешь, и по шву ни за что не распорется, какъ у другихъ безсовѣстныхъ». [10]

А Авдѣичъ, кажется, наизусть зналь каждый сапогъ и башмакъ, во все [11] околѡдкѣ и прилагаль все свое стараніе къ тому, чтобы

сапогъ или башмакъ прожилъ какъ можно дольше.

Дядя Мартынь всегда[12] любилъ ходить въ церковь и особенно внимательно и благоговѣйно вслушивался въ чтеніе Евангелія. Но, съ нѣкотораго времени, душу его какъ-то особенно потянуло ко всему небесному, и вотъ какъ это случилось.[13]

Лѣтъ 20 тому назадъ схоронилъ Мартынь жену.[14] Осталась послѣ нея трехлѣтняя дѣвочка и Мартынь сталъ ей замѣсто матери. Но не пожила и дѣвочка. Подросла, стала все понимать, обо всемъ съ нимъ толковать, а тамъ и ее Богъ[15] прибралъ. И грустно стало Мартыну. Жить больше не[16] зачѣмъ, говорилъ Мартынь. И просилъ Бога о смерти. Тутъ навѣстилъ его разъ сосѣдній[17] священникъ старичекъ отецъ Иванъ и когда Авдѣичъ при немъ опять сталъ[18] говорить: «Жить больше не зачѣмъ, хотъ бы и меня Богъ прибралъ», отецъ Иванъ сказалъ: не грѣши Мартынь, что Господь на небо взялъ, то цѣлѣе будетъ чѣмъ на землѣ. Тамъ[19] и жена твоя и дѣвочка да и тамъ Самъ Господь, для Него тебѣ теперъ жить надо».

Авдѣичъ[20] ничего не сказалъ, покачалъ головою, а отъ души все таки[21] какъ-будто отлегло. «Надо-бы божественную книгу достать», сказалъ онъ, «авось и вразумить она меня».

«Зайди ко мнѣ, я тебѣ дамъ Евангеліе крупной печати», сказалъ отецъ Иванъ, «читай его съ молитвой, оно тебя утѣшитъ, какъ и меня утѣшило».

Взялъ дядя Мартынь[22] Евангеліе крупной печати, – принялся читать въ свободное отъ работы время, и стало ему это чтеніе то же самое, что хлѣбъ насущный. Голодало одинокое сердце, но голодъ утолился небесною пищею, повеселѣлъ дядя Мартынь, поднялъ[23] голову и вмѣсто жалобъ часто сталъ повторять: «Слава тебѣ Господи!» Многое старое, что прежде водилось за нимъ, отошло прочь. Было время, когда онъ весь праздничный вечерокъ просиживалъ въ сосѣднемъ трактирѣ и хотъ не напивался, какъ другіе, а все таки не въ полномъ разсудкѣ выходилъ. оттуда. Было время, когда онъ иной разъ въ досадѣ, бранныя слова говорилъ, ворчалъ на то или другое, но это все отошло отъ него.[24] Слышитъ онъ бывало въ лѣтнее время[25] какъ въ трактирѣ кричатъ хриплые голоса,[26] а въ коморкѣ Авдѣича свѣтитъ лампочка надъ большой книгой на столѣ, и самъ онъ, склонивъ съдую голову, медленно, внимательно разбираетъ святыя слова и весь погруженъ въ нихъ, а на устахъ улыбка.[27]

Случилось разъ зачитался дядя Мартынь. На дворѣ[28] была мятель,[29] но у[30] Мартына было тепло. Жарко истопленная печь еще не остыла. Поздній уже вечеръ, а онъ еще не можетъ оторваться отъ своей книги – читаетъ начало Евангелія отъ Луки, гдѣ говорится про Рождество Христово, и дошелъ до этихъ словъ: «спеленала Его и положила Его въ ясли, потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ». Авдѣичъ тутъ остановился и задумался. «Не было мѣста!.. Не было мѣста! Для Христа

то!» Онъ посмотрѣлъ кругомъ. [31] «Ужь еслибъ я въ то время жилъ, – нашлось бы Ему у меня мѣстечко, [32] весь бы уголь Ему уступилъ, кабы Онъ только пришелъ ко мнѣ! Какъ–бы я встрѣтилъ его, какъ–бы поклонился Ему! Все бы готовъ Ему отдать съ радости, что Онъ меня, сироту, посѣтилъ. Да дать–то нечего, вотъ въ чемъ дѣло. Въ Евангеліи сказано: волхвы принесли и золото, и ладонь, и смирну, а мнѣ гдѣ же это взять? Пастухи, положимъ, ничего не принесли, должно быть не успѣли съ собою захватить, а у меня вѣдь какъ есть и за душою ничего нѣтъ, чѣмъ бы дорогого Гостя привѣтствовать. Ничего нѣтъ, развѣ только башмачки Настины... Авдѣичъ [33] потянулся къ полкѣ на стѣнѣ, гдѣ, обернутые въ [34] бумагу, лежали два крошечные, дѣтскіе башмачка, искусно сработанные из мягкаго [35] опойка. «Развѣ только вотъ это», договорилъ онъ, «давнишня моя работа, за–то хороша, – нечего сказать; берегъ ихъ на память, долгое время, а ужъ Ему бы отдалъ, сейчасъ бы отдалъ – не пожалѣлъ бы». Тутъ старикъ засмѣялся: «ну что это я, съ ума сошелъ, кажется. Этакое небывалое дѣло пригрѣзилось мнѣ: что придетъ ко мнѣ Спаситель и башмачки мои отъ меня приметъ. Очень нужна Ему моя коморка и моя работа! Онъ Царь славы»...

И [36] раздумывая такимъ образомъ привалился старикъ на локоть и задремалъ.

«Мартынь!» послышался вдругъ около него [37] тихій голосъ.

– «Кто тутъ?» закричалъ съ просонокъ [38] Мартынь: взглянулъ на дверь – никого!

– «Мартынь, ты желалъ видѣть Господа» продолжалъ голосъ, «Онъ исполнить твое желаніе: завтра; цѣлый день, смотри на улицу, и постарайся узнать Его, потому что Онъ самъ тебѣ не откроется».

Голосъ замолкъ, Мартынь [39] протиралъ глаза. Лампа догорѣла и погасла, въ комнатѣ [40] стало темно.

– «Спаситель обѣщаль пройти мимо моего окошка», повторялъ онъ, «не сонъ ли это! Ну, пускай сонъ, а я все таки буду ждать: всѣ глаза высмотрю. Никогда я Его не видалъ, а все таки можетъ быть и узнаю».

Чѣмъ свѣтъ поднялся Авдѣичъ, на слѣдующее утро, истопилъ печку, помолился Богу, [41] поставилъ самоваръ и сѣлъ у окна работать. И столько не работаетъ, сколько въ окно смотреть. Вотъ разсвѣло и показался на улицѣ Степанычъ, старый престарый [42] старикъ. Жилъ онъ изъ милости у купца и должность ему была дана помогать дворнику съ тротуара снѣгъ счищать.

Авдѣичъ [43] посмотрѣлъ на него, какъ онъ снѣгъ счищаетъ и опять взялся за работу. Поработалъ недолго опять посмотрѣлъ въ окно, видитъ Степанычъ [44] положилъ лопату и [45] приклонился къ стѣнѣ, отдыхаетъ и шубенку запахиваетъ. [46]

«Вишь, бѣдняга, и уморился и озябъ», сказалъ самъ себѣ Авдѣичъ. [47]
«Напоить его, развѣ, чайкомъ...», онъ постучалъ въ стекло. Степанычъ обернулся и подошелъ къ окну. Авдѣичъ поманилъ его рукой и пошелъ отворить дверь.

«Войди погрѣться», сказалъ онъ [48] старику. [49]

– «Спасибо, сосѣдь, прозябъ – нечего сказать», сказалъ Степанычъ.

– «А чайку стаканчикъ – выпьешь».

– «Спаси тебя Господи, какъ не выпить чайку, ужъ забылъ, когда и пиваль-то». [50]

Авдѣичъ налилъ гостю стаканъ чаю, отрѣзалъ ломоть хлѣба, а самъ воротился къ окну и сталъ [51] шить и поглядывать то въ ту, то въ другую сторону улицы – не идетъ ли кто. [52]

Степанычъ выпилъ стаканъ, перевернулъ дномъ кверху и на него положилъ огрызокъ сахару.

– Кушай еще, сказалъ Мартынь, подошелъ налилъ еще стаканъ и опять пошелъ къ окну.

– «Кого это ты все выглядываешь Мартынь Авдѣичъ?» спросилъ тотъ. [53]

– Ахъ другъ любезный и сказать совѣстно, кого я выглядываю. Ошалѣлъ видно я на старости лѣтъ. Видишь ли читалъ я вчера Евангеліе и сказано тамъ, что родился Спаситель [54] въ хлѣву, потому что въ гостинницѣ мѣста не было. Слыхалъ ты я чай.

Слыхатъ слыхалъ, отвѣчаетъ Степанычъ, да мы люди темные, [55] грамотѣ не знаемъ. [56]

– Ну такъ вотъ читалъ я вчера эти слова и подумалъ: какъ для Христа Спасителя мѣста не нашлось? Если бы мнѣ довелось, кажись, какъ бы принялъ къ себѣ и все бы отдалъ. Вотъ подумалъ я такъ то и задремалъ.

Задремалъ и слышу голосъ мнѣ говорить: приду къ тебѣ завтра, жди меня. Ну вотъ вѣришь ли, запало мнѣ это въ голову и самъ себя браню и все жду Его батюшку.

Степанычъ покачалъ головой и ничего не сказалъ, но только допилъ свой стаканъ и положилъ его бокомъ, но Авдѣичъ опять поднялъ стаканъ и налилъ еще.

– Кушай на здоровье. Вѣдь тоже думаю. Когда Христось батюшка по землѣ ходилъ, не брезговалъ онъ никѣмъ, а съ простыми людьми водился. [57] Не къ Ироду ни къ Пилату ходилъ, а [58] набиралъ

учениковъ изъ мытарей изъ грѣшниковъ изъ рабочихъ, не хуже насъ. Кто, говорилъ, возвышается, тотъ унижится, а кто унижится тотъ возвысится. [59] Вы меня, говорить, Господомъ называете, а я говорить вамъ ноги умою. Кто хочеть, говорить, быть первымъ тотъ будь всѣмъ слуга. Потому что, говорить, блаженны нищіе, смиренные, кроткіе, милостивые. И забылъ свой чай Степанычъ и все слушалъ Авдѣича и утеръ слезы.

– Ну кушай еще, сказалъ Авдѣичъ. Но Степанычъ перевернулъ стаканъ и всталъ.

– «Такъ ты Его все поджидаешь?» сказалъ [60] онъ, «ну, ужъ, дождешься–ли – не знаю. А за то мнѣ ты Его своими [61] рѣчами точно живого показаль. [62] Спасибо тебѣ, Мартынъ Авдѣичъ, угостилъ ты меня, [63] и душу и тѣло надѣлилъ. Будеть времячко, не взыщи, если опять приду твои рѣчи послушать, Господь тебѣ отдасть за это».

– «Милости просимъ, милости просимъ», отвѣчалъ дядя Мартынъ.

Степанычъ ушелъ, а [64] Мартынъ выпилъ стаканчикъ чайку и опять сѣлъ къ окну за работу и опять сталъ глядѣть въ окно не идетъ ли Онъ. [65] Прошли [66] мимо окошка два пьяныхъ, должно быть прямо изъ трактира: [67] идутъ шатаются и галдятъ что то, прошель разнощикъ [68] съ яблоками, булочникъ съ корзиной [69] и дядя Мартынъ [70] поглядить и отвернется. Но вотъ прошла еще молодая женщина въ лохмотьяхъ съ ребенкомъ на рукахъ. Она была блѣдная, худая. [71] И жалко ее стало Мартыну.

Авдѣичъ [72] всталъ, вышелъ въ дверь и [73] кликнулъ: [74] «Умница, а умница». Женщина услышала и обернулась, удивленная.

– Подойди, подойди сюда, ты должно [75] нездорова. [76]

Авдѣичъ всѣхъ молодыхъ женщинъ называлъ умница.

– Да, я не здорова, отвѣчала молодая женщина, [77] просилась въ больницу съ ребенкомъ, да тамъ не приняли: мужъ въ солдатахъ, обѣщался придти, а вотъ ужъ 4–й мѣсяць жду. [78] А тутъ еще погорѣла. Живу теперъ на квартирѣ. Не знаю что и дѣлать! Она заплакала и ребенокъ за нею. [79]

– Вишь сердечная, сказалъ [80] старикъ, заходи [81] чтоль. Кусочекъ хлѣбца съешь, да погрѣешься, ребенку молочка достанемъ.

Вошли въ комнату, Авдѣичъ [82] досталь хлѣбъ и молоко и селедку и поставилъ передъ женщиной.

– «Ты [83] умница, покушай, сказалъ онъ, [84] а [85] ребеночка я подержу, – вѣдь у меня свои дѣти были – умъю съ ними нянчиться. Славный мальчишка, право, а ножки то у него совсѣмъ голыя – какъ же это такъ?»

– «Обуть не во что», отвѣчала со вздохомъ мать.

– «Постой, стой, у меня найдутся башмачки – какъ разъ будутъ ему впору». И старикъ досталь съ полки тѣ самые башмачки, завернутые въ[86] бумагу, которыми онъ любовался накануне, и надѣль ихъ ребенку. Они прились ему какъ разъ по ногъ – точно на него и сшиты. [87]

Жалко стало дядѣ Мартыну своихъ башмачковъ. Жалко было потому что они для него память были о дочкѣ. – Ну да память и безъ нихъ будетъ, сказаль онъ самъ себѣ, «мнѣ вѣдь они не нужны, пусть лучше носить[88] христіанская душка. Христоръ съ нимъ».

Молодая женщина отогрѣлась, напоила ребенка, а дядя Мартынь опять[89] сѣлъ къ окну и[90] опять сталъ смотрѣть на улицу. [91]

– «Что это вы тамъ все смотрите?» спросила она. [92]

Мартынь и ей разсказаль свой сонъ и какъ онъ голось слышалъ и какъ онъ ждетъ нынче Господа.

Женщина[93] покачала головой и ничего не сказала.

– «Ты вѣдь знаешь Господа Іисуса Христа?»[94] спросиль у ней старикъ.

– «Знаю», отвѣчала она, «я[95] и грамотѣ знаю, я[96] въ школѣ была и было у меня Евангеліе, [97] я читала. [98] И теперъ бы почитала когда, да въ пожаръ и книжки сгорѣли. Многое про Іисуса Христа затвердила я даже на память. Да почитать теперъ не по чемъ. [99]

– Ну спасибо дѣдушка, сказала женщина, посидѣла бы съ вами, да пора идти домой, на квартиру, а то хозяйка велѣла, если не примуть въ больницу, придти квартиру караулить, сама въ гости собирается».

Молодая женщина поднялась съ лавки, [100] укутала ребенка въ изорванный платокъ и стала кланяться старику, благодаря его за[101] его милость. «Такъ и нѣтъ у тебя Евангелія?» спросиль дядя Мартынь на прощаньи.

– «Нѣтъ, дядюшка, [102] сгорѣло, а купить не на что.

Мартынь открыль сундучекъ, порылся и досталь оттуда книжечку.

– «Вотъ тебѣ Евангеліе», сказаль[103] онъ, кладя ей въ руку маленькій Новый Завѣтъ, у тебя глаза молодые, ты и мелкую печать разберешь. Смотри же, читай и вникай хорошенько. Господь утѣшитъ тебя. [104]

Женщина ваяла Евангеліе, и все лицо ея просіяло отъ радости. Старикъ

сунуль ей въ руку еще двугривенный и обѣщаль придти провѣдать. Она ушла, а онъ опять вернулся къ прежнему мѣсту, у окна.

Чась проходилъ за часомъ, и дядя Мартынь все ждалъ. Много проходило народу: старые и молодые, мастеровые, солдаты, торговцы[105] и ребятишки и бабы, но все не было того, кого ждалъ Авдѣичъ. Солнце ужъ стало заходить, работать темно стало, но Авдѣичъ все не отходилъ отъ окна, а смотрѣль и ждалъ. И вотъ видить Авдѣичъ противъ самого его окна остановилась старуха торговка съ яблоками и съ[106] мѣшкомъ щепокъ. Видно набрала гдѣ на постройкѣ. Сложила она мѣшокъ на панель, поставила свой латокъ на столбикъ и[107] развязала платокъ, запахнулась лучше рваной[108] куцавейкой и стала на себѣ платокъ перевязывать. И когда она завязывала платокъ за спиной откуда ни возмись подбѣжалъ мальчишка, схватилъ съ латка яблоко[109] и хотѣль убѣжать, но старуха[110] увидала повернулась и поймала его за руку. Мальчикъ бросилъ яблоко закричалъ и хотѣль вырваться, но старуха сбила съ него картузь и схватила его за волосы. Авдѣичъ выбѣжалъ на улицу и подбѣжалъ къ старухѣ. Мальчикъ сталъ просить защиты и говорилъ, что онъ не бралъ яблоко и только нечаянно столкнулъ его. Старуха все держала его за волосы и хотѣла вести къ городовому. Пусти его бабушка, сказалъ Авдѣичъ, прости его, Богъ велѣль прощать. [111]

Старуха пустила мальчика, а Авдѣичъ взялъ его за руку и сказалъ:

– Проси у бабушки прощенья. И впередъ не дѣлай такъ. А яблоко вотъ тебѣ. И Авдѣичъ купилъ яблоко и далъ мальчику.

– Набалуешь ты ихъ такъ мерзавцевъ, сказала старуха. Его высѣчь надо, а не наградить.

– По нашему такъ, а по Божьему не такъ. Коли его за яблоко высѣчь надо, такъ что съ нами за наши грѣхи сдѣлать надо?[112]

И рассказалъ Авдѣичъ старухѣ притчу о томъ, какъ хозяинъ простилъ оброчнику весь большой долгъ его, а оброчникъ пошелъ и сталъ душить своего должника.

– Богъ велѣль прощать, сказалъ Ав[дѣичъ], а то и намъ не простится.

И вздохнула старуха и стала рассказывать про свою нужду и какъ она живетъ у дочери, и какъ внучата ее любятъ и какъ для нихъ работаетъ и для нихъ набрала щепокъ протопиться, и какъ Аксюша внучка всегда рада когда вернется бабушка и какъ лѣзетъ къ ней на руки. И совсѣмъ размякла старуха и сказала. [113]

Ну Богъ съ нимъ, пусти его, и хотѣла старуха поднимать мѣшокъ на плечи, но мальчикъ подошелъ и сказалъ:

– Дай я снесу, бабушка.

Старуха покачала головой и взвалила мѣшокъ на мальчика, а сама выбрала еще яблочко похуже и дала ему въ руку.

– Спасибо, бабушка, не надо, у меня есть, сказалъ мальчикъ.

И они пошли рядомъ по улицѣ.

Авдѣичъ стоялъ и все смотрѣлъ на нихъ и слушалъ, какъ они шли и что то все говорили. Вернулся Авдѣичъ къ себѣ и сѣлъ на свое мѣсто. Стало темнѣть, глаза старика устали[114] и сердце[115] стало тосковать. Вотъ ужъ и фонари стали зажигать, и въ большомъ домѣ напротивъ[116] заблестали огни.[117]

А Господь все не являлся!

Наступила ночь, на дворѣ опять пошелъ снѣгъ, мало стало прохожихъ, да и разглядѣть ихъ было трудно; но дядя Мартынь не отходилъ отъ окна и ждалъ.

А Господь все не являлся!

Наконецъ, старикъ, съ грустью, зажегъ лампочку и, доставъ изъ печки свой ужинъ, сѣлъ за столъ. Принялся было ѣсть, но охоты не было, и голова[118] опустилась. «Это былъ сонъ, только сонъ», шепталъ онъ, «а я думалъ и въ самомъ дѣлѣ»...

Онъ убралъ ужинъ[119] и раскрылъ на столѣ свою любимую книгу. Но[120] и читать въ эту ночь охоты не было.

«Не пришелъ!» повторялъ онъ, и наконецъ задремалъ.[121] Вдругъ ему послышался шорохъ, комната какъ будто наполнилась людьми: впереди стоялъ[122] Степанычъ, около него женщина съ ребенкомъ и сзади старуха съ мальчикомъ. И они спрашивали:

«Развѣ ты не видаль Меня?»[123]

«Да кто же вы такіе?» вскричалъ башмачникъ, глядя на нихъ съ изумленіемъ.

Тогда ребенокъ, на рукахъ женщины, потянулся къ старику, наклонился надъ раскрытымъ Евангеліемъ[124] и пальчикомъ указалъ на[125] стихи.

Авдѣичъ прочелъ:

«Алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ и вы напоили Меня, былъ странникомъ и вы приняли Меня... Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. (Матфея 25).

Комментарии А. И. Никифорова [126]

«ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

История происхождения рассказа «Где любовь – там и Бог» изложена А. Е. Грузинским в статье «Источники рассказа Л. Н. Толстого – Где любовь – там и бог» (Голос Минувшего 1913, 3, стр. 52–63). В № 1 за 1884 г. журнала «Русский рабочий» [127] появился анонимный рассказ «Дядя Мартын», представляющий русскую переделку текста рассказа француза R. Saillens, «Le pere Martin». «С рассказом своим Saillens сначала ознакомил устно тулузскую общину евангелических христиан, прочитав его на одном из ее «Réunions populaires évangéliques». Затем он напечатал его или в журнале или отдельной брошюрой в начале 1880-х гг. под название «Le pere Martin». После этого Saillens выпустил рассказ вместе с другими своими рассказами и притчами под общим названием «Récits et allegories» (Тулуза. 1889). В предисловии автор уже говорит о сношениях с Толстым по поводу «плагиата» (В. Срезневский. Примечания к X т. Соч. Толстого, изд. ГИЗ, 1930). Рассказ был в журнале «Русский рабочий» прислан Толстому В. Г. Чертковым и «получен Толстым 17 марта 1885 г. в Крыму, куда он ездил, сопровождая больного Л. Д. Урусова». Толстой переделал повесть русского анонима в 1885 г. в рассказ «Где любовь, там и бог». По этому поводу ему в 1888 г. пришлось письменно объясняться с самим Сайяном, который был очень удивлен «плагиатом» Толстого и написал об этом последнему. Толстой ответил Сайяну в 1888 г. следующим письмом: «М. Г. Я в отчаянии по поводу причиненного вам беспокойства и прошу простить меня за ошибку, как вы увидите совершенно произвольную. В России выходит ежемесячное, мало кому известное, издание «Рабочий». Один из моих друзей дал мне номер этого журнала, где находился перевод с приспособлением к русской жизни вашего рассказа «Отец Мартын», без указания автора, предлагая воспользоваться им для народного рассказа. Рассказ очень мне понравился, я лишь немного изменил стиль, прибавил несколько сцен и отдал приятелю для издания без моего имени, как то было условлено между нами не только относительно «Отца Мартына», но и рассказов, написанных мною. При втором издании издатель просил позволения выставить мое имя на полученных от меня рассказах. Я дал согласие, упустив из виду, что среди рассказов, восемь из которых были мои, находится и не принадлежащий мне «Отец Мартын»; но так как он был переделан мною, издатель не усумнился поставить и на нем мое имя. Редактируя одно из изданий, я прибавил к заглавию: «Где любовь, там

и бог» в скобках: «заимствовано с английского», так как друг, давший мне журнал, сказал, что рассказ написан английским автором. Но в полном собрании сочинений эта прибавка была опущена, ту же ошибку допустил и переводчик. Вот каким образом, М. Г., я к великому сожалению, оказался виновен перед вами в неумышленном плагиате, и настоящим письмом я с величайшим удовольствием свидетельствую, что рассказ «Где любовь, там и бог» есть не что иное, как перевод и приспособление к русским нравам вашего чудного рассказа «Отец Мартын». Прошу вас простить мою невнимательность и принять уверение в братских чувствах. Лев Толстой (текст приводится по статье А. Грузинского, французский оригинал приведен там же, стр. 53). См. также тт. 63, 64 и 72 настоящего издания.

Работа Толстого над рассказом падает на небольшой срок между 17 марта и 17 мая 1885 г., так как он в письме к В. Г. Черткову от 26 марта 1885 г. из Москвы писал уже, что он рассказ «поправил, как умел». После этого имеется в письме к тому же В. Г. Черткову от 17 мая 1885 г. фраза о том, что рассказ «окончательно поправил» уже в корректуре.

Первый вид рассказа Толстого получился в результате непосредственной его работы пером по печатному экземпляру журнала «Русский рабочий». Текст этот приводится выше (стр. 573–583). Анализ толстовских наслоений на текст анонима (печатный вид исправленных мест дан в примечаниях к тексту) показывает, что Толстой обогащает сюжетную схему рассказа анонима третьим звеном (миротворческий поступок Авдеича). Эпизод – старуха и мальчик вылился не сразу, а был сначала написан на обороте вклеенного листа в виде эпизода примирения двух мальчиков. Вот этот зачеркнутый эпизод:

Стало уже солнце заходить за дома. Его не было, но Авдѣичъ все поглядываль въ окно. И вотъ подошли къ окну два мальчика, одинъ постарше, другой помоложе <и> остановились и стали спорить о <объ яблокъ> чемъ то и вырывать что то другъ у друга. Авдѣичъ прислушался и поняль, что они вмѣстѣ купили на 2 к. 3 яблока. Одно было большое и <один> два маленькихъ. Когда они покупали, они кинули жребій, кому съѣсть большое и кому два маленькихъ. Большому досталось большое яблоко <онъ>. Большой мальчикъ съѣль <его>. А когда онъ> большое яблоко, а маленькій съѣль маленькое, и тогда большой мальчикъ сталъ спорить съ товарищемъ о томъ, что они не вѣрно дѣлили и что надо оставшееся яблоко раздѣлить пополамъ. Маленькій не даваль, тогда большой сталъ отнимать у него. Маленькій не даваль. Большой сбиль с него шапку и схватилъ за волосы. Тогда Авдѣичъ постучаль въ окно и вышелъ въ дверь. <Мальчики стали ем>. Мальчики подошли къ нему и стали рассказывать. Тогда Авдѣичъ сказалъ имъ: читали ли вы Евангеліе.

Читали, сказали мальчики. Кто <нам> говорилъ слова тѣ, которыя сказаны въ Евангеліи? спросилъ Авдѣичъ. – Богъ, отвѣчали мальчики. Что же не помнишь ли ты, какъ Богъ въ Евангеліи велѣль <людямъ жить между собою и какъ> дѣлать, когда одинъ хочетъ отнять что-нибудь у другого? спросилъ Авдѣичъ у маленького. – Не помню, отвѣчалъ

мальчикъ <А ты не помн> Такъ я скажу тебѣ: Если кто отнимаетъ у тебя кафтанъ, то отдай рубашку. – Да, это написано тамъ, сказалъ мальчикъ <только это про большія дѣла такъ сказано>. А написано, такъ зачѣмъ ты не дѣлаешь? Отдай ему, а если тебѣ нужно, возьми у меня. Вотъ тебѣ копѣйка, купи себѣ. Нѣтъ, мнѣ не надо. Пускай возьметъ, сказалъ мальчикъ. И мнѣ не надо сказалъ старшій мальчикъ. – Ну хорошо, сказалъ Авдѣичъ, теперь скажите мнѣ, что <лучше: чтобъ подраться такъ, чтобы исцарапать лицо или отдать яблоко. Лучше вѣдь не ѣсть только бы> вы всегда съ нимъ деретесь и бранитесь или бываете друзьями.

Эта вставка предполагалась на стр. 581 строка 5. Остальная работа Толстого состоит в снятии с текста анонима сентиментальных особенностей и церковного колорита (снимается рождественская рамка, упрощается стиль, вносятся черты русского бытового реализма и т. п.). Данных для точной датировки работы Толстого над первым видом текста, как и над последующими – нет. По вышеуказанным соображениям возможно, что начало работы приходится на вторую половину марта 1885 г.

Листки журнала с исправлениями Толстого были перебелены от руки переписчиком, и Толстой приступил к правочной работе. Первая переделка (рукопись 2-я), без даты, получает заглавие «Где любовь, там и бог» и представляет сплошную правочную работу Толстого по всему тексту. Она состоит в том, что: 1) Толстой продолжает, особенно в частях текста, сохранившегося без переделки от анонима, снимать церковный и сентиментальный тон (между прочим зачеркнуты большие куски текста: стр. 575 строки 18–36; стр. 578 строки 19–21; стр. 580 строки 7–13 и 16–18; стр. 582, строки 29–34; и др. мелкие; усилен бытовой реализм, подправлен образ Авдеича подчеркиванием его подвижности, стремительности, в стиле усилены короткие фразы, начинающиеся союзами «а» и «и» и т. д.). 2) Толстой вносит в переделку ту «подвально-сапожничью» точку зрения, которая А. Е. Грузинским отмечена в окончательном тексте (см напр. осн. текст стр. 35 строки 4–5 сверху и др.), отделяет личность Авдеича, придавая ему способность к самокритике, сильно отделяет второстепенных лиц (совершенно выброшены кухарки, торговки (стр. 573 строка по стр. 574 строка 3), распространена характеристика женщины с ребенком, выброшен ребенок в конце текста (стр. 583 строки 4–6). 3) Толстой меняет деталь развязки, внося элемент чудесного. Вместо стр. 583 строк 4–6 дано: «И вдругъ все исчезло и только на столѣ какъ отъ вѣтра стали сами собой переворачиваться листы и какъ свѣтомъ загорѣлись слова въ серединѣ страницы. И Авдѣичъ безъ очковъ прочель на верху страницы». 4) Правит сплошь стиль рассказа в сторону упрощения.

Закончив переделку, Толстой отдает в ручную переписку некоторые части ее, а четыре листка, хоть и правленные, целиком переносятся в беловик. Новую рукопись Толстой снова просматривает. Получается вторая переделка рассказа (см. рукопись 3-я). Эта переделка идет по пути более детальной отделки текста по линиям, намеченным в первой переделке. Продолжаются небольшие сокращения и упрощения текста, усиливается образная, в частности профессиональная, конкретизация

Авдеича (напр, вставлены следующие строки, попавшие в основной текст: стр. 37, строка 1, стр. 38, строка 29; стр. 39, строка 12, стр. 40, строка 34, стр. 38, строка 29, стр. 40, строка 28 и др.), усилена «подвальная» точка зрения Авдеича, дочь Авдеича Катенька заменена сыном Капитошкой, наконец снята концовка первой переделки. Вместо нее дано:

И ухмыльнулся Степаныч и голосъ сказалъ: Это я. Улыбнулась женщина и улыбнулся ребенокъ и голосъ сказалъ: И это я. Улыбнулась старуха, улыбнулся мальчикъ съ яблокомъ и голосъ сказалъ: И это я. И вдругъ все исчезло. И радостно стало на душѣ Авдѣича, перекрестился онъ, надѣлъ очки и сталъ читать Евангеліе тамъ, где открылось. И наверху страницы онъ прочелъ

Вторая переделка, перебеленная от руки переписчиком, дает основание новому просмотру текста Толстым и новой третьей переделке текста (см. ркп. 4-ю и 5-ю). Она имеет цель продолжить шлифовку рассказа по всем тем же направлениям, по каким шла работа во второй переделке. Местами даны новые сокращения (напр. стр. 573, строки 15–18 сверху, несколько измененные в первой переделке, теперь выброшены), еще усилена и детализована «подвальная» точка зрения (напр. вставлены в осн. текст стр. 35, строка 9 детализован конец, вместо вышеприведенного текста см. стр. 44, строка 29 и след.), проведена отделка деталей в обрисовке действующих лиц (вставлены см. осн. текст стр. 36, строка 39, стр. 41, строки 13–14; стр. 41, строка 18; стр. 42, строка 4 и др. мелкие фразы и слова, детализующие жесты и действия лиц). Специальное внимание уделено в третьей переделке эпизоду ссоры старухи с мальчиком, который почти не правился в 1-й и 2-й переделках. (Вместо текста стр. 581 строка 8 – стр. 582 строка 20 получается в третьей переделке текст, равный осн. стр. 42 строка 26 – стр. 44, строка 13). Толстой рельефнее и конкретно детальнее очерчивает эпизод. Дальше несколько подправлены женщина с ребенком и Степаныч; священник, по совету которого Авдеич обратился к Евангелию, заменяется земляком–старичком, систематически подправлены диалогические куски текста в сторону усиления народного колорита лексики и синтаксиса собеседников (Напр. осн. текст стр. 37, строки 26–28 снизу вместо второй переделки «И далеко мне до этого и близко мне до этого, коли поможешь мне Господи», и т. п.). Наконец, в тексте сделано несколько мелких стилистических поправок и внесены евангельские тексты в соответствующих местах, тогда как до этого были только ссылки на главы и стихи.

Несколько листов третьей переделки были перебелены переписчиком (оставшиеся черновики хранятся в рукописи 4-й), Толстой просмотрел еще раз текст (лист 20-й рукописи 5-й хранит следы его трех мелких поправок да на стр. 44 осн. текста строка 25 слова «шевелится, ногами переступает» вписано вместо «вошелъ и стоять») и рассказ был готов. Рукопись 5-я несмотря на наличие поправок была передана в типографию для набора. Дата типографии на рукописи «10 мая 85 г.»

Сличение однако рукописи, по которой текст набирался, с первым печатным изданием «Посредник» М. 1886 г. (цензурное разрешение от 24 мая 1885 г.) убеждает, что была еще корректурная (четвертая по счету) переделка рассказа. Она ведена по всему тексту и содержит на

ряду с двумя десятками мелких словарных и грамматических поправок, еще десятка три мелких исправлений текста в сторону художественной отделки частностей.

Напечатанный в 1886 г. в «Посреднике» рассказ «Где любовь, там и бог» перепечатывался потом стереотипно. Переделок его авторских неизвестно. Драматическая же любительская переделка см. в изд. «Посредник» № 1143 в 1914 г. и в приложении к журн. «Маяк» за 1917 г. (прилож. II). Любопытно отметить, что этот рассказ Толстого не подвергался цензурным запретам.

Рисунки на обложке первого издания принадлежат художнику А. Д. Кившенко.

Новейшее издание рассказа в Полном собрании художественных произведений Л. Н. Толстого. ГИЗ. М.–Л. 1930, т. X, с. 37–45 исправило, но далеко неудачно, текст издания «Посредник». Все почти внесенные в тексте конъектуры – спорны, а новая пунктуация без нужды совершенно искажает те оттенки текста, какие имеются в изд. «Посредник».

За основной текст рассказа «Где любовь, там и бог» принят печатный текст первого издания «Посредника». М. 1886, цензурное разрешение от 24 мая 1885 г. Сличение этого текста с рукописями Толстого показывает, что 1) ряд толстовских написаний был изменен переписчиками рукописей и 2) после последних рукописей были значительные исправления в корректуре, хотя сама корректура рассказа среди рукописей не сохранилась. В письме к В. Г. Черткову от 17 мая 1885 г. Толстой писал, что рассказ «окончательно поправил» уже в корректуре.

По рукописям нами внесено следующее исправление:

Стр. 40 строка 3: свой по автографу и всем копиям. В изданиях нет.

Введены также отсутствовавшие в изд. 1886 г. следующие красные строки: Стр. 36, строки 14 и 20; стр. 37, строка 11; стр. 38, строка 15; стр. 39, строка 1, 12 и 21; стр. 40, строка 23, 40; стр. 41, строка 7, 36; стр. 42, строки 8 и 13; стр. 43 строки 3, 4, 15, 18, 24, 37, 39; стр. 44, строки 18, 32, 35, 38.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рукописи хранятся в ГТМ в папке 8 под №№ 7–11.

1) № 7. Два листка из журнала «Русский рабочий» № 1 за 1884 год (страницы 3–6). На странице по три столбца. Печатный текст начинается с начала 3 стр. и кончается первым столбцом стр. 6. Текст правлен рукой Толстого чернилами (вычеркивания, вставки слов,

предложений и т. п.). Вшиты листы писчей бумаги в клеточку один между стр. 4 и 5, другой двойной в конце. Первый лист с обеих сторон исписан вставками Толстого, на двойном листе только первая страница записана вставкой. Таким образом этот первый черновик рассказа Толстого представляет текст, состоящий: а) из во многих местах буквально сохраненного печатного текста журнальной статьи, б) из записей, поправок Толстого над зачеркнутыми частями печатного текста и в) из текста вставок на особых листах. Заглавие сохраняется печатное «Дядя Мартын». Этот черновик издается на стр. 573 с указанием в сносках под текстом некоторых первоначальных чтений текста рассказа из журнала «Русский рабочий».

2) № 8. Рукопись на 4 л., F°. На первом чистом листе рукой не Толстого: «Дядя Мартын», л. 1 об. чистый. Остальное – копия с первого черновика, сделанная рукой не Толстого и сплошь правленная Толстым. И текст и поправки – чернилами. Рукопись – остаток от полного текста, из коего 4 листа перенесены в следующую рукопись. Текст – первая переделка черновика рассказа. Заглавие рукой Толстого: «Где любовь, там и Бог».

3) № 9. Рукопись на 10 нумерованных листах + 1 чистый. Лл. 4, 5, 8, 9 перенесены механически из предшествующей рукописи. Заглавие «Где любовь, там и Бог». Текст – переделка почерком не Толстого черными чернилами текста первой переделки. Лл. 2, 2 об. и 3 писаны другим почерком лиловыми чернилами. Перенесенные листы третий почерк. По всему тексту правка рукой Толстого. Текст данной рукописи – вторая переделка рассказа.

4) № 10. Рукопись на 8 лл. (стр. 1–10 + 1 л. без пагинации + стр. 33–36) 4°. Заглавие «Где любовь, там и Бог». Текст – чернилами, почерком не Толстого, но им правленный. Рукопись составила так: Текст второй переделки был перебелен от руки переписчиком на 40 страницах в 4-ку тетрадной бумаги в клетку и пронумерован с 1–13 стр. химическим или коричневым карандашом, с 14–40 синим карандашом. Толстой произвел правку всей рукописи, но особенно измарал стр. 1–10, 33–36, 39. Эти страницы были переписаны снова и вошли в следующую рукопись, а запачканные поправками стр. 1–10, 33–36 и составляют данную рукопись. Таким образом, текст остатки от третьей переделки рассказа.

5) № 11. Рукопись на 21 нумерованных лл. 4°. Заглавие – «Где любовь, там и Бог». Новая пагинация по зачеркнутой старой. Текст – перебеленный рукой не Толстого, есть текст 2-й переделки с вновь перебеленными вставленными листками 1–10, 33–36 и представляет собою третью переделку рассказа. По данной рукописи производился набор текста в типографии, так как: на л. 1 в левом верхнем углу типографская помета «№ 112, 10 мая 85 г.», вся рукопись испачкана отпечатками пальцев наборщиков и хранит пометы метранпажа карандашом фамилий наборщиков.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

Зачеркнуто печатное начало: Знали ли вы дядю Мартына, старого башмачника, болѣе извѣстнаго подѣ названіемъ Авдѣича.

2

Зач.: Коморка, служившая ему спальней, приѣмной, мастерской и кухней, выглядывала, впрочемъ

3

Зач.: свободно

4

Зач.: башмакомъ

5

Зач.: важный

6

Зач.: зрѣніе стало слабѣть

7

Зач.: такъ искусно и прочно накладывать;

8

Зач.: къ чужому труду. Зато

9

Зач.: твердили

10

Зач.: и гвоздь въ ногу не вопьется

11

Зачеркнуто: окрестности

12

Зач.: былъ набожный

13

Зач.: Давно уже

14

Зач.: но она оставила ему послѣ себя сокровище трехлѣтнюю малютку, которая какъ ясное солнышко, согрѣвала ему душу. Потѣшила она его нѣсколько годковъ

15

Зач.: и взялъ. Ужъ какъ горевалъ отецъ, такъ показать нельзя. «Все пропало»

16

Зач.: для кого», твердилъ онъ и оплакивалъ свою малютку день и ночь.

17

Зач.: батюшка

18

Зач.: твердить: «Все пропало».

19

Зач.: для тебя и другое сокровище это

20

Зач.: грустно

21

В рукописи добавлено ошибочно: какъ

22

Зач.: добыль

23

Зач.: поникшую

24

Зачеркнуто: Доносятся до него

25

Зач.: изъ трактира

26

Зач.: громкія, шумныя рѣчи

27

Зач.: Быль канунъ Рождества Христова

28

Зач.: стояла

29

Зач.: съ страшнымъ холоднымъ вѣтромъ

30

Зач.: нашего башмачника

31

Зач.: коморка хоть и бѣдная и тѣсная, но чисто прибрана, и показалась ему очень приглядной

32

Зач.: всю бы комнату

33

Зач.: увлеченный своими размышлениями

34

Зач.: тонкую;

35

Зач.: мягкой лайковой кожи;

36

Зачеркнуто: углубился въ свое ветхое, поношенное кресло и закрылъ глаза. На улицахъ, даже и въ глухомъ переулкѣ, было людно и шумно, каждый спѣшилъ туда и сюда, кто изъ церкви, кто съ покупками, кто къ роднымъ на ёлку, а дядя Мартынъ не трогался съ мѣста – задремаль, должно быть старикъ

37

Зач.: мягкий

38

Зач.: башмачникъ

39

Зач.: въ трепетномъ удивленіи

40

Зач.: было

41

Зач.: напился чаю, прибралъ комнату, а самъ все въ окошко поглядываетъ, поджидая первыхъ лучей солнца и раннихъ прохожихъ.

42

Зач. дворникъ, т. е. не дворникъ онъ собственно, – этимъ званіемъ его никто не величалъ, – а просто увѣчный, ни начто почти неспособный человѣкъ, который только и могъ сгребать снѣгъ или подметать улицу передъ домомъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Пять или шесть небогатыхъ домовладѣльцевъ, сложившись между собою, отвели ему за этотъ посильный трудъ конуру для жилья и платили ничтожное вознагражденіе, едва достаточное, чтобы не умереть ему съ голоду съ хворой женой. Милостыню просить Степанычъ однако не рѣшался, за что нерѣдко получалъ выговоръ отъ жены; но старикъ былъ тихаго нрава и на эти выговоры не обижался.

43

Зач.: почти и не взглянулъ, до того ли ему было! А на дворѣ становится, ухъ, какъ холодно, такъ и пробираетъ до костей крѣпкій

морозъ.

44

Зач.: сначала было усердно принялся сгребать снѣгъ, котораго много навалило за ночь, но не въ терпѣніе стало, должно быть.

45

Зач.: началъ размахивать руками и ногами топать, чтобъ согрѣться.

46

Зач.: ишь какъ его пробираетъ

47

Зачеркнуто: замерзнетъ совсѣмъ на стужѣ, и жилье-то, поди-ка, не топленое.

48

Зач.: ласково.

49

Зач.: здѣсь тепленько слава Богу.

50

Зач.: башмачникъ усадиль гостя

51

Зач.: пристально смотрѣть.

52

Зач.: «Наливай себѣ, Степанычъ, второй стаканъ», сказалъ онъ, не оборачиваясь. Дальнейшее есть вставка на отдельном листе бумаги, кончая словами: и опять подошелъ къ окну.

53

Дальнейшее есть большая вставка на отдельном листе, кончая словами: перевернулъ стаканъ и всталъ – вместо зачеркнутого: «Да вотъ жду Господа», отвѣчалъ дядя Мартынъ, «обѣщался мимо моихъ оконъ пройти сегодня, я все и поджидаю, – какъ бы не пропустить Его, Господа, Иисуса Христа... вѣдь ты знаешь Его?»

– Какъ не знать; грамотѣ хоть не знаю, а слышалъ про Него, что Онъ Спаситель нашъ, и сердцемъ Его часто поминаю.

Авдѣича задѣло это за живое, и онъ сталъ рассказывать своему гостю, то и другое, что читалъ в Евангеліи про Спасителя, рассказалъ ему то, что читалъ наканунѣ; говорить, а самъ нѣтъ–нѣтъ, да и оборачивается к окошку. <Но вдругъ взоръ его остановился на молодой женщинѣ>

54

Зач.: такъ Ему мѣста

55

Зач.: что и слышимъ того, не такъ слышимъ изъ

56

Зач.: не то, что вы всѣ которые

57

Зачеркнуто: хаживаль

58

Зач.: ходиль къ грѣшникамъ

59

Зач.: Я, говорить

60

Зач.: наконец Степаныч

61

Зач.: рассказали

62

Зач.: будто и стоит онъ тутъ близко и говорить со мною

63

Зач.: ради праздника Господня

64

Зач.: башмачникъ опять прижалъ лицо къ стеклу

65

Зач.: Вотъ

66

Зач.: проходят шатающіяся фигуры

67

Зач.: такъ и перебрасываетъ ихъ съ одной стороны улицы на другую; проходятъ

68

Зач.: съ лотками

69

Зач.: все это не новость

70

Зач.: Мало обращаетъ на это вниманія. Но вдругъ взоръ его остановился на молодой женщинѣ

71

Зач.: такая и на видъ голодная, что у старика защемило сердце

72

Зачеркнуто: распахнуть

73

Зач.: своей коморки, сталь на порогъ

74

Зач.: «Эй, голубушка»!

75

Зач.: быть

76

Зач.: красавица: сначала было испр. на умница, но и это зачеркнуто. «Красавица» было одно изъ любимыхъ словъ дяди Мартына; онъ употребляль его, говоря и съ толстой рыночной торговкой, и со старой сосѣдкой-прачкой, и со всѣми женщинами, безъ исключенія, – будь онъ молодыя, старья, богатая или бѣдная.

77

Зач.: пыталась попасть

78

Зач.: не дождусь

79

Зач.: «бѣдная, бѣдная»

80

Зач.: растроганный

81

Зач.: войди хоть ко мнѣ покуда

82

Зач.: принялся угощать новых гостей

83

Зач.: красавица

84

Зач.: поставивъ передъ нею всѣ свои припасы

85

Зач.: мнѣ покуда младенца передай

86

Зач.: тонкую

87

Зач.: дядя Мартынь подавилъ однакоже вздохъ, разставаясь со своимъ сокровищемъ, съ тѣмъ, что онъ сработалъ самаго лучшаго въ жизни.

88

Зач.: их дитя

89

Зачеркнуто: вернулся

90

Зач.: такъ упорно смотрѣль

91

Зач.: что это поразило его гостью

92

Зач.: «Я жду моего Господа», отвѣчаль башмачникъ

93

Зач.: казалось, не поняла или не разслышала отвѣта

94

Зач.: продолжалъ

95

Зач.: еще маленькая

96

Зач.: мнѣ подарили

97

Зач.: Какъ выберется свободная минутка, все его

98

Зач.: Ни до какой другой книжки, бывало, и охоты нѣтъ

99

Зач.: «Вотъ Его то я теперь и жду», сказалъ старикъ. – И вы думаете. Онъ придетъ? «Думаю, что придетъ – Онъ мнѣ самъ такъ сказалъ, – можетъ ли это быть, хотѣлось бы и мнѣ подождать Его здѣсь.

100

Зач.: мѣста

101

Зач.: гостепрїимство. А Евангелїе еще при тебѣ?

102

Зач.: не при мнѣ – мужъ взялъ съ собой, какъ на службу пошелъ; я и рада, что онъ взялъ – думаю, отъ зла сбережетъ его, да и жаль было разстаться съ Божьей книгой».

103

Зач.: старикъ

104

Зач.: хоть ты и не дождешься Его здесь, сегодня; а можетъ быть, когда-нибудь и увидишь Его»

105

Зачеркнуто: и бабы съ ребятишками. Проходили и нищїе, и увидавъ добродушное лицо, прижатое къ окошку, останавливались иной разъ, протягивая окоченѣвшую руку. То ломоть хлѣба, то мѣдная копѣйка попадала въ эти руки из коморки дяди Мартына; и нищїе проходили мимо. Но Господь не являлся. Далее на отдельном листе была сделана большая вставка, см. ниже стр. 682–683.

106

Зач.: большимъ

107

Зач.: стала укутывать перевязывать

108

Зач.: шубенкой

109

Зач.: выхватилъ изъ мѣшка охапку щепокъ

110

Зач.: живо обернулась

111

Зач.: Я чай у тебя и свои дѣти были. Пусти его, онъ не уйдетъ

112

Зач.: Были и мы съ тобой такіе же. И у насъ такія же дѣти были. У меня была такая же да прибралъ ее Богъ. У тебя что были дѣти, бабушка? Старуха не слушала Авдѣича до тѣхъ поръ, пока онъ не спросилъ ее были ли у нея дѣти, но когда онъ спросилъ ее объ этомъ, она вдругъ размякла. Было и у меня дѣдушка, да 8 человѣкъ, сказала она (зач. старуха) да только одна (зач. двое) осталась. И хорошіе были дѣти. Сынъ у меня умный Ва. Теперь внучки. Одинъ такой то. И вотъ имъ то и несу протопиться.

– Такъ вотъ жалѣешь ихъ и его пожалѣть надо.

113

Зачеркнуто: Извѣстно, ребячье дѣло. Богъ съ нимъ, сказала старуха

114

Зач.: отъ напряженія

115

Зач.: заныло тоскою

116

Зач.: весело

117

Зач.: огоньки на елкѣ

118

Зач.: уныло

119

Зач.: почти не тронутый

120

Зач.: даже и любимая книга не могла развѣять тоски.

121

Зач.: съ тоски.

122

Зач.: убогій

123

Зачеркнуто: За ними шли нищие, которымъ онъ подавалъ милостыню и каждый говорилъ въ свою очередь: «Развѣ ты не видалъ меня?»

124

Зач.: которое онъ читалъ

125

Зач.: то мѣсто, гдѣ сказано: «Кто приметъ одно такое дитя во Имя Мое, тотъ Меня принимаетъ (Матфея 18,5) и еще на эти слова:

126

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

«Русский Рабочий» – ежемесячный журнал, основан в СПб. в 1875 г. пашковкой М. Г. Пейкер. Журнал издавался до 1886 г. и продолжался после смерти издательницы в 1880 г. с перерывом в два года дочерью М. Г. Пейкер – А. И. Пейкер.

Лев Николаевич

Толстой

Много ли человеку земли нужно?

(1886 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АБВУУ

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической

редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛИ НУЖНО.

I.

Приехала из города старшая сестра к меньшей в деревню. Старшая за купцом была в городе, а меньшая за мужиком в деревне. Пьют чай сестры, разговаривают. Стала старшая сестра чваниться – свою жизнь в городе выхвалять: как она в городе просторно и чисто живет и ходит, как она детей наряжает, как она сладко ест и пьет и как на катанья, гулянья и в театры ездит.

Обидно стало меньшей сестре, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

– Не променяю я, – говорит, – своего житья на твое. Даром что серо живем, да страху не знаем. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живет: барышу наклад – большой брат. Бывает и то: нынче богат, а завтра под окнами находишься. А наше мужицкое дело вернее: у мужика живот тонок, да долог, богаты не будем, да сыты будем.

Стала старшая сестра говорить:

– Сытость–то какая, – со свиньями да с телятами! Ни убранства, ни обращения! Как ни трудись твой хозяин, как живете в навозе, так и помрете, и детям то же будет.

– А что ж, – говорит меньшая, – наше дело такое. Зато твердо живем, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы в городу все в соблазнах живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, – глядь, и соблазнит хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И пойдет всё прахом. Разве не бывает?

Слушал Пахом – хозяин на печи, что бабы балакают.

– Правда это, – говорит, – истинная. Как наш брат с измальства ее, землю–матушку, переворачивает, так дурь–то в голову и не пойдет. Одно горе – земли мало! А будь земли вволю, так я никого, и самого чорта не боюсь!

Отпили бабы чай, побалакали еще об нарядах, убрали посуду, легли спать.

А чорт за печкой сидел, всё слышал. Обрадовался он, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была б у него земля, его и чорт не возьмет.

«Ладно, – думает, – поспорим мы с тобой; я тебе земли много дам. Землей тебя и возьму».

II.

Жила рядом с мужиками барынька небольшая. Было у ней 120 десятин земли. И жила прежде с мужиками смирно – не обижала. Да нанялся к ней солдат отставной в приказчики и стал донимать мужиков штрафами. Как ни бережется Пахом, а либо лошадь в овсы забежит, либо корова в сад забредет, либо телята в луга уйдут, – за всё штраф.

Расплачивается Пахом и домашних ругает и бьет. И много греха от этого приказчика принял за лето Пахом. Уж и рад был, что скотина на двор стала, – хоть и жалко корму, да страху нет.

Прошел зимой слух, что продает барыня землю и что ладит купить ее дворник с большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. «Ну, – думают, – достанется земля дворнику, замучает штрафами хуже барыни. Нам без этой земли жить нельзя, мы все у ней в кругу». Пришли мужики к барыне миром, стали просить, чтоб не продавала дворнику, а им отдала. Обещали дороже заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить миром всю землю купить; сбирались и раз и два на сходки – не сошлось дело. Разбивает их нечистый, никак не могут согласиться. И порешили мужики порознь покупать, сколько кто осилит. Согласилась и на это барыня. Услыхал Пахом, что купил у барыни 20 десятин сосед и она ему половину денег на года рассрочила. Завидно стало Пахому: «раскупят, – думает, – всю землю, останусь я ни при чем». Стал с женой советовать.

– Люди покупают, надо, – говорит, – и нам купить десятин десяток. А то жить нельзя: одолел приказчик штрафами.

Обдумали, как купить. Было у них отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчел половину, да сына заложили в работники, да еще у свояка занял, и набралась половина денег.

Собрал Пахом деньги, облюбывал землю, 15 десятин с лесочком, и пошел к барыне торговаться. Выторговал 15 десятин, ударил по рукам и задаток дал. Поехали в город, купчую закрепили, деньги половину отдал, остальные в два года обязался выплатить.

И стал Пахом с землей. Занял Пахом семян, посеял покупную землю; родилось хорошо. В один год выплатил долг и барыне и свояку. И стал Пахом помещиком: свою землю пахал и сеял, на своей земле сено косил, со своей земли колья рубил и на своей земле скотину кормил. Выедет Пахом на свою вечную землю пахать или придет всходы и луга посмотреть, – не нарадуется. И трава–то, ему кажется, растет, и цветы–то цветут на ней совсем иные. Бывало, проезжал по этой земле – земля как земля, а теперь совсем земля особенная стала.

III.

Живет так Пахом, радуется. Всё бы хорошо, только стали мужики у

Пахома хлеб и луга травить. Честью просил, всё не унимаются: то пастухи упустят коров в луга, то лошади из ночного на хлеба зайдут. И сгонял Пахом и прощал, всё не судился, потом наскучило, стал в волостное жаловаться. И знает, что от тесноты, а не с умыслом делают мужики, а думает: «нельзя же и спускать, этак они всё вытравят. Надо поучить».

Поучил так судом раз, поучил другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики-соседи на Пахома сердце держать; стали другой раз и нарочно травить. Забрался какой-то ночью в лесок, десяток липок на лыки срезал. Проехал по лесу Пахом, – глядь, белеется. Подъехал – лутошки брошены лежат, и пенушки торчат. Хоть бы из куста крайние срезал, одну оставил, а то под ряд злодей все счистил. Обозлился Пахом: – «Ах, – думает, – вызнать бы, кто это сделал; уж я бы ему выместил». Думал, думал, кто: «Больше некому, – думает, – как Семке». Пошел к Семке на двор искать, ничего не нашел, только поругались. И еще больше уверился Пахом, что Семен сделал. Подал прошение. Вызвали на суд. Судили, судили – оправдали мужика: улики нет. Еще пуще обиделся Пахом; с старшиной и с судьями разругался. «Вы, – говорит, – воров руку тянете. Кабы сами по правде жили, не оправляли бы воров». Поссорился Пахом и с судьями и с соседями. Стали ему и красным петухом грозиться. Стало Пахому в земле жить просторней, а в миру теснее.

И прошел в то время слух, что идет парод на новые места. И думает Пахом: «Самому мне от своей земли идти не зачем, а вот кабы из наших кто пошли, у нас бы просторнее стало. Я бы их землю на себя взял, себе в круг пригнал; житье бы лучше стало. А то всё теснота».

Сидит раз Пахом дома, заходит мужик прохожий. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились, – откуда, мол, Бог несет? Говорит мужик, что идет снизу, из-за Волги, там в работе был. Слово за слово, рассказывает мужик, как туда народ селиться идет. Рассказывает: «Поселились там ихние, приписались в общество, и нарезали им по 10 десятин на душу. А земля такая, – говорит, – что посеяли ржи, так солома лошади не видать, а густая, что горстей пять – и сноп. Один мужик, – говорит, – совсем бедный, с одними руками пришел, а теперь шесть лошадей, две коровы».

Разгорелось у Пахома сердце. Думает: «Что ж тут в тесноте бедствовать, коли можно хорошо жить. Продам здесь и землю и двор; там я на эти деньги выстроюсь и заведение всё заведу. А здесь в этой тесноте – грех один. Только самому всё путем вызнать надо».

Собрался на лето, пошел. До Самары плыл по Волге вниз на пароходе, потом пешком верст 400 прошел. Дошел до места. Всё так точно. Живут мужики просторно, по 10 десятин земли на душу нарезано, и принимают в общество с охотой. А коли кто с денежками, покупай, кроме наделной, в вечную, сколько хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузнал всё Пахом, вернулся к осени домой, стал всё распродавать. Продал землю с барышом, продал двор свой, продал скотину всю, выписался из общества, дождался весны и поехал с семьей на новые

места.

IV

Приехал Пахом на новые места с семейством, приписался в большое село в общество. Попоил стариков, бумаги все выправил. Приняли Пахома, нарезали ему на 5 душ надельной земли 50 десятин в разных полях, кроме выгона. Построился Пахом, скотину завел. Земли у него одной душевой против прежнего втрое стало. И земля хлебородная. Житье против того, что на старине было, вдесятеро лучше. И пахотной земли и кормов вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился – и на этой земле тесно показалось. Посеял первый год Пахом пшеницу на душевой, – хороша уродилась. Разохотился он пшеницу сеять, а душевой земли мало. И какая есть, не годится. Пшеницу там на ковыльной или залежной земле сеют. Посеют год, два и запускают, пока опять ковылем прорастет. А на такую землю охотников много, на всех и не хватает. Тоже из-за нее споры; побогаче кто – хотят сами сеять, а бедняки отдают купцам за подати. Захотел Пахом побольше посеять. Поехал на другой год к купцу, купил земли на год. Посеял побольше – родилось хорошо; да далеко от села: верст за 15 возить надо. Видит – в округе купцы-мужики хуторами живут, богатеют. «То ли дело, – думает Пахом, – коли бы тоже в вечность землицы купить да построить хутор. Всё бы в кругу было». И стал подумывать Пахом, как бы земли в вечность купить.

Прожил так Пахом три года. Снимал землю, пшеницу сеял. Года вышли хорошие, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежные завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый год в людях землю покупать, из-за земли воловодиться: где хорошенькая земляца есть, сейчас налетят мужики, всю разберут; не поспел укупить и не на чем сеять. А то купил на 3-й год с купцом пополам выгон у мужиков; и вспахали уж, да засудились мужики, так и пропала работа. «Кабы своя земля была, – думает, – никому бы не кланялся, и греха бы не было».

И стал Пахом разузнавать, где купить земли в вечность. И попал на мужика. Были куплены у мужика 500 десятин, да разорился он и продает за дешево. Стал Пахом ладить с ним. Толковал, толковал – сладился за 1500 руб., половину денег обождать. Совсем уж было поладили, да заезжает раз к Пахому купец проезжий на двор покормить. Попили чайку, поговорили. Рассказывает купец, что едет он из дальних башкир. Там, рассказывает, купил у башкирцев земли тысяч 5 десятин. И стало всего 1000 рублей. Стал расспрашивать Пахом. Рассказал купец. «Только, – говорит, – стариков убоготворил. Халатов, ковров раздарил рублей на 100, да цыбик чаю, да попоил винцом, кто пьет. И по 20 коп. за десятину взял». Показывает купчую. «Земля, – говорит, – по речке, и степь вся ковыльная». Стал расспрашивать Пахом, как и что. «Земли, – говорит купец, – там не обойдешь и в год: всё

башкирская. А народ несмышленный, как бараны. Можно почти даром взять». – «Ну, – думает Пахом, – что ж мне за мои 1000 руб. 500 десятин купить да еще долг на шею забрать. А тут я за 1000 рублей чем завладаю!»

V.

Расспросил Пахом, как проехать, и только проводил купца, собрался сам ехать. Оставил дом на жену, сам собрался с работником, поехал. Заехали в город, купили чаю цыбик, подарков, вина, – всё, как купец сказал. Ехали, ехали, верст 500 отъехали. На седьмые сутки приехали на башкирскую кочевку. Всё так, как купец говорил. Живут все в степи, над речкой, в кибитках войлочных. Сами не пашут и хлеба не едят. А в степи скотина ходит и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и к ним два раза в день маток пригоняют; кобылье молоко доят и из него кумыс делают. Бабы кумыс болтают и сыр делают, а мужики только и знают – кумыс и чай пьют, баранину едят да на дудках играют. Гладкие все, веселые, всё лето празднуют. Народ совсем темный и по-русски не знают, а ласковый.

Только увидели Пахома, повышли из кибиток башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчик. Сказал ему Пахом, что он об земле приехал. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его в кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили под него подушек пуховых, сели кругом, стали угощать чаем, кумысом. Барана зарезали и бараниной накормили. Достал Пахом из тарантаса подарки, стал башкирцам раздавать. Одарил Пахом башкирцев подарками и чай разделил.

Обрадовались башкирцы. Лопотали, лопотали промеж себя, потом велели переводчику говорить.

– Велят тебе сказать, – говорит переводчик, – что они полюбили тебя и что у нас обычай такой – гостю всякое удовольствие делать и за подарки отдаривать. Ты нас одарил; теперь скажи, что тебе из нашего полюбится, чтоб тебя отдарить?

– Полюбилась мне, – говорит Пахом, – больше всего у вас земля. У нас, говорит, в земле теснота, да и земля выпаханная, а у вас земли много и земля хороша. Я такой и не видывал.

Передал переводчик. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимает Пахом, что они говорят, а видит, что веселы, кричат что-то, смеются. Затихли потом, смотрят на Пахома, а переводчик говорит:

«Велят, – говорит, – они тебе сказать, что за твое добро рады тебе сколько хочешь земли отдать. Только рукой покажи какую – твоя будет»

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросил Пахом, о чем спорят. И сказал переводчик:

– Говорят одни, что надо об земле старшину спросить, а без него нельзя. А другие говорят, и без него можно.

VI.

Спорят башкирцы, вдруг идет человек в шапке лисьей. Замолчали все и встали. И говорит переводчик: «Это старшина самый». Сейчас достал Пахом лучший халат и поднес старшине и еще чаю 5 фунтов. Принял старшина и сел на первое место. И сейчас стали говорить ему что-то башкирцы. Слушал, слушал старшина, кивнул головой, чтоб они замолчали, и стал говорить Пахому по-русски.

– Что ж, говорит, можно. Бери, где полюбится. Земли много.

«Как же я возьму, сколько хочу, – думает Пахом. – Надо же как ни есть закрепить. А то скажут твоя, а потом отнимут».

– Благодарим вас, – говорит, – на добром слове. Земли ведь у вас много; а мне немножко надо. Только бы мне знать, какая моя будет. Уж как-нибудь всё-таки отмерять да закрепить за мной надо. А то в смерти-животе Бог волен. Вы, хорошие люди, даете, а придется – дети ваши отнимут.

– Правда твоя, – говорит старшина, – закрепить можно.

Стал Пахом говорить:

Я вот слышал, у вас купец был. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сделали; так и мне бы тоже».

Всё понял старшина.

– Это всё можно, – говорит. – У нас и писарь есть, и в город поедем, и все печати приложим.

– А цена какая будет? – говорит Пахом.

– Цена у нас одна: 1000 руб. за день.

Не понял Пахом.

– Какая же это мера – день? Сколько в ней десятин будет?

– Мы этого, – говорит, – не умеем считать. А мы за день продаем; сколько обойдешь в день, то и твое, а цена дню 1000 рублей.

Удивился Пахом.

– Да ведь это, – говорит, – в день обойти, земли много будет.

Засмеялся старшина.

– Вся твоя! – говорит. – Только один уговор: если назад не придешь в день к тому месту, с какого возьмешься, пропали твои деньги.

– А как же, – говорит Пахом, – отметить, где я пройду?

– А мы станем на место, где ты облюбуйешь, мы стоять будем, а ты иди, делай круг; а с собой скребку возьми и, где надобно, замечай, на углах ямки рой, дернички клади, потом с ямки на ямку плугом проедем. Какой хочешь круг забирай, только до захода солнца приходи к тому месту, с какого взялся. Что обойдешь, всё твое.

Обрадовался Пахом. Порешили на ране выезжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поели, еще чаю напились; стало дело к ночи. Уложили Пахома спать на пуховике, и разошлись башкирцы. Обещались завтра на зорьке собраться, до солнца на место выехать.

VII.

Лег Пахом на пуховики и не спится ему, всё про землю думает. «Отхвачу, – думает, – Палестину большую. Верст 50 обойду в день-то. День-то нынче что год; в 50 верстах земли-то что́ будет. Какую похуже – продам или мужиков пушу, а любенькую отберу, сам на ней сяду. Плуга два быков заведу, человека два работников найму; десятинок полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану».

Не заснул всю ночь Пахом. Перед зарей только забылся. Только забылся и видит он сон. Видит он, что лежит будто он в этой самой кибитке и слышит наружу гогочет кто-то. И будто захотелось ему посмотреть, кто такой смеется, и встал он, вышел из кибитки и видит – сидит тот самый старшина башкирский перед кибиткой, за живот ухватился обеими руками, закатывается, гогочет на что-то. Подошел он и спросил: «чему смеешься?» И видит он, будто это не старшина башкирский, а купец намеднишний, что к ним заезжал, об земле рассказывал. И только спросил у купца: «ты давно ли тут?» а это уж и не купец, а тот самый мужик, что на старине снизу заходил. И видит Пахом, что будто и не мужик это, а сам дьявол, с рогами и с копытами, сидит, хохочет, а перед ним лежит человек босиком, в рубахе и портках. И будто поглядел Пахом пристальней, что за человек такой? И видит, что человек мертвый и что это – он сам. Ужаснулся Пахом и проснулся. Проснулся. – «Чего не приснится», – думает. Огляделся; видит в открытую дверь – уж бело становится, светать начинает. «Надо, – думает, – будить народ, пора ехать». Поднялся Пахом, разбудил работника в тарантасе, велел запрягать и пошел башкирцев будить.

– Пора, – говорит, – на степь ехать, отмерять.

Повставали башкирцы, собрались все, и старшина пришел. Зачали башкирцы опять кумыс пить, хотели Пахома угостить чаем, да не стал он дожидаться.

– Коли ехать, так ехать, – говорит, – пора.

VIII.

Собрались башкирцы, сели – кто верхами, кто в тарантасы, поехали. А Пахом с работником на своем тарантасике поехали и с собой скребку взяли. Приехали в степь, заря занимается. Въехали на бугорок, побашкирски – на шихан. Вылезли из тарантасов, послезали с лошадей, сошлись в кучку. Подошел старшина к Пахому, показал рукой.

– Вот, – говорит, – вся наша, что глазом окинешь. Выбирай любую.

Разгорелись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак, а где лощинка – так разнотравье, трава по груди.

Снял старшина шапку лисью, поставил на землю.

– Вот, – говорит, – метка будет. Отсюда пойдешь, сюда приходи. Что обойдешь, всё твое будет.

Вынул Пахом деньги, положил на шапку, снял кафтан, в одной поддевке остался, перепоясался потуже под брюхо кушаком, подтянулся, сумочку с хлебом за пазуху положил, баклажку с водой к кушаку привязал, подтянул голенища, взял скребку у работника, собрался идти. Думал, думал, в какую сторону взять, – везде хорошо. Думает – всё одно: пойду на восход солнца. Стал лицом к солнцу, размялся, ждет, чтобы показалось оно из-за края. Думает – ничего времени пропускать не стану. Холодком и идти легче. Только брызнуло из-за края солнце, вскинул Пахом скребку на плечо и пошел в степь.

Пошел Пахом не тихо, не скоро. Отошел с версту; остановился, вырыл ямку и дернички друг на дружку положил, чтоб приметней было. Пошел дальше. Стал разминаться, стал и шагу прибавлять. Отошел еще, вырыл еще другую ямку.

Оглянулся Пахом. На солнце хорошо видно шихан, и народ стоит, и у тарантасов на колесах шины блестят. Угадывает Пахом, что верст 5 прошел. Согреться стал, снял поддевку, вскинул на плечо, пошел дальше. Отошел еще верст пять. Тепло стало. Взглянул на солнышко, – уж время об завтраке.

«Одна упряжка прошла, – думает Пахом. – А их четыре в дню, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь». Присел, разулся, сапоги за пояс, пошел дальше. Легко идти стало. Думает: «Дай пройду еще верст пяток,

тогда влево загибать стану. Место-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше». Пошел еще напрямик. Оглянулся – шихан уж чуть видно и народ, как мураши, на нем чернеется и чуть блестит что-то.

«Ну, – думает Пахом, – в эту сторону довольно забрал; надо загибать. Да и разопрел – пить хочется». Остановился, вырыл ямку побольше, положил дернички, отвязал баклажку, напился и загнул круто влево. Шел он, шел, трава пришла высокая, и жарко стало.

Стал Пахом уставать; поглядел он на солнышко, видит – самый обед. «Ну, – думает, – отдохнуть надо». Остановился Пахом, присел. Поел хлебца с водой, а ложиться не стал: думает ляжешь, да и заснешь. Посидел немного, пошел дальше. Сначала легко пошел. От еды силы прибавилось. Да уж жарко очень стало, да и сон клонить стал; однако все идет, думает – час терпеть, а век жить.

Прошел еще и по этой стороне много, хотел уж загибать влево, да глядь – лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думает, «лен тут хорош уродится». Опять пошел прямо. Захватил лощинку, выкопал ямку за лощиной, загнул второй угол. Оглянулся Пахом на шихан: от тепла затуманилось, качается что-то в воздухе и сквозь мару чуть виднеются люди на шихане – верст 15 до них будет. «Ну, – думает Пахом, – длинны стороны взял, надо эту покорооче взять». Пошел третью сторону, стал шагу прибавлять. Посмотрел на солнце – уж оно к полднику подходит, а по третьей стороне всего версты две прошел. И до места всё те же верст 15. «Нет, – думает, – хоть кривая дача будет, а надо напрямиком поспевать. Не забрать бы лишнего. А земли и так уж много». Вырыл Пахом поскорее ямку и повернул напрямик к шихану.

IX.

Идет Пахом прямо на шихан, и тяжело уж ему стало. Разопрел и ноги босиком изрезал и отбил, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя, – не успеешь дойти до заката. Солнце не ждет, всё спускается да спускается. «Ах, думает, не ошибся ли, не много ли забрал? Что, как не успеешь?» Взглянет вперед на шихан, взглянет на солнце: до места далеко, а солнце уж недалеко от края.

Идет так Пахом, трудно ему, а всё прибавляет да прибавляет шагу. Шел, шел – всё еще далеко; побежал рысью. Бросил за поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросил, только скребку держит, ей попирается. «Ах, – думает, – позарился я, всё дело погубил, не добегу до заката». И еще хуже ему от страха дух захватывает. Бежит Пахом, рубаха и портки от пота к телу липнут, во рту пересохло. В груди как мехи кузнечные раздуваются. а в сердце молотком бьет, и ноги как не свои – подламываются. Жутко стало Пахому: думает, «как бы не помереть с натуги».

Помереть боится, а остановиться не может. «Столько, – думает, –

пробежал, а теперь остановиться, – дураком назовут». Бежал, бежал, подбегает уж близко и слышит: визжат, гайкают на него башкирцы, и от крика ихнего у него еще пуще сердце разгорается. Бежит Пахом из последних сил, а солнце уж к краю подходит, в туман зашло; большое, красное, кровавое стало. Вот-вот закатываться станет. Солнце близко, да и до места уж вовсе не далеко. Видит уж Пахом, и народ на шихане на него руками махает, его подгоняют. Видит шапку лисью на земле и деньги на ней видит; видит и старшину, как он на земле сидит, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сон. «Земли, – думает, – много, да приведет ли Бог на ней жить. Ох, погубил я себя, – думает, – не добегу».

Взглянул Пахом на солнце, а оно до земли дошло, уж краешком заходить стало и дугой к краю вырезалось. Наддал из последних сил Пахом, навалился наперед телом, насилу ноги успевают подставляться, чтоб не упасть. Подбежал Пахом к шихану, вдруг темно стало. Оглянулся, – уж зашло солнце. Ахнул Пахом. «Пропали, – думает, – мои труды». Хотел уж остановиться, да слышит, гайкают всё башкирцы, и вспомнил он, что снизу ему кажется, что зашло, а с шихана не зашло еще солнце. Надулся Пахом, взбежал на шихан. На шихане еще светло. Взбежал Пахом, видит – шапка. Перед шапкой сидит старшина, гогочет, руками за пузо держится. Вспомнил Пахом сон, ахнул, подкосились ноги, и упал он наперед, руками до шапки достал.

– Ай, молодец! – закричал старшина. – Много земли завладел!

Подбежал работник Пахомов, хотел поднять его, а у него изо рта кровь течет, и он мертвый лежит.

Пощелкали языками башкирцы, пожалели.

Поднял работник скребку, выкопал Пахому могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил – три аршина, и закопал его.

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

[ВАРИАНТЫ РАССКАЗА «МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛИ НУЖНО».]

* № 1.

Жена слушала, слушала, заснула. Въ среди ночи закричала жена во снѣ

и проснулась.

– Чего ты? говорить мужь.

– Да что, Пахомушка, говорить: нехорошій я сонъ видѣла. Не ходи ты завтра землю обходить.

Засмѣялся Пахомь.

Вона! говорить. Что же тебѣ привидѣлось?

– Охъ, не ходи, Пахомушка. Жутко мнѣ.

– Да что ты видѣла то?

И видѣлось мнѣ, что лежимъ мы съ тобой въ этой самой кибиткѣ и что слышу я, хохочетъ кто то у хозяина и что захотѣлось мнѣ посмотреть. И встала я, будто и пошла потихоньку къ той кибиткѣ. Подошла, подняла войлокъ и заглянула въ щелку. И вижу я, сидитъ этотъ самый старшина башкирскаго, вотъ такъ за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, хохочетъ. И гляжу я на него и это не онъ, а купецъ намеднишній, что къ намъ заѣзжалъ, и гляну я на купца, и опять не купецъ, а тотъ мужикъ, что къ намъ на старинѣ съ низу заходилъ. И гляжу я на мужика, и опять не онъ, а самъ дьяволь съ рогами и съ копытами сидитъ, хохочетъ и на что-то глядитъ. Поглядѣла я, куда онъ глядитъ, а это ты лежишь кверху носомъ и бѣлый, какъ ручникъ. Испугалась я, закричала и проснулась. Не ходи ты завтра, Пахомушка, землю обходить. Не къ добру я сонъ видѣла и не къ добру на одно лицо три человекъ эти: и мужикъ съ низу, и купецъ, и старшина башкирскаго. – Не ходи, батюшка.

– Посмѣялся Пахомь. – Будетъ, будетъ толковать то. Вашихъ бабьихъ словъ не переслушаешь. Спи, еще рано. Прилежь и Пахомь. Да такъ и не заснулъ до разсвѣта.

* № 2.

Подбѣжала Пахомова хозяйка съ работникомъ, хотѣла поднять его, глядь, а у него изо рта кровь течетъ и онъ мертвый лежитъ. Ахнула жена, оглянулась на старшину, а онъ сидитъ такъ точно, какъ она во снѣ его видѣла, сидитъ на корточкахъ, гогочетъ. И видитъ она явственно рога изъ за скуфейки торчатъ и на ногахъ копыта.

Всталъ старшина, поднялъ съ земли заступъ, кинулъ бабѣ. – На, закопай! Да сестрѣ похвались, какъ мужику земля на пользу пошла.

Поднялись всѣ башкирцы и уѣхали.

Осталась вдова Пахомова въ степи съ своимъ работникомъ.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛИ НУЖНО?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Мысль рассказа «Много ли человеку земли нужно» зародилась у Толстого гораздо раньше, чем он начал писать рассказ. Тема этого рассказа связана с одной стороны, можно сказать, совершенно неожиданно, с работами Толстого над изучением греческого языка, и в частности над чтением в подлиннике Геродота, с другой стороны с жизнью Толстого в Самарских степях, которая естественно вела к знакомству с нравами и обычаями башкир; таким образом и то и другое относит первый замысел рассказа к 1871 году. Тогда – зимой 1870–1871 гг. – Толстой был сильно увлечен изучением греческого языка: «с утра до ночи учусь по гречески», – писал он А. А. Фету; [2] «по ночам говорю во сне по гречески»;

[3] он ничего не пишет, говорится в письме к нему же, только «учится». Толстой работает над греческим языком, как всегда работал над увлекающим его предметом, – страстно, до изнеможения, не думая о своем здоровье, к тому же пошатнувшимся в это время, как он сам весной писал С. С. Урусову. С. А. Толстая, находя упорные занятия мужа греческим языком слишком вредными для его здоровья, так как она считала их главной причиной болезни, настояла в начале лета на

поездке в Самару для лечения кумысом. Эта поездка, поправив состояние его здоровья, не прекратила занятия греческим языком и особенно погрузила его в чтение Геродота. Столкнувшись с местными жителями – башкирами, – Толстой увидел в них близкое сходство с скифами Геродота. «Читаю и Геродота, который с подробностью и большой верностью, описывает тех же самых галактофагов, скифов, среди которых я живу»,

[4] – читаем в письме Толстого к А. А. Фету. И он чувствует себя, как читаем в письме к С. А. Толстой – «приходящим в скифское состояние». Всё казалось ему там в Башкирии «ново и интересно»: «и башкирцы, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и добродушию».

[5] Эти башкиры с их питанием кумысом, кумысо-еды, галактофаги уносили его к временам Геродота.

Толстой ставил кульминационным пунктом своего рассказа развитие и своеобразное толкование обычая, описанного Геродотом; в нем он видел определенный ответ на вопрос, поставленный в заглавии. Суть обычая скифов Геродота, обычая известного и в других местах, заключается в передаче земли посредством дара или купли – продажи обегом ее или объездом на коне в течение определенного времени, с восхода до заката солнца, и так как человек никогда не в состоянии остановить своих желаний, то этот обег влечет за собою смерть.

В «Истории» Геродота (книга IV, глава 7) рассказывается так про обычай скифов: во время торжества в прославление плуга, ярма, секиры и чаши, по преданию упавших с неба, страж, оберегающий эти золотые предметы, если он заснет во время празднества, получает в подарок столько земли, сколько он может на коне объехать, потому что он и года не проживет после этого. От этого предания можно с уверенностью сказать заложенный сюжет будущей сказки о земле Толстого. Рассказ об обеге или объезде земли, для закрепления за собой, и следующая затем смерть домогающегося этого дара не ограничивается записью Геродота. Подобное предание в 1850-х годах было записано в Украине в Черниговской губернии и связано с болотом Гале в Сосницком уезде, заклятом и негодном для скота; здесь, по преданию, сговорился один человек с другим обежать болото с тем, чтоб оно ему досталось, и не добежав упал и умер на месте. Иные про то же или одноименное место рассказывают, что один батуринский житель просил себе земли у гетмана, и ему назначено было столько земли, сколько он без отдыха пробежит. Он пробежал, но, не достигнув цели упал около Галого, протягивая вдаль руку, и кладя ее на землю умер.

[6] Возможно, что Толстой, если и не знал записи этого предания, может быть, знал какой-нибудь другой его вариант; во всяком случае с преданием, рассказанным Геродотом, он несомненно был знаком (см. статью М. Альтмана «Л. Толстой и Геродот»). [7] В рассказ Толстого «Много ли человеку земли нужно» входят три момента сюжета о добывании земли: сон, обег и смерть перед самым концом пробега; в Батурином предании нет момента предварительного сна; в предании, записанном Геродотом, есть все три момента сюжета, но сочетание их представлено в нем совершенно в ином изложении, чем у Толстого.

Старшая рукопись рассказа «Много ли человеку земли нужно?» находится в том же обрывке тетради, как и старшие записи рассказов «Кающийся грешник» и «Зерно с куриное яйцо», вслед за ними, и, как видно по почерку и чернилам, написана с ними почти одновременно, т. е. в мае или июне 1885 года. Редакций рассказа нужно считать три: две в первой рукописи и одна во второй; следующие рукописи дают лишь некоторые стилистические поправки. На заглавии Толстой остановился не сразу, только в третьей редакции на обложке рукописи указав предполагаемое заглавие (вписано, повидимому, В. Г. Чертковым) – «сказка о земле»; это заглавие впрочем тут же было оставлено и рассказу тогда же было дано то заглавие, которое за ним и осталось. В июне ли 1885 г. Толстой закончил писание своего рассказа или позже, нет никаких указаний. Известно только, что к печати рассказ был разрешен в начале апреля 1886 года, именно 5-го апреля была дозволена 4-я книжка «Русского богатства», в которой был напечатан впервые рассказ. «Посредник» получил разрешение в два приема: текст 2-го апреля, а обложка 9-го. Как книгоиздательству, преследуемому цензурой, «Посреднику» было дано разрешение с исключением одной фразы, почему-то сочтенной опасной (из 3-й главы: «Стали ему и красным петухом грозиться» (впрочем уже разрешенной во 2-м издании)). Рассказ был напечатан «Посредником» в сборничке, названном «Три сказки», в который кроме него вошли два другие рассказа Толстого «Зерно с куриное яйцо» и «Как чертенок краюшку выкупал». На обложке сборничка рисунки, относящиеся к рассказу «Много ли человеку земли нужно», исполненные художником М. Е. Малышевым. Вскоре после «Русского богатства» и «Посредника» рассказ вышел в издании С. А. Толстой в XII-й части «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Произведения последних годов» (Москва, Типография А. И. Мамонтова). Фраза, недозволённая в издании «Посредника», в этом издании не подверглась запрещению.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Текст рассказа сохранился в пяти рукописях: три – в Архиве, переданном В. Г. Чертковым в ГТМ в папке 11 №№ 10, 11 и 12, одна – в АТБ под шифром: V. 6. Там же корректура, под шифром: V. 1. 4.

Рукопись ГЛМ под шифром 2457/26. Там же корректура под шифром 2457/2.

1) Автограф ГТМ, № 10. 4°, 11 лл. Описание автографа см. при рассказе «Кающийся грешник». Рассказ «Много ли человеку земли нужно» в этой рукописи без заглавия. Начало: «1. Приѣхала старшая сестра къ меньшей сестрѣ въ гости».... Весь рассказ разделен на шесть глав. Мелкие подробности не разработаны. Пахом едет к башкирам с женой и работником, и накануне рокового дня страшный сон видит жена и рассказывает мужу. В рукописи много поправок, дополнений и перестановок текста. Это первый набросок, первая редакция.

2) Рукопись ГТМ, № 11 копия с предыдущей, рукою В. Г. Черткова, 4°, на 16 листах нелинованной писчей бумаги, с поправками и дополнениями Толстого. Это вторая редакция. Заглавие приписано рукою Толстого: «Много ли человекѣку нужно». Рассказ разделен на 8 глав римскими цифрами. Начало: «1. Приѣхала изъ города старшая сестра»... Дополнения и поправки рассказа в основе не изменяют.

3) Рукопись АТБ V. 6. Копия рукою С. А. Толстой, с поправками Толстого, 4°, на 16 листах нелинованной писчей бумаги. Л. 1 – заглавие: «Много ли человеку нужно». Поправок много, но главным образом стилистического характера. Текст начинается с л. 3-го; на л. 1 и 2 – заглавие. Начало: «Приѣхала изъ города старшая сестра къ меньшей въ деревню, въ гости»...

4) Рукопись ГТМ, № 12, F°, на 11 листах (л.1 – заглавие). Копия рукою Н. Л. Озмидова с поправками и дополнениями Толстого и карандашными поправками Озмидова. Перед текстом в заглавие: «Много ли человекѣку нужно» рукою Толстого после слова: «человекѣку» вставлено: «земли». Начало: «Приѣхала въ гости изъ города старшая сестра къ меньшей въ деревню»... Эта рукопись представляет копию с предыдущей. Здесь сделаны изменения: вместо слова «шишка» – везде – «шихан». Пахом едет к башкирцам без жены, с работником, страшный сон видит сам.

5) Рукопись ГЛМ на 11 л. писчей бумаги в линейку с многочисленными поправками Толстого карандашом и чернилами. На каждой странице пометки рукою В. Г. Черткова: «Ч», свидетельствующие о том, что рукопись находилась у него, это же видно из его собственноручных замечаний по поводу содержания рассказа. Рукопись представляет собою последнюю редакцию рассказа. Конец его сильно изменен стилистически путем зачеркивания и надписывания нового текста. В зачеркнутых автором местах фигурируют верховые башкирцы, которые должны наблюдать за обегом Пахома вемли. В результате поправок Толстого на рукописи, содержание ее почти совпадает с печатным текстом. Рукопись разделена также на 9 глав. Лишь 8-я гл. начинается со слов: Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ... по окончательному тексту гл. 7, стр. 75. Рукопись, повидимому – копия предыдущей.

6) Корректурные гранки АТБ V. 1. 4, 7 полос. Это – корректура из «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая. Произведения последних годов. М. 1886», стр. 483–498, с поправками рукою

Толстого. Текст этого издания «Сочинений» кладется в основу настоящего издания, с проверкой по рукописям и корректуре.

7) Подписной корректурный лист, хранящийся в ГЛМ с надписью: «Исправив ошибки и нумерацию печатать гр. С. Толстая». Корректурa изд. 1886 г., стр. 473–489; нумерация страниц исправлена карандашом рукой Толстого на 492–498. Других исправлений рукой Толстого нет.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатаваем здесь петитом и остальные четыре главы

статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гродовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

2

Письмо к А. А. Фету в декабре 1870 г.

3

Письмо к А. А. Фету в январе 1871 г.

4

Письмо к Фету 17 июля 1871 г.

5

Письмо к С. А. Толстой 23 июня 1871 г.

6

Базилевич, Местечко Александровка Черниговской губ. Сосницкого уезда. Этнографический сборник, вып. I, Спб. 1853.

7

«Slavia. R. 7, S. 2. Praha. 1928.

Лев Николаевич

Толстой

Работник Емельян и пустой барабан

(1886 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

РАБОТНИК ЕМЕЛЬЯН И ПУСТОЙ БАРАБАН.

Жил Емельян у хозяина в работниках. Идет раз Емельян по лугу на работу, глядь – прыгает перед ним лягушка; чуть-чуть не наступил на нее. Перешагнул через нее Емельян. Вдруг слышит, кличет его кто-то сзади. Оглянулся Емельян, видит – стоит красавица-девица и говорит ему:

– Что ты, Емельян, не женишься?

– Как мне, девица милая, жениться? Я весь тут, нет у меня ничего, никто за меня не пойдет.

И говорит девица:

– Возьми меня замуж!

Полюбилась Емельяну девица.

– Я, – говорит, – с радостью, да где мы жить будем?

– Есть, – говорит девица, – о чем думать! Только бы побольше работать, да поменьше спать, – а то везде и одеты, и сыты будем.

– Ну, что ж, – говорит, – ладно. Женюсь. Куда ж пойдём?

– Пойдём в город.

Пошел Емельян с девицей в город. Свела его девица в домишко небольшой, на краю. Женились и стали жить.

Ехал раз царь за город. Проезжает мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотреть царя. Увидал ее царь, удивился: «где такая красавица родилась?» Остановил царь коляску, подозвал жену Емельяна, стал ее спрашивать:

– Кто, – говорит, – ты?

– Мужика Емельяна жена, – говорит.

– Зачем ты, – говорит, – такая красавица, за мужика пошла? Тебе бы царицей быть.

– Благодарю, – говорит, – на ласковом слове. Мне и за мужиком хорошо.

Поговорил с ней царь и поехал дальше. Вернулся во дворец. Не идет у него из головы Емельянова жена. Всю ночь не спал, всё думал он, как бы ему у Емельяна жену отнять. Не мог придумать, как сделать. Позвал своих слуг, велел им придумать. И сказали слуги царские царю:

– Возьми ты, – говорят, – Емельяна к себе во дворец в работники. Мы его работой замучаем, жена вдовой останется, тогда ее взять можно будет.

Сделал так царь, послал за Емельяном, чтобы шел к нему в царский дворец, в дворники, и у него во дворе с женой жил.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говорит мужу:

– Что ж, – говорит, – иди. День работай, а ночью ко мне приходи.

Пошел Емельян. Приходит во дворец; царский приказчик и спрашивает его:

– Что ж ты один пришел, без жены?

– Что ж мне, – говорит, – ее водить: у нее дом есть.

Задали Емельяну на царском дворе работу такую, что двоим впору. Взаялся Емельян за работу и не чаял всё кончить. Глядь, раньше вечера все кончил. Увидал приказчик, что кончил, задал ему на завтра вчетверо.

Пришел Емельян домой. А дома у него всё выметено, прибрано, печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидит за станом, тчет, мужа ждет. Встретила жена мужа; собрала ужинать, накормила, напоила; стала его про работу спрашивать.

– Да что, – говорит, – плохо: не по силам уроки задают, замучают они меня работой.

– А ты, – говорит, – не думай об работе и назад не оглядываясь и вперед не гляди, много ли сделал и много ли осталось. Только работай. Всё во-время успеет.

Лег спать Емельян. На утро опять пошел. Взаялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь, к вечеру всё готово, засветло пришел домой ночевать.

Стали еще и еще набавлять работу Емельяну, и всё к сроку кончает Емельян, ходит домой ночевать. Прошла неделя. Видят слуги царские, что не могут они черной работой донять мужика; стали ему хитрые работы задавать. И тем не могут донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу, – что ни зададут, – всё делает к сроку Емельян, к жене ночевать идет. Прошла другая неделя. Позвал царь своих слуг и говорит:

– Или я вас задаром хлебом кормлю? Две недели прошло, а всё ничего я от вас не вижу. Хотели вы Емельяна работой замучать, а я из окна вижу, как он каждый день идет домой, песни поет. Или вы надо мной смеяться вздумали?

Стали царские слуги оправдываться.

– Мы, – говорят, – всеми силами старались его сперва черной работой замучать, да ничем не возьмешь его. Всякое дело как метлою метет, и устали в нем нет. Стали мы ему хитрые работы задавать, думали: у него ума не достанет; тоже не можем донять. Откуда что берется! До всего доходит, всё делает. Не иначе, как либо в нем самом, либо в жене его – колдовство есть. Он нам и самим надоел. Хотим мы теперь ему такое дело задать, чтобы нельзя было ему сделать. Придумали мы ему велеть в один день собор построить. Призови ты Емельяна и вели ему в один день против дворца собор построить. А не построит он, тогда можно ему за ослушание голову отрубить.

Послал царь за Емельяном.

– Ну, – говорит, – вот тебе мой приказ: построй ты мне новый собор против дворца на площади, чтоб к завтраму к вечеру готово было. Постройшь, – я тебя награжу, а не построишь, – казнь.

Отслушал Емельян речи царские, повернулся, пошел домой. «Ну, – думает, – пришел мой конец теперь». Пришел домой к жене и говорит:

– Ну, – говорит, – собирайся, жена: бежать надо, куда попало, а то ни за что пропадем.

– Что ж, – говорит, – так заробел, что бежать хочешь?

– Как же, – говорит, – не заробеть? Велел мне царь завтра в один день собор построить. А если не построю, грозитя голову отрубить.

Одно остается – бежать, пока время.

Не приняла жена этих речей.

– У царя солдат много, повсюду поймают. От него не уйдешь. А пока сила есть, слушаться надо.

– Да как же слушаться, когда не по силам?

– И... батюшка! не тужи, поужинай, да ложись: на утро вставай пораньше, всё успеешь.

Лег Емельян спать. Разбудила его жена.

– Ступай, – говорит, – скорей достраивай собор; вот тебе гвозди и молоток: там тебе на день работы осталось.

Пошел Емельян в город, приходит, – точно, новый собор посередеь площади стоит. Немного не кончен. Стал доделывать Емельян, где надо: к вечеру всё исправил.

Проснулся царь, посмотрел из дворца, видит – собор стоит. Емельян похаживает, кое-где гвоздики приколачивает. И не рад царь собору, досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жену отнять.

Опять призывает царь своих слуг:

– Исполнил Емельян и эту задачу, не за что его казнить. Мала – говорит – и эта ему задача. Надо что похитрей выдумать. Придумайте, а то я вас прежде его расскажню.

И придумали ему слуги, чтобы заказал он Емельяну реку сделать, чтобы текла река вокруг дворца, а по ней бы корабли плавали. Призвал царь Емельяна, приказал ему новое дело.

– Если ты, – говорит, – в одну ночь мог собор построить, так можешь ты и это дело сделать. Чтобы завтра было всё по моему приказу готово. А не будет готово, голову отрублю.

Опечалился еще пуще Емельян, пришел к жене сумрачный.

– Что, – говорит жена, – опечалился, или еще новое что царь заказал?

Рассказал ей Емельян.

– Надо, – говорит, – бежать.

А жена говорит:

– Не убежишь от солдат, везде поймают. Надо слушаться.

– Да как слушаться-то?

– И... – говорит, – батюшка, – ни о чем не тужи. Поужинай, да спать

ложись. А вставай пораньше, всё будет к поре.

Лег Емельян спать. По утру разбудила его жена.

– Иди, – говорит, – ко дворцу, всё готово. Только у пристани, против дворца, бугорок остался; возьми заступ, сравняй.

Пошел Емельян; приходит в город; вокруг дворца река, корабли плавают. Подошел Емельян к пристани против дворца, видит – неровное место, стал равнять.

Проснулся царь, видит – река, где не было; по реке корабли плавают, и Емельян бугорок заступом равняет. Ужаснулся царь; и не рад он и реке, и кораблям, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думает себе: нет такой задачи, чтоб он не сделал. Как теперь быть?

Призвал слуг своих, стал с ними думать.

– Придумайте, – говорит, – мне такую задачу, чтобы не под силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумывали, он все сделал, и нельзя мне у него жены отобрать.

Думали, думали придворные и придумали. Пришли к царю и говорят:

– Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда, – не знай куда, и принеси того, – не знай чего. Тут уж ему нельзя будет отвертеться. Куда бы он ни пошел, ты скажешь, что он не туда пошел, куда надо; и чего бы он ни принес, ты скажешь, что не то принес, чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался царь.

– Это, – говорит, – вы умно придумали.

Послал царь за Емельяном и сказал ему:

– Поди туда, – не знай куда, принеси того, – не знай чего. А не принесешь, отрублю тебе голову.

Пришел Емельян к жене и говорит, что ему царь сказал. Задумалась жена.

– Ну, – говорит, – на его голову научили царя. Теперь умно делать надо.

Посидела, посидела, подумала жена и стала говорить мужу: – Идти тебе надо далеко, к нашей бабушке к старинной, мужицкой, солдатской матери, надо ее милости просить. А получишь от нее штуку, иди прямо во дворец, и я там буду. Теперь уж мне их рук не миновать. Они меня силой возьмут, да только не надолго. Если всё сделаешь, как бабушка тебе велит, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретенце.

– Вот это, – говорит, – ей отдай. По этому она узнает, что ты мой муж.

Показала жена ему дорогу. Пошел Емельян, вышел за город, видит – солдаты учатся. Постоял, посмотрел Емельян. Поучились солдаты, сели отдохнуть. Подошел к ним Емельян и спрашивает:

– Не знаете ли, братцы, где идти туда, – не знай куда, и как принести того, – не знай чего.

Услыхали это солдаты и удивились.

– Кто, – говорят, – тебя послал искать?

– Царь, – говорит.

Мы сами, – говорят, – вот с самого солдатства ходим туда, не знай куда, да не можем дойти, и ищем того, – не знай чего, да не можем найти. Не можем тебе пособить.

Посидел Емельян с солдатами, пошел дальше. Шел, шел, приходит в лес. В лесу избушка. В избушке старая старуха сидит, мужицкая, солдатская мать, кудельку прядет, сама плачет и пальцы не во рту слюнями, а в глазах слезами мочит. Увидала старуха Емельяна, закричала на него.

– Чего пришел?

Подав ей Емельян веретенце и сказал, что его жена прислала. Сейчас помягчала старуха, стала спрашивать. И стал Емельян рассказывать всю свою жизнь, как он на девице женился, как перешел в город жить, как его к царю в дворники взяли, как он во дворце служил, как собор построил и реку с кораблями сделал и как ему теперь царь велел идти туда, – не знай куда, принести того, – не знай чего.

Отслушала старуха и перестала плакать. Стала сама с собою бормотать:

– Дошло, видно, время. Ну, ладно, – говорит, – садись сынок, поешь.

Поел Емельян, и стала старуха ему говорить:

– Вот, тебе, – говорит, – клубок. Покажи ты его перед собой и иди за ним, куда он катиться будет. Идти тебе будет далеко, до самого моря. Придешь к морю, увидишь город большой. Войди в город, просись в крайний двор ночевать. Тут и ищи того, что тебе нужно.

– Как же я, бабушка, его узнаю?

– А когда увидишь то, чего лучше отца, матери слушают, оно то и есть. Хватай и неси к царю. Принесешь к царю, он тебе скажет, что не то ты принес, что надо. А ты тогда скажи: «Коли не то, так разбить его надо», да ударь по штуке по этой, а потом снеси ее к реке, разбей и брось в воду. Тогда и жену вернешь, и мои слезы осушишь.

Простился с бабушкой, пошел Емельян, покатил клубок. Катил, катил, – привел его клубок к морю. У моря город большой. С краю высокий дом. Попросился Емельян в дом ночевать. Пустили. Лег спать. Утром рано проснулся, – слышит отец поднялся, будит сына, посылает дров нарубить. И не слушается сын:

– Рано еще, – говорит, – успею.

Слышит, – мать с печки говорит:

– Иди, сынок, у отца кости болят. Разве ему самому идти? Пора.

Только почмокал губами сын и опять заснул. Только заснул, вдруг загремело, затрещало что-то на улице. Вскочил сын, оделся и выбежал на улицу. Вскочил и Емельян, побежал за ним посмотреть, что то такое гремит и чего сын лучше отца, матери послушался.

Выбежал Емельян, видит – ходит по улице человек, носит на пузе штуку круглую, бьет по ней палками. Она-то и гремит; ее-то сын и послушался. Подбежал Емельян, стал смотреть штуку. Видит: круглая, как кадушка, с обоих боков кожей затянута. Стал он спрашивать, как она зовется.

– Барабан, – говорят.

– А что же он, – пустой?

– Пустой, – говорят.

Подивился Емельян и стал просить себе эту штуку. Не дали ему. Перестал Емельян просить, стал ходить за барабанщиком. Целый день ходил и, когда лег спать барабанщик, схватил у него Емельян барабан и убежал с ним. Бежал, бежал, пришел домой в свой город. Думал жену повидать, а ее уж нет. На другой день ее к царю увели.

Пошел Емельян во дворец, велел об себе доложить: пришел, мол, тот, что ходил туда, – не знай куда, принес того, – не знай чего. Царю доложили. Велел царь Емельяну завтра придти. Стал просить Емельян, чтобы опять доложили.

– Я, – говорит, – нынче пришел, принес, что велел, пусть ко мне царь выйдет, а то я сам пойду.

Вышел царь.

– Где, – говорит, – ты был?

Он сказал.

– Не там, – говорит. – А что принес?

Хотел показать Емельян, да не стал смотреть царь.

– Не то, – говорит.

– А не то, – говорит, – так разбить ее надо, и чорт с ней.

Вышел Емельян из дворца с барабаном и ударил по нем. Как ударил, собралось всё войско царское к Емельяну. Емельяну честь отдают, от него приказа ждут. Стал на свое войско из окна царь кричать, чтобы они не шли за Емельяном. Не слушают царя, все за Емельяном идут. Увидал это царь, велел к Емельяну жену вывести и стал просить, чтоб он ему барабан отдал.

– Не могу, – говорит Емельян. – Мне, – говорит, – его разбить велено и оскретки в реку бросить.

Подошел Емельян с барабаном к реке, и все солдаты за ним пришли. Пробил Емельян у реки барабан, разломал в щепки, бросил его в реку, – и разбежались все солдаты. А Емельян взял жену и повел к себе в дом.

И с тех пор царь перестал его тревожить. И стал он жить, поживать, добро наживать, а худо – проживать.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«РАБОТНИК ЕМЕЛЬЯН И ПУСТОЙ БАРАБАН».

При ссылках на варианты печатных изданий сделаны такие сокращенные обозначения: издание Элпидина, Женева. 1891 г. обозначен цифрой 1; Сборник «Помощь голодающим» 1892 г. – 2; изд. Черткова (английское) 1899 г. – 3; 10-е и 11-е изд. С. А. Толстой – 1899–1903 г. – 4; изд. «Свободного Слова» 1904 г. – 5.

Стр. 162, строка 21.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 162, строка 22.

Вместо: царя. – в изд. 2 и 4: воеводу

Стр. 162, строка 24.

Вместо: коляску, – в изд. 2 и 4: коня

Стр. 162, строка 28.

Вместо: царицей – в изд. 2 и 4: княгиней

Стр. 163, строка 1.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода.

Стр. 163, строка 1.

Вместо: дворец. – в изд. 2 и 4: свои палаты

Стр. 163, строка 5.

Вместо: царские царю – в изд. 2 и 4: слуги воеводе

Стр. 163, строка 6.

Слов: во дворец – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 163, строка 9.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 163, строка 10.

Слов: царский дворец, – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 163, строка 10.

Вместо: во дворе – в изд. 2 и 4: в доме

Стр. 163, строка 14.

Вместо: во дворец; – в изд. 2 и 4: в палаты;

Стр. 63 строка 14.

Вместо: царский – в изд. 2 и 4: воеводин

Стр. 163, строка 18.

Вместо: на царском – в изд. 2 и 4: на воеводином

Стр. 163, строка 24.

Вместо: за станом, тчет, – в изданиях ошибочно: за столом, шьет

Стр. 163, строка 36.

Вместо: царские – в изд. 2 и 4: воеводины.

Стр. 163, строка 39.

Вместо: делает – в изд. 2 и 4: сделает.

Стр. 163, строка 40.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода.

Стр. 164, строка 3.

Вместо: замучать – в изданиях: замучить.

Стр. 164, строка 5.

Вместо: царские слуги – в изд. 2 и 4: слуги

Стр. 164, строка 7.

Вместо: замучать – в изд. кроме 1: замучить

Стр. 164, строка 7.

Вместо: возьмешь – в изд. 1, 2 и 4: возьмем

Стр. 164, строка 8.

Вместо: всякое дело – в изд. 1, 2 и 4: всякие дела

Стр. 164, строка 8.

Вместо: метлою – в изд. 1, 2 и 4: метлами

Стр. 164, строка 9.

Вместо: не можем – в изд. 1, 2 и 4: не могли

Стр. 164, строка 12.

Слòва: есть – в изд. 3 и 5 нет.

Стр. 164, строка 13.

Слòва: было – в изд. 1, 2 и 4 нет.

Стр. 164, строка 15.

Вместо: против дворца – в изд. 2 и 4: против твоих палат

Стр. 164, строка 17.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода.

Стр. 164, строка 19.

Вместо: дворца – в изд. 2 и 4: моих палат

Стр. 164, строка 22.

Вместо: речи царские – в изд. 2 и 4: приказ

Стр. 164, строка 26.

Вместо: пропадем – в изд. 1, 3 и 5: пропадешь.

Стр. 164, строка 28.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 164, строка 32.

Вместо: у царя солдат – в изд. 2 и 4: у воеводы слуг

Стр. 164, строка 34.

Вместо: когда – в изд. 3: коли

Стр. 164, строка 37.

Вместо: Лег Емельян спать – в изд. 1, 2 и 4 слова спать нет.

Стр. 165, строка 3.

Вместо: дворца – в изд. 2 и 4: палат.

Стр. 165, строка 3.

Вместо: царь – в изд. 2, 4 и 6: воевода

Стр. 165, строка 19.

Вместо: царь заказал – в изд. 2 и 4: приказали

Стр. 165, строка 23.

Слов: от солдат – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 165, строка 28.

Вместо: ко дворцу – в изд. 2 и 4: в город

Стр. 165, строка 29.

Слов: против дворца – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 165, строка 31.

Вместо: дворца – в изд. 2 и 4: палат.

Стр. 165, строка 32.

Слов: против дворца – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 165, строка 34.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 166, строка 36.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 166, строка 1.

Вместо: выдумывали – в изд. 1, 2 и 4: выдумали.

Стр. 166, строка 3.

Вместо: придворные – в изд. 2 и 4: слуги

Стр. 166, строка 3.

Вместо: царю – в изд. 2 и 4: воеводе.

Стр. 166, строка 10.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 166, строка 15.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 166, строка 21.

Слòва: солдатской – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 166, строки 30, 31, 32.

Вместо: солдаты – в изд. 2 и 4: стрельцы

Стр. 166, строка 37.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 166, строки 38–40.

Слов: мы сами кончая: не можем найти – в изд. 2 и 4 нет

Стр. 167, строка 1.

Слов: с солдатами – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 167, строка 3.

Слòва: солдатская – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 167, строка 4.

Слов: и пальцы не во рту кончая: слезами мочит – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 167, строка 10.

Слов: к царю – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 167, строка 11.

Вместо: во дворце – в изд. 2 и 4: воеводе

Стр. 167, строка 12.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 167, строка 26.

Вместо: хватай и неси к царю – в изд. 2 и 4: схвати и неси.

Стр. 167, строка 26.

Вместо: царю – в изд. 2 и 4: воеводе.

Стр. 167, строка 30.

Слов: и мои слезы осушишь – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 168, строка 4.

Вместо: что тò такое гремит и – в изд. 2 и 4: что такое, в изд. 3 и 5: что такое это гремит: в изд. 1: что-то такое

Стр. 168, строка 11.

Вместо: она – в изд. 1, 3 и 5: эта штука

Стр. 168, строка 19.

Вместо: к царю – в изд. 2 и 4: к воеводе

Стр. 168, строка 20.

Вместо: во дворец – в изд. 2 и 4: к воеводе

Стр. 168, строка 22.

Вместо: царю доложили – в изд. 2 и 4: Доложили

Стр. 168, строки 22, 25, 26.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 168, строка 28.

Вместо: Он – в изд. 1, 3 и 5: Емельян

Стр. 168, строка 29.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 168, строка 34.

Слов: из дворца – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 168, строка 35.

Вместо: войско царское – в изд. 2 и 4: воинство воеводино.

Стр. 168, строка 36.

Вместо: на свое войско – в изд. 2 и 4: на своих стрельцов

Стр. 168, строка 37.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

Стр. 15, строка 38.

Слова: царя (вар.: воеводы) – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 168, строка 38.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода.

Стр. 169 строка 3.

Вместо: солдаты – в изд. 2 и 4: стрельцы

Стр. 169, строка 9.

Слова: его – в изд. 2 и 4 нет.

Стр. 169, строка 5.

Вместо: солдаты – в изд. 2 и 4: стрельцы

Стр. 169, строка 7.

Вместо: царь – в изд. 2 и 4: воевода

—

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

* [ВАРИАНТ СКАЗКИ «РАБОТНИК ЕМЕЛЬЯН И ПУСТОЙ БАРАБАН»]

Посидѣла, посидѣла жена, подумала и стала говорить мужу. Идти тебѣ надо далеко, къ нашей бабушкѣ къ старинной мужицкой жонкѣ, надо ея милости просить, чтобы отдала тебѣ своего внучка Аюнюшку. И съ Аюнюшкой тебѣ далеко идти надо и ничего не жалѣть, только бы ту заморскую штуку достать оттуда не знай откуда и ту не знай каку. Коли будутъ просить съ тебя за эту штуку и самага брата Аюнюшку, отдай и его, только штуку бери. А получишь штуку, иди прямо во дворець, и я тамъ буду. Теперь ужь мнѣ ихъ рукъ не миновать. Они меня силой возьмутъ, да только не надолго. Если всё сдѣлаешь, какъ тебѣ бабушка велитъ, ты меня скоро выручишь. Собрала жена мужа, дала ему сумочку, показала дорогу къ бабушкѣ и отпустила его. Шель, шель солдатъ день, шель другой, приходитъ въ заповѣдныя луга. Видитъ – лежать два жандарма. Спросилъ ихъ солдатъ: не знаете ли, гдѣ идти туда, не знай куда и какъ принести того не знай чего. Услыхали это жандармы и испугались. Кто, говоритъ, тебя послалъ искать. Царь, говоритъ. – Мы, говорятъ, жандармы знаемъ, да нельзя намъ сказывать. Посидѣлъ солдатъ съ жандармами, захотѣлось ему ѣсть. Нельзя ли, братцы, поѣсть. Можно. Эй, Аюня! Выскочилъ мужичекъ въ лапоткахъ, разстелилъ скатерть, принесъ полныя чашки, три перемѣны. Поѣли жандармы съ солдатомъ. Осмѣлился солдатъ послѣ ѣды, опять сталъ спрашивать. А скажите, братцы, куда жь мнѣ идти не знай куда и гдѣ искать того не знай чего. Опять отказали жандармы. Не можемъ, говорятъ, сказать. Одно: Аюню проси, не укажетъ ли онъ тебѣ. Сталъ солдатъ Аюнюшку спрашивать куда идти и чего не знаю. А надо, говоритъ, бабушку спросить. Я проведу. Попрощался солдатъ съ жандармами, пошелъ. Шель, шель, приходитъ въ лѣсъ. Въ лѣсу избушка, въ избушкѣ старая, старая старуха сидитъ. Разсердилась было старуха, да рассказалъ ей все солдатъ. Помягчила старуха, говоритъ: ради дочки моей, твоей жены, послужу тебѣ. Иди ты, говоритъ, къ морю, тамъ, говоритъ, у заморскихъ купцовъ проси.

А какъ же я найду?

Я, говоритъ, съ тобой Аюнюшку отпущу. Попрощался солдатъ, пошелъ. Шель, шель, приходитъ къ морю. У моря стоитъ народъ и корабли съ товарами. <А хлѣба нѣтъ, ѣсть нечего и ждуть всѣ корабля съ провизіей>. Подошелъ солдатъ и спрашиваетъ: что вы здѣсь дѣлаете. Да вотъ, говорятъ, вышла у насъ провизія, ждемъ корабля, а ѣсть нечего, 3–и сутки голодаемъ. <Поговорили съ нимъ.> Сталъ у нихъ спрашивать солдатъ, нѣтъ ли у нихъ того не знай чего. Не стали съ нимъ говорить. Не до торговли намъ теперь, мы 3 дни не ѣли. Велѣлъ солдатъ Аюнюшкѣ покормить ихъ. Сейчасъ разбѣгался Аюнюшка, всѣмъ хлѣба, каши принесъ, всѣхъ накормилъ. Поѣли корабельщики. Сталъ опять у нихъ солдатъ спрашивать того не знай чего. И сказали корабельщики: есть–то у насъ есть, да не продажное – только голодны

мы, продай намъ Аѳонюшку, мы тогда и свое продадимъ.

Подумаль солдатъ: какъ я своего шурина, брата, вѣдь онъ женѣ братъ. Нѣтъ, говорить, не продажный. Услыхаль это Аѳонюшка, отозваль въ сторонку солдата: продай, говорить, меня, я убѣгу, только ничего у нихъ не бери, а только пустой барабанъ. Послушаль солдатъ Аѳонюшки, продалъ его и дали ему корабельщики пустой барабанъ. Взяль солдатъ пустой барабанъ и пошель домой.

Прошель день, и вздумаль: Охъ, гдѣ-то мой Аѳонюшка? и его жалко, да и самому ѣсть хочется. Только подумаль, а Аѳонюшка и тутъ. Я здѣсь, зятекъ. И накормилъ его. Поѣль солдатъ и сталъ спрашивать: на что этотъ барабанъ. Поглядѣль бы, что это. Аѳонюшка и говорить: а ты ударь по не[мъ] и вотъ увидишь. Взяль солдатъ палочку, ударилъ, глядь – со всѣхъ сторонъ войско бѣжить и два жандарма прибѣжали. Ну, говорятъ, а безъ насъ досталь ты того не знай чего. Теперь ты всему голова.

Распрощался солдатъ съ Аѳонюшкой оставилъ все это войско и ушель отъ нихъ. Шель, шель, пришелъ домой.

* № 2.

Надо его работой замучить, чтобы онъ либо ее сюда перевель, либо вовсе бы въ работѣ извелся и она бы вдовой осталась. Задали Емельяну работу такую, что двоимъ впору. Захотѣлось Емельяну къ женѣ, понатужился, кончилъ къ вечеру. Увидаль прикащикъ, что кончилъ, задалъ ему въ четверо. Прибѣжалъ Емельянъ домой, – бѣда говорить, замучають работой. – Не робѣй, говорить жена, все успѣешь. Пошель на утро Емельянъ опять и поспѣль сдѣлать, пришелъ домой ночевать. А къ утру опять на работѣ. Стали еще прибавлять работы Емельяну. Да что ни зададутъ, онъ все къ сроку сдѣлаеть.

Позваль царь придворныхъ. Что жъ, говорить, вы ничего не придумаете. Или я васъ задаромъ хлѣбомъ кормлю. Придумайте такъ, чтобы было по-моему и чтобы можно было мнѣ Емельянову жену взять. Не могу безъ нея жить. Подумали придворные и придумали и говорятъ: Вотъ что. По всему, говорятъ, мы видимъ, что въ женѣ Емельяна колдовство есть. Отъ нея у него сила берется всякую работу сдѣлать. Надо ему такое дѣло задать, чтобы ей нельзя ему помочь. Мы вотъ что придумали. Призови ты Емельяна и вели ему въ одну ночь противъ дворца соборъ построить. Согласился царь, послаль за Емельяномъ.

Ну, говорить, слышаль я, что ты что только вздумаешь съ женой – все сдѣлать можешь.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«РАБОТНИК ЕМЕЛЬЯН И ПУСТОЙ БАРАБАН».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Тема этой сказки взята из известного сказочного сюжета, по которому лягушка красавица–девица выходит замуж за молодца, и этим возбуждает зависть в царе; чтобы избавиться от молодца–бедняка, царь задает ему трудные задачи, и под конец самую трудную – «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». В исполнении этих задач ему помогает жена его. [2]

Интересно, что в вариантах этой народной сказки действующим лицом является стрелец или солдат, носящий фамилию Тарабанов (ср. барабан в сказке Толстого); во второй рукописной редакции сказки Толстого (в первой рукописи) главное действующее лицо тоже был солдат; тогда и в заглавии, заменившем первоначальное «Сиротинка Емеля и пустой барабан», упоминалось слово «солдат»: «Солдат и пустой барабан». Затем, вероятно, из предположения требований цензуры, слово «солдат» было заменено в заглавии словом «мужик», хотя слово барабан осталось и тогда, когда сказка получила окончательное название «Работник Емельян и пустой барабан». По тем же цензурным причинам в тексте сказки Толстого почти во всех изданиях, вышедших в России, слово «царь» заменено словом «воевода» (в народных сказках – «царь» или «король»); соответственно этому слово «царица» заменено словом «княгиня», «придворные» – словом «слуги», «царский дворец» – словом «палаты» и т. п.; слово «солдаты» и не касаясь главного действующего лица выброшено и заменено словом «стрельцы»; точно так же говоря о «мужицкой солдатской матери», опущено слово «солдатская». В рукописях сказки можно насчитать четыре редакции.

Время написания сказки определяется С. А. Толстой на обложках двух рукописей отметкой: «Май 1886 г.» Других сведений о писании сказки нет.

Сказка «Работник Емельян и пустой барабан» по предположению С. А. Толстой должна была войти (вероятно, в 1892г.) в 12 часть «Собрания сочинений гр. Л. Н. Толстого» (под названием «Сказка о пустом барабане», с датой 1891 г. и с обычной заменой некоторых слов для цензуры «воевода» – «царь», «княгиня» – «царица» и проч.), но по требованию цензуры была изъята из уже сверстанного тома (стр. 439–448).

[3] Сказка была пропущена русской цензурой в 1892 году (с той же обычной поправкой) в научно–литературном сборнике «Помощь голодающим» (Москва) под названием «Сказка» и с следующим добавлением в конце: «Из народных сказок, созданных на Волге в отдаленные от нас времена, восстановил Лев Толстой» (стр. 587–593) и затем в 9 изд. XII ч. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого» (1893) под заглавием «Сказка» с прибавлением «из народных сказок» и пр. и с датой 1892 г. Перед этим в 1891 г. сказка была напечатана (без цензурных переделок) М. Елпидиным в Женеве (Genève, M. Elpidine, Libraire–éditeur) под правильным названием «Работник Емельян и пустой барабан» и с тем же примечанием в конце сказки, что в московском издании. Затем сказка под тем же заглавием с точной передачей текста была напечатана в заграничном издании В. Г. Черткова в сборнике: Л. Н. Толстой. «Николай Палкин. Работник Емельян и пустой барабан. Дорого стоит» (Purleigh, Maldon, Essex, England. 1899), и в 1904 году в X томе (стр. 87–96) «Полного собрания сочинений, запрещенных в России, Л. Н. Толстого» (Chistchurch, Hants, England), с датой 1887. В «Собрании сочинений» (Москва), II изд. 1903 сказка начала называться «Сказка о пустом барабане» и датироваться 1891 годом, а в 12 изд. (1912 г.) называться правильно и датироваться 1887 годом (обычные цензурные переделки остались в силе). В России без цензурных переделок в тексте и под заглавием «Сказка об Емельяне и пустом барабане» фирме «Посредник» удалось выпустить сказку в 1906 г. (1–е издание) и затем в 1908 и 1910 гг.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ сохранился в трех рукописях: двух, принадлежащих БЛ, хранящихся в папке под №№ 7, 131 и 132 и одной – ГТМ, с шифром: Инв. №35.

1) № 131. Автограф, 4° 6 лл. нелинованной писчей бумаги с клеймом

фабрики Говарда. Писана крупным почерком, без полей, во всю страницу, на обеих сторонах листа. Много помарок и поправок. Л. 2 об. и часть 3-го перечеркнуты вертикально. Заглавие сначала написано: «Сиротинка Емеля и пустой барабань», потом первые два слова зачеркнуты и сверху написано: «Солдатель» (т. е. Солдат и пустой барабан). На обложке рукою С. А. Толстой написано: «Солдат и пустой барабан. Май 1886 г.». Рассказ начинается: «Жиль былъ солдатъ (сначала было: «сирота Емельянь») и пошелъ онъ изъ побывки въ городъ» (раньше: «кормилъ онъ по работникамъ, жилъ въ пастухахъ и у господъ, и на фабрикахъ»).

2) Рукопись № 132. Копия рукою С. А. Толстой. 4° 7 лл. нелинованной писчей бумаги. С поправками Толстого в тексте и дополнениями на полях. В заглавии слово «солдатель» рукою Толстого зачеркнуто и написано: «Мужикъ Емельянь», потом зачеркнуто слово «мужикъ» и написано: «Работникъ». Это и на обложке и над текстом – одинаково. На обложке та же дата рукою С. А. Толстой: «1886 г. Май». Рассказ начинается: «Жиль <мужикъ> Емельянь у хозяина въ работникахъ».

3. Рукопись ГТМ. Инв. № 35. Копия с 7. 132 рукою М. А. Шмидт, с поправками Толстого. Тетрадь линованной бумаги на 19 лл. Лл. 11 об. и лицевая сторона л. 12-го – чистые. Заглавие: «Работник Емельян и пустой барабан». Начало: «Жиль Емельянь у хозяина въ работникахъ». Эта рукопись служила оригиналом при наборе.

В основу настоящего издания кладется текст рукописи ГТМ, как последний из имеющихся в нашем распоряжении текстов, подвергшихся исправлениям Толстого.

—

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые,

за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддхарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатаваем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», подготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания,

которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое –

курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

2

См. А. Н. Афанасьев, «Народные русские сказки». Москва, 1897, 2, № 122.

3

Имеется в ИРЛИ.

Лев Николаевич

Толстой

Свечка

(1885 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

СВЕЧКА.

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему (Мф. V, 38, 39).

Было это дело при господах. Всякие были господа. Были такие, что смертный час и Бога помнили и жалели людей, и были собаки, не тем будь помянуты. Но хуже не было начальников как из крепостных, как из грязи да попали в князи! И от них-то хуже всего житье было.

Завелся такой приказчик в господском имении. Крестьяне были на барщине. Земли было много, и земля была добрая; и воды, и луга, и леса, всего бы всем достало – и барину и мужикам, да поставил барин приказчиком своего дворового из другой вотчины.

Забрал приказчик власть и сел на шею мужикам. Сам он был человек семейный – жена и две дочери замужем – и нажил уж он денег: жить бы да жить ему без греха, да завидлив был и завяз в грехе. Началось с того, что стал он мужиков сверх дней на барщину гонять. Завел кирпичный завод, всех – и баб и мужиков – поморил на работе, а кирпич продавал. Ходили мужики к помещику в Москву жаловаться, да не вышло их дело. Ни с чем отослал мужиков и не снял воли с приказчика. Прознал приказчик, что ходили мужики жаловаться, и стал им за то вымещать. Еще хуже стало житье мужикам. Нашлись из мужиков неверные люди: стали приказчику на своего брата доносить и друг дружку подводить. И спутался весь народ, и обозлился приказчик.

Дальше да больше, и дожил приказчик до того, что стал его народ бояться, как зверя лютого. Проедет по деревне, так все от него, как от волка, хоронятся, кто куда попало, только бы на глаза не попадаться. И видел это приказчик и еще пуще злился за то, что боятся его. И битьем и работой донимал народ, и много от него муки приняли мужики.

Бывало, что и изводили таких злодеев; и про этого стали поговаривать мужики. Сойдутся где в сторонке, кто посмелее и говорит: «Долго ли нам терпеть злодея нашего? Пропадать заодно – такого убить не грех!»

Собрались раз мужики в лесу до Святой: лес господский послал приказчик подчищать. Собрались в обед, стали толковать.

– Как нам, – говорят, – теперь жить? Изведет он нас до корня. Замучил работой: ни дня, ни ночи ни нам, ни бабам отдыха нет. А чуть что не по нем, придерется, порет. Семен от его поронья помер. Анисима в колодках замучал. Чего ж еще нам дожидать? Приедет вот сюда вечером, станет опять озорничать, – только сдернуть его с лошади, пристукнуть топором, да и делу конец. Зарыть где, как собаку, и концы в воду. Только уговор: всем стоять заодно, не выдавать!

Говорил так Василий Минаев. Пуще всех он был зол на приказчика. Порол он его каждую неделю и жену у него отбил, к себе в кухарки взял.

Поговорили так мужики, и приехал на вечер приказчик. Приехал верхом, сейчас придрался, что не так рубят. Нашел в куче липку.

– Я, – говорит, – не велел рубить липы. Кто срубил? Сказывай, а то всех запорю!

Стал добираться, в чьем ряду липа. Показали на Сидора. Исколотил приказчик Сидору всё лицо в кровь. Отхлестал и Василия татаркой за то, что куча мала. Поехал домой.

Сошлись опять вечером мужики, и стал говорить Василий:

– Эх, народ! Не люди, а воробьи. «Постоим, постоим», а пришло дело, все под застреху. Так-то воробьи против ястреба собирались: «не выдавать, не выдавать, постоим, постоим!»

А как налетел, все по крапиве. Так-то и ястреб ухватил какого ему надо, поволок. Выскочили воробьи: «чивик, чивик!» – не досчитываются одного. «Кого нет? Ваньки. Э, туда ему и дорога. Он того и стоит». Так-то и вы. Не выдавать, так не выдавать! Как он взялся за Сидора, вы бы сгрудились, да и покончили. А то: «не выдавать, не выдавать, постоим, постоим!» а как налетел, – так и в кусты.

Стали так говорить чаще и чаще, и совсем собрались мужики уходить приказчика. Повестил на Страстной приказчик мужикам, чтобы готовились на Святой барщину под овес пахать. Обидно это показалось мужикам и собрались они на Страстной у Василья на задворке и опять стали толковать.

– Коли он Бога забыл, – говорят, – и такие дела делать хочет, надо и вправду его убить. Пропадать заодно!

Пришел к ним и Петр Михеев. Смирный был мужик Петр Михеев и не шел в

совет с мужиками. Пришел Михеев, послушал их речи и говорит:

– Грех, вы братцы, великий задумали. Душу погубить – великое дело. Чужую душу погубить легко, да своей–то каково? Он худо делает – перед ним худое. Терпеть, братцы, надо.

Рассердился на эти речи Василий.

– Заладил, – говорит, – одно: грех человека убить. Известно – грех, да какого, – говорит, – человека? Грех человека доброго убить, а такого собаку и Бог велел. Собаку бешеную убить надо, людей жалеючи. Не убить его – грех больше будет. Что он людей перепортит! А мы хоть и пострадаем, так за людей. Нам люди спасибо скажут. А слюни–то распусти, он всех перепортит. Пустое ты, Михеич, толкуешь. Что ж, разве меньше грех будет, как в Христов праздник все работать пойдем? Ты сам не пойдешь!

И заговорил Михеич.

– Отчего не пойти? – говорит. – Пошлют, и пахать поеду. Не себе. А Бог узнает, чей грех, только нам бы Его не забыть. Я, – говорит, – братцы, не свое говорю. Кабы нам показано было зло злом изводить, так бы нам и от Бога закон лежал; а то нам другое показано. Ты станешь зло изводить, а оно в тебя перейдет. Человека убить не мудро, да кровь к душе липнет. Человека убить, душу себе окровавить. Ты думаешь – худого человека убил, думаешь – худо извел, ан глядь, ты в себе худо злее того завел. Покорись беде, и беда покорится.

Так и не договорились мужики: разбились мыслями. Одни так думают по Васильевым речам, другие на Петровы речи соглашаются, чтобы не заводить греха, а терпеть.

Отпраздновали мужики первый день, воскресенье. На вечер приходит староста с земским с барского двора и, сказывают – Михаил Семеныч, приказчик, велел назавтра наряжать мужиков, всем пахать под овес. Обошел староста с земским деревню, повестил всем назавтра выезжать пахать, кому за реку, кому от большой дороги. Поплакали мужики, а послушаться не смеют, на утро выехали с сохами, принялись пахать. В церкви благовестят к ранней обедне, народ везде праздник справляет, – мужики пашут.

Проснулся Михаил Семеныч, приказчик, не рано, пошел по хозяйству; убрались, нарядились домашние – жена, дочь вдовая (к празднику приехала); запрет им работник тележку, съездили к обедне, вернулись; поставила работница самовар, пришел и Михаил Семеныч, стали чай пить. Напился Михаил Семеныч чаю, закурил трубку, позвал старосту.

– Ну что, мол, поставил мужиков на пахоту?

– Поставил, Михаил Семеныч.

– Что, все выехали?

– Все выехали, я их сам расставлял.

– Расставить–то расставил, да пашут ли? Поезжай посмотри, да скажи, что я после обеда приеду, чтоб десятину на две сохи выпахали, да чтоб пахали хорошо! Если огрех найду, я на праздник не посмотрю!

– Слушаю–с.

И пошел было староста, да Михаил Семеныч вернул его. Вернул его Михаил Семеныч, а сам мнется, хочет что–то сказать, да не знает как. Помялся, помялся, да и говорит:

– Да вот что, послушай ты еще, что они, разбойники, говорят про меня. Кто ругает и что говорит – всё мне расскажи. Я их, разбойников, знаю, не люблю им работать, только бы на боку лежать, лодырничать. Жрать да праздновать – это они любят, а того не думают, что пахоту пропустишь, опоздаешь. Так вот ты и отслушай от них речи, кто что скажет, всё мне передай. Мне это знать надо. Ступай да смотри всё расскажи, ничего не утаивай.

Повернулся староста, вышел, сел верхом и поехал к мужикам в поле.

Услыхала приказчица мужнины речи с старостой, пришла к мужу и стала его просить. Приказчица была женщина смирная, и сердце в ней было доброе. Где могла, усмиряла мужа и застаивала перед ним мужиков.

Пришла она к мужу и стала просить.

– Друг ты мой, Мишенька, – говорит, – для великого дня, праздника Господня, не грехи ты ради Христа, отпусти мужиков!

Не принял Михаил Семеныч жениных речей, только засмеялся на нее.

– Али, давно, – говорит, – по тебе плетка не гуляла, что ты больно смела стала, – не в свое дело вяжешься?

– Мишенька, друг ты мой, я сон про тебя видела нехороший, послушай ты меня, отпусти мужиков!

– То–то, –говорит, – я и говорю: видно, жиру много наела, думаешь, и плеть не проймает. Смотри!

Рассердился Семеныч, ткнул жену трубкой с огнем в зубы, прогнал от себя, велел обед подавать.

Поел Михаил Семеныч студню, пирога, шей со свининой, поросенка жареного, лапши молочной, выпил наливки вишневой, закусил сладким пирогом, позвал кухарку, посадил ее песни играть, а сам взял гитару и стал подыгрывать

Сидит Михаил Семеныч с веселым духом, отыгивается, на струнах перебирает и с кухаркой смеется. Вошел староста, поклонился и стал докладывать, что на поле видел.

– Ну что, пашут? Допашут урок?

- Уж больше половины вспахали.
- Огрехов нет?
- Не видал, хорошо пашут, боятся.
- А что, разборка земли хороша?
- Разборка земли мягкая, как мак рассыпается.

Помолчал приказчик.

- Ну, а что про меня говорят, – ругают?

Замялся было староста, да велел Михаил Семеныч всю правду говорить.

- Всё говори, ты не свои слова, а ихние говорить будешь. Правду скажешь, я тебя награжу, а покроешь их, не взыщи, выпорю. Эй, Катюша, подай ему водки стакан для смелости.

Пошла кухарка, поднесла старосте. Поздравил староста, выпил, обтерся и стал говорить. «Всё одно, – думает, – не моя вина, что не хвалят его; скажу правду, коли он велит». И осмелился староста и стал говорить:

- Ропщат, Михаил Семеныч, ропщат.
- Да что говорят? Сказывай.
- Одно говорят: он Богу не верует.

Засмеялся приказчик.

- Это, – говорит, – кто сказал?
- Да все говорят. Говорят, он, мол, нечистому покорился.

Смеется приказчик.

- Это, – говорит, – хорошо. Да ты порознь расскажи, что кто говорит. Васька что говорит?

Не хотелось старосте сказывать на своих, да с Василием у них давно вражда шла.

- Василий, – говорит, – пуще всех ругает.
- Да что говорит-то? Ты сказывай.
- Да и сказать страшно. Не миновать, – говорит, – ему беспокаянной смерти.
- Ай, молодец – говорит. – Что ж он зевает-то, не убивает? Видно,

руки не доходят? Ладно, – говорит, – Васька, посчитаемся мы с тобой. Ну, а Тишка – собака тоже, я чай?

– Да все худо говорят.

– Да что говорят-то?

– Да повторять-то гнусно.

– Да что гнусно-то? Ты не робей сказывать.

– Да говорят, чтоб у него пузо лопнуло и утроба вытекла.

Обрадовался Михаил Семеныч, захохотал даже.

– Посмотрим, у кого прежде вытекет. Это кто же? Тишка?

– Да никто доброго не сказал, все ругают, все грозятся.

– Ну, а Петрушка Михеев что? что он говорит? Тоже, говняк, ругается, я чай?

– Нет, Михайло Семеныч, Петра не ругается.

– Что ж он?

– Да он из всех мужиков один ничего не говорил. И мудреный он мужик! Подивился я на него, Михаил Семеныч!

– А что?

– Да что он сделал! И все мужики дивятся.

– Да что сделал-то?

– Да уж чудно очень. Стал я подъезжать к нему. Он на косо́й десятине у Туркина верха пашет. Стал я подъезжать к нему, слышу – поет кто-то, выводит тонко, хорошо так, а на сохе промеж обжей что-то светится.

– Ну?

– Светится, ровно огонек. Подъехал ближе, смотрю – свечка восковая 5-тикопеечная приклеена к распорке и горит, и ветром не задувает. А он в новой рубахе ходит, пашет и поет стихи воскресные. И заворачивает и отряхает, а свечка не тухнет. Отряхнул он при мне, переложил палицу, завел соху, всё свечка горит, не тухнет!

– А сказал что?

– Да ничего не сказал. Только увидел меня, похристосовался и запел опять.

– Что же говорил ты с ним?

– Я не говорил, а подошли тут мужики, стали ему смеяться: вон, говорят, Михеич ввек греха не отмолит, что он на Святой пахал.

– Чтò ж он сказал?

– Да он только сказал: «на земле мир, в человецех благоволение!» опять взялся за соху, тронул лошадь и запел тонким голосом, а свечка горит и не тухнет.

Перестал смеяться приказчик, поставил гитару, опустил голову и задумался.

Посидел, посидел, прогнал кухарку, старосту и пошел за занавес, лег на постель и стал вздыхать, стал стонать, ровно воз со снопами едет. Пришла к нему жена, стала его разговаривать; не дал ей ответа. Только и сказал:

– Победил он меня! Дошло теперь и до меня!

Стала его жена уговаривать:

– Да ты поезжай, отпусти их. Авось, ничего! Какие дела делал, не боялся, а теперь чего ж так оробел?

– Пропал я, – говорит, – победил он меня.

Крикнула на него жена:

– Заладил одно: «победил, победил». Поезжай, отпусти мужиков, вот и хорошо будет. Поезжай, я велю лошадь оседлать.

Привели лошадь, и уговорила приказчица мужа ехать в поле отпустить мужиков.

Сел Михаил Семеныч на лошадь и поехал в поле. Выехал в околицу, отворила ему ворота баба, въехал в деревню. Как только увидал народ приказчика, похоронились все от него, кто во двор, кто за угол, кто на огороды.

Проехал всю деревню приказчик, подъехал к другим выездным воротам. Ворота заперты, а сам с лошади отворить не может. Покликал, покликал приказчик, чтоб ему отворили, никого не докликался. Слез сам с коня, отворил ворота и стал в воротниках опять садиться. Вложил ногу в стремя, поднялся, хотел на седло перекинуться, да испугалась лошадь свиньи, шарахнулась в частокол, а человек был грузный, не попал на седло, а перевалился пузом на частокол. Один был только в частоколе кол, заостренный сверху, да и повыше других. И попади он пузом прямо на этот кол. И пропорол себе брюхо, свалился наземь.

Приехали мужики с пахоты; фыркают, нейдут лошади в ворота. Поглядели мужики – лежит навзничь Михаил Семеныч, руки раскинул, и глаза остановились, и нутро всё на землю вытекло! и кровь лужей стоит, – земля не впитала.

Испугались мужики, повели лошадой задами, один Петр Михеич слез, подошел к приказчику, увидал, что помер, закрыл ему глаза, запрёт телегу, взвалил с сыном мертвого в ящик и свез к барскому дому.

Узнал про все дела барин и от греха отпустил мужиков на оброк.

И поняли мужики, что не в грехе, а в добре сила Божия.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

«СВЕЧКА».

Варианты текстов: издание «Посредника» 1886 г., «Сочинения гр. Л. Н. Толстого, часть двенадцатая, М. 1886, стр. 51–61, и журнал «Книжки Недели», 1886, I, стр. 169–178.

Стр. 108, строка 39.

Вместо: с земским – в изд. «Посредн.»: с земскими

Стр. 112, строка 26.

Вместо: Крикнула на него жена: – до конца в «Книжках Недели» и в изд. «Посредн.»:

Уйди ты, пока цела, не твоего ума дело.

Так и не встал.

На утро встал, взялся за прежнее, да уж не тот стал Михаил Семеныч; видно, чуюло его сердце. Стал тосковать и не стал ни до чего доходить. Всё дома сидел.

Недолго после того и поцарствовал. Приехал Петровками барин. Нынче позовет – приказчик болен, говорят, завтра позовет – болен.

Дознал барин, что пьянствует, ссадил его с приказчиков. Стал Михаил Семеныч на дворне без дела жить. Еще больше заскучал, обовшивел весь, что было пропил, обнизплся так, что у жены платки крал, в кабаке носил. Даже мужики жалели, похмельиться давали. И году не прожил после того. От вина и помер.

Комментарии В. И. Срезневского

[1]

«СВЕЧКА».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Рассказ «Свечка» написан Толстым на основании слышанного им повествования о действительном происшествии. Рассказ этот Толстой писал в мае или июне 1885 г. Н. Н. Страхов, бывший в Ясной поляне в середине июня, прочитал его тогда, как видно из его письма 18 июня к его большому приятелю Н. Я. Данилевскому; [2] он пишет ему, что «два последние рассказа (т. е. «Свечка» и «Два старика») удивительны по своей художественности и чудесному смыслу»; потом, 28 июля, в письме к Толстому, Страхов говорит, что не раз вспоминал о «Двух стариках» и о «Свече» (так он называет рассказ); при этом он указывает одно слабое, по его мнению, место в последнем рассказе, «где добрый мужик объясняет, почему не следует убивать приказчика»; Страхов не верно понял мысль Толстого; он думает, что Толстой хотел сказать, что так поступает мужик «для избежания угрызений совести»; между тем и в старшей рукописи «Свечки» этого не видим: главная мысль Толстого видна из того названия, которое первоначально он дал рассказу – «Мне отмщение и Аз воздам», и еще более ясна из введенного потом эпитафия к рассказу, взятого из Евангелия от Матфея V, 38–39... («не противься злему»).

Случай, когда-то слышанный Толстым про жестокую смерть приказчика, так глубоко залег у него на душе, что когда он начал писать, он не мог изменить своего писания. Несмотря на доводы многих лиц, членов кружка «Посредник», указывавших на необходимость перемены конца рассказа, неудобного, как им казалось и в нравственном и в цензурном отношении, Толстой настойчиво стоял на своем.

В высшей степени нравившийся Черткову этот рассказ смущал его, – читаем в его письме к Толстому, – своими последними строками: «Эта ужасная смерть приказчика, как раз после того, как он сознал

торжество добра над злом и признал себя побежденным.... всё это ужасно тяжело напоминает мне ветхозаветный рассказ о пророке, отомстившем смертью детям, смеявшимся над ним.... И кто ни читает этот рассказ из лиц, вполне разделяющих наши взгляды, и из лиц только симпатизирующих им, все – в один голос находят, что рассказ и по форме и по содержанию прекрасен, только вот конец всё портит» (письмо 7 ноября 1885 г.). «Не знаю, как вы отнесетесь к моему предложению, – говорит В. Г. Чертков в конце того же письма, – но.... было бы боязливо и недобросовестно с моей стороны не сделать еще попытки убедить вас согласиться на маленькое по форме, но мне кажущееся весьма важное по существу изменение конца». Чертков послал Толстому две редакции изменения конца: одну, составленную Калмыковой, по просьбе Черткова, другую – составленную Чертковым по изложениям Толстого и Калмыковой. Получив это письмо, – как читаем в ответном письме Толстого (11 ноября 1885 г.), он «целый вечер думал о «Свечке» и начинал писать, и написал другой конец. «Но всё это, – говорит он, – не годится, и не может годиться. Вся историчка написана в виду этого конца. Вся она груба и по форме, и по содержанию, и так я ее слышал, так ее понял, и иному она не может быть – чтобы не быть фальшивою».

[3] Толстой уже хотел было писать после слов «пропал я, говорит, победил он меня» новый сочиненный им вариант, когда вдруг во время писания письма, ему пришел в голову еще новый вариант: он сейчас же вписал его в письмо к Черткову, отметив, что «так еще можно». [4] В том же письме он покался, что ему сначала было неприятно желание Черткова переменить конец и перемена, сделанная А. М. Калмыковой. «Но это было одну минуту, – говорит он, – и после стало очень приятно». «Я согласен, что есть что-то дикое в этой смерти (приказчика) – читаем дальше, – и лучше, чтобы ее не было. А главное мне так дороги те причины, по которым вы и Калмыкова желаете переменить, что потом стало приятно». [5]

Так образовалось две редакции рассказа, с совершенно иными окончаниями: одна, написанная в мае-июне, другая в ноябре 1885 г. Старшей рукописи рассказа – автографу Толстой дал такое, как сказано выше, заглавие: «Мне отмщение, и Аз воздам» (Римл. XII, 19). К заглавию второй рукописи (копии рукою С. А. Толстой), Толстой приписал сверху «Свечка». Потом текст из ап. Павла, ставший второй частью заглавия, Толстой отбросил совсем, даже как эпитафия, оставив заглавие только «Свечка», а эпитафия взяв из Матфея, V, 38–39, который и закрепился за рассказом. В письме 12 октября 1885 г. В. Г. Чертков просил Толстого прислать ему к «Свечке», как и к другим нескольким рассказам, более подробные заглавия, в подражание лубочным изданиям. В ответ на эту просьбу Толстой в письме к Черткову 17 октября прислал ему новое распространенное заглавие рассказа: «Свечка или как добрый мужик пересилил злого приказчика». С этим заглавием рассказ вышел в «Книжках недели» (1886, 1) и в издании «Посредника» 1886 г. В этих изданиях была напечатана вторая

редакция конца, о которой Толстой написал в письме к Черткову: «так еще можно». Тогда же вышла XII часть «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Произведения последних годов», М. 1886, с текстом первой редакции, которого особенно держался Толстой – «так я ее (историйку) слышал, так ее понял». В этом издании заглавие краткое – «Свечка».

Рассказ был разрешен цензурой фирме «Посредник» – текст – 17 января 1886 г. (опечатка: 1885 г.), обложка – 22 января 1886 г.; рисунки на обложке принадлежат художнику А. Д. Кившенко (1851–1895).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Рассказ «Свечка» сохранился в трех полных рукописях и в отрывке, представляющем вариант конца. Две рукописи принадлежат к Архиву В. Г. Черткова, переданному в ГТМ, и хранятся там в папке 8, под №№ 13 и 14; одна рукопись принадлежит Государственному Литературному музею.

1) № 13. Автограф всего рассказа 4°, 6 лл. нелинованной писчей бумаги, с поправками и помарками. Заглавие: «Мне отмщение и Аз воздам». Автограф написан, судя по бумаге, почерку и чернилам, в один прием. Начало: «Было это дѣло при господахъ». Конец: «И вытекло изъ него все нутро. Тутъ и померъ».

2) Рукопись № 14. Копия рукою С. А. Толстой, 4°, 9 лл. нелинованной писчей бумаги. В правом углу сверху: № 2. С поправками и дополнениями Толстого и заглавием его рукою: «Свечка», написанным сверх прежнего: «Мне отмщение и Аз воздам», которое оставлено в виде эпиграфа. Копия сделана не с автографа, а с несохранившейся копии, в которую Толстым были внесены некоторые поправки.

3) Рукопись ГЛМ. Копия всего рассказа, рукою С. А. Толстой, 4°, на 13 лл. нелинованной писчей бумаги, повидимому она является копией предыдущей. Между заглавием «Свечка» и эпиграфом: «Мне отмщение и Аз воздам» рукою Толстого вписано: «Посл. Павла к Римл. XII. 19. Не мстите за себя возлюбленные, но дайте место гневу Бога. Ибо написано: Мне отмщение – Я воздам, говорит Господь. Второзаконие XXXII. 35. В день отмщения воздам, егда соблазнится нога их. Яко близ день погибели их и предстоят готовая вам. Яко судити имать Господь людем своим и о рабех своих умаление будет... 39. Видите все, кто яко Аз есмь и несть Бога разве мене. Аз убью и их жити сотворю, поражу и исцелю и несть, иже не примет от руку моею».

В рукописи много поправок, вписанных рукою Толстого и ряд зачеркиваний. Зачеркнуты последние слова: «и вытекло из него всё нутро» и написан новый конец, который точно соответствует окончательному печатному тексту со слов: «Приехали мужики...».

4) Рукопись с вариантом конца рассказа – в письме Толстого к В. Г.

Черткову от 12 ноября 1885 г., начиная со слов: «Побѣдиль онъ меня»... Хранится в АЧ–ГТМ.

В основу издания положен текст журнала «Книжки Недели» 1886, 1, стр. 169–178, и проверен по рукописям; конец рассказа, начиная со слов: «Приѣхали мужики съ пахоты»... взят из «Сочинений гр. Л. Н. Толстого. Часть 12. Произведения последних годов». М. 1886 г., стр. 51–61, он соответствует рукописи ГЛМ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением

Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор

сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются

(петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

2

«Русский вестник» 1901, 3, стр. 137.

3

См. том 85, стр. 276.

4

Там же, стр. 276.

5

Там же, стр. 276.